

В СТРАНЕ
БЕСКРЫЛЫХ
АННА СОЛО

Что одному хорошо — для другого зелёная тоска. Юная княжья дочь мечтает о воле и настоящих чувствах, но вместо этого ей предстоит стать невестой незнакомца из страны с чужими и странными обычаями. Подруга княжны, дочь мага, желает власти, приключений и яркой жизни, но её отдают замуж за владельца маленького захолустного поместья. С помощью магии девушкам удаётся поменяться местами. Только так ли "вкусно" чужое счастье? И не придётся ли за него слишком дорого заплатить?

Ольховец

Вечер в Ольховце наступает рано. Чуть опустится Око за кромку леса — куры торопятся на насест, а люди на боковую. Расходится по домам народ, закрываются лавки, быстро гаснет в окошках свет, и вскорости в городских проулках остаётся лишь ночная стража.

Нести службу в ночь при княжьем дворе — скучища смертная: вздремнуть нельзя ни на миг, да только что проку? Тише места не выдумаешь. Что тут может произойти? Молодой страж томился на своём посту перед лестницей в терем княжны, с трудом гнал прочь зевоту. В галерейке было темно и глухо, казалось, даже комары ушли на покой. Только слышались трели соловья в лесу, да видно было через узенькое оконце, как в небе неспешно сгущается ночь.

Вдруг сонную тишь потревожили чьи-то шаги: то была твёрдая поступь решительного и сильного человека. Заслышав её, страж встрепенулся, приняв подобающий случаю бодрый вид, однако из-за поворота галереи вышла всего лишь Стина, старая* нянька княжны.

По-своему это была выдающаяся особа: лицом и сложением нянюшка напоминала хорошо откормленную веприцу, а ростом не уступала даже самым дюжим из княжьих стрелков, и потому казалось, что, перемещаясь между покоем, она заполняет собой почти весь проём галереи.

Строго сверкнув на стажа маленькими глазками, Стина спросила — Что Услава Радогостовна? Тот торопливо отозвался — Выходить не изволила, и у себя никого не принимала. — Ну то-то же, — буркнула нянька, протискиваясь мимо него к лестнице. Уже встав на первую ступень, она обернулась и зло процедила сквозь зубы — Растопырился тут, глупый лошадь... Ни проехать, ни пройти.

В девичьем тереме было темно, лишь слабо теплилась лампадка в красном углу. Княжна стояла, прильнув к слюдяной оконнице, и грустно смотрела в сад. Едва заметив её, нянька всплеснула руками, кинулась к ней, запричитала ласково — Усенька, ясочка**, что ж ты у оконца-то стоишь! Сквозняком протянет, комарики обкусуют... Дело ли? Услава безропотно позволила увлечь себя вглубь светёлки и усадить на скамеечку. Сняв с девушки богато вышитый плат и повязку*** с жемчужной поднизью, нянюшка выплела из её косы яркие ленты, принялась бережно разбирать и расчёсывать гребнем густые каштановые пряди. — Не мучь себя пустыми думами, — ворковала она при этом нежно. — Помолись Лунной Деве да спать ложись. День-то грядёт какой: завтра краватынский князь с сыном к нам припожалуют для смотрин. А там и до свадьбы недалече. Вздохнув, Услава прошептала едва слышно — Боязно мне, нянюшка. Какой он хоть, этот княжич Идрис? Добр ли? Хорош ли собой? — Вот завтра и узнаешь. Не журишь****, голубка. Нешто батюшка стал бы тебя за какого татя сговаривать? У краватынцев дом — полная чаша, княжество их богато и славно. А что князь Адалет нравом крут, так то невелика беда. Свёкр дурной что дождь ночной,

пошумит и утихнет. А ты умна будь: знай помалкивай, очи долу опускай, а сама во всём мужа своего держись, так и станешь в дому полной хозяйкой. В ответ княжна только вздохнула ещё горше. Стина нахмурилась, спросила тревожно — Чего вздыхаешь? Уж не простыла ли? — Нет, я здорова. Только грустно мне очень. И ухокрыл нынче снова пел*****. — Ах он окаянец, горлодёр проклятуший! — возмутилась старуха. — Завёл же твой батюшка себе забаву! Одни хлопоты от этого зверинцу: вонь, вопёж да кормам перевод. И тебе, душенька, никакого покою.

Говоря всё это, нянька уложила волосы своей воспитанницы в нетугую косу, развязала на девушке тканый пояс, сняла с неё дорогой, нарядный запон и принялась распускать шнуры на вышитых нарукавьях. Привычно подчиняясь порядку вечернего переоблачения, княжна стояла неподвижно. — Ах, нянюшка, не в том дело. Мне даже нравится, как он поёт. Но знаешь, и жаль его, бедолагу. Он ведь мучается и тоскует в клетке. Вот и я так же. Почему всем другим девушкам можно петь, веселиться, танцевать у костра в Щедрец, выбрать милого себе по сердцу, а мне нельзя ничего? Даже просто постоять у окошка и то нельзя. Стина недовольно покачала головой. — Ясочка моя ненаглядная, к чему все эти зубоскальства и бесстыжие плясы? Простецы пускай себе тешатся, а княжна и без того завидная невеста. К тому ж ты у нас уже сговорённая, тебе себя блюсти надо. Вот выйдешь за княжича Идриса... — И окажусь навек запертой в чужом тереме, как батюшкин ухокрыл. По щеке девушки медленно покатила слеза. Нянька торопливо отёрла её платочком. — Ну, полно, не плачь, глазки опухнут. Тебе, душенька, завтра перед гостями надо такую красу явить, чтоб кравотынцы все зажмурились и рты пораззявили, а ты щёчки слезами портишь. — Кравотынцам до моей красы дела нет. Князь Адалет не сына женит, заложницу в дом берёт, чтоб по границе с Приоградьем был мир, и никто ему в спину не ударил, пока он с полянами грызётся. — Это кто ж тебе такого понаплёл? — сурово поинтересовалась Стина. — Сама не глуха и не слепа, — неожиданно жёстко ответила Услава. — Оставь меня, поди прочь. Спать желаю.

Недовольно поджав губы, Стина поклонилась и вышла за дверь. С суровым видом она протиснулась мимо вжавшегося в стену стража и решительно направилась к кладовым: следовало проверить, всего ли хватает для завтрашнего торжества. На ходу нянька раздумывала про себя: «Это всё Краса, её поганый язык. Вот ведь дрянь, Гардемирово отродье! Знамо дело, на осинке груши не растут! Как по мне, так и вовсе не следовало везти Усеньку в этот беспутный Городец. Чего она там не видала? Танцев элорийских? Вестимо, куда те танцы завели дуру Красу: спасибо хоть князь её приказом замуж выдал, да усрал за Ограду, с глаз долой. И правильно, поделом. Вольно ей было самой срамиться и подруг, благонравных девиц, в смуту вводить. Пусть теперь в Диком Лесу мужу рубахи латает да на ракшасов из окна пялится. А Усенька за богатым и знатным княжичем быстро утешится, забудет о дурной вольности тосковать. Вот только ухокрылу надо будет в пойло начать наливать понемножку пива, чтоб ночами спал, не орал зря».

А княжна, едва на лестнице затихли нянькины шаги, вновь поспешила к окну. Распахнув его настежь, Услава облокотилась о широкий подоконник и выглянула в залитый лунным светом сад. Впрочем, что это был за сад? Так, часть внутреннего двора, переделанная по князьему приказу в место для её прогулок. Станет ли кто поливать здесь кусты и кормить рыбок в пруду, когда она уедет на чужбину? И позволит ли ей новая родня посадить хоть цветок в память об отчем доме?

* * *

Ночь прорезал тоскливый, оглушительный вой. Радим в раздражении швырнул о решётку пустой миской, однако крылатый паршивец и не подумал замолчать. — Вот я ж тебе!

Страж подскочил было к клетке, собираясь треснуть горластого нелюдя древком копья, однако старый Ельмень, смотритель зверинца, удержал его за плечо. — Не тронь. Пускай воеет. — Да задолбал уже. Громкий, зараза, — проворчал недовольно Радим, снова усаживаясь на перевёрнутое ведро. — Не только громкий, вдобавок ещё шустрый и злой. Раньше-то он просто в клетке сидел, без цепи. Потом какой-то умник из князевых гостей вздумал его вот так же, как ты, копьём потыкать. Типа чтоб полетал напоказ. А ух ему как дал когтями прямо через решётку... — И что вышло? — А вестимо что: умника — на жальник*****, ухокрыла — на цепь. Только соваться к нему всё едино не советую. Коготочки-то вот они. Радим настороженно покосился на ухокрыла. Тот сидел под самым потолком, глубоко вогнав когти в брёвна стены, и таранился на людей своими жуткими глазищами. — Мда, коготки что надо. Подстричь бы. Ельмень усмехнулся — Вот и займись на досуге. — Не, я пока на жальник не тороплюсь. Слушай, а как такого вообще поймали? — Это его Стина оприходовала. Он, вишь ли, повадился у княжны из пруда золотых карасиков таскать. Княжна, понятно, расстраивалась, что рыбки пропадают, ну, а нянька и решила подсуетиться, изловить вора. Она думала, видать, что это балует кто-то из наших, стража или дворовые. Оставила у пруда корец с самобулькой, а в неё сонного зелья намешала. Ух прилетел, рыбку слопал, глядь — а тут и запивка... Короче, с утра его взяли сонным и сразу определили в клетку на постой. Князь поперву даже думал, что можно будет его как-нибудь приручить и выпускать на ночь, чтоб мышей по крепости ловил, только из этой затеи ничего не вышло. Жрать с руки или там в клетку уборщика пустить — это ух живо выучился. А чтоб самому по команде к человеку подойти — нет, и всё тут. Сокольничий сказал, это от того, что он уж взрослый. Вот если бы взять совсем маленького нелюдёныша да с малых когтей к послушанию приучать, тогда дело пошло бы на лад. Князь как про то услышал, сразу распорядился поймать живую уху на развод. Хорошую плату обещал, только что-то охотничков на такое дело пока не находится. — Фу, ну к ящеру! — передёрнул плечами Радим. — Лучше б князь кота завёл. — Обычный человек так бы и сделал. Но то ведь — князь, ему желается диковинку у себя иметь, чтоб соседи завидовали... Слышь, идёт кто-то. По местам.

Хлопнула дверь, зазвучали лёгкие шажочки, и у пруда появилась княжна Услава в простом запоне и платке. При виде неё Радим вскочил с ведра, приосанился, расправил плечи, а Ельмень с трудом подавил тяжкий вздох. Он давно уже нёс службу при князьем зверинце и с княжной познакомился в ту пору, когда она на четвёртом круге жизни вдруг лишилась матери.

Маленькая Усенька любила зверей. Именно в угоду ей князь перестал держать на цепи пойманных для всяких жестоких забав волков, медведей и тигров. Вместо этого во дворе построили крытые вольеры, свирепых хищников сменили робкие лани, барсук, семья белок и старая рысь, а для ухода за ними был приставлен смотритель. Рядом с зверинцем князь велел сделать прудик с берегами из камня и расставить вокруг в кадках живые кусты сиреней и роз. Понемногу ольховецкий зверинец стал одним из чудес Приоградья, а его маленькая хозяйка Усенька так же незаметно превратилась из девчушки во взрослую девушку, Усладу Радогостовну. И вот, уже завтра на княжий двор приедет её жених. Много всякого, не всегда доброго Ельмень слышал о свирепых нравах кравотынцев и о жалкой доле их жён. Оттого на

душе у него было тяжело и беспокойно. Разве можно отдать их девочку этим горным волкам? Только ведь тут не поспоришь, отцу видней...

В отличие от Ельменя, молодой Радим совсем недавно был переведен на службу в княжий охранный взвод. Княжну он знал только взрослой славницей, первой девой Приоградья. На самом-то деле Радим полагал, что его невеста куда краше, но княжья дочь ведь обязана если не быть, то хотя бы считаться лучшей во всём. И потому, глядя, как княжна кормит рыбок, склонившись над прудом, он думал ревниво: «Жаль, что такой кусочек достанется кравотынскому неотёску». Княжич Идрис, за которого её прочили, слыл грубым воякой, да верно, им и был. Всем ведь известно, что отец его, князь Адалет, живёт в седле, ест с ножа, сам водит своё войско, и сына везде таскает за собой. И таким-то отдавать их княжну? Однако с князем не спорят, ему видней...

Примечания:

* По тем временам человек лет в 45–48 вполне мог считаться старым. Но в данном случае имеется виду не столько возраст, сколько особое положение Стины при князьем дворе.** Ясочка — звёздочка. Стина — уроженка Восточной Загриды, и она нередко вставляет в речь слова своего родного языка.*** Девичья повязка — головной убор в виде широкой ленты, завязывающейся на затылке. Переднюю часть (очелье) украшали как можно богаче: вышивкой, бисером, камнями. По нижнему краю повязку могла дополнять спускающаяся на лоб сеть — поднизь и на висках парные подвески — рясны.**** Не журишь — не бойся.***** Ухокрыл — лесной нелюдь, разумный потомок гигантских летучих мышей. Среди приоградцев слышать пение ухокрыла считается дурной приметой.***** Жальник — кладбище.

Свет мой, зеркальце

Скормив рыбкам последнюю горсть крупы, княжна отряхнула руки о запон и направилась к клетке ночного летуна. Старый Ельмень подошёл следом, протянул ей ведёрко ухокрыльих лакомств: сырых кроличьих лапок, куриных голов, костей и жил, не годных в людской котёл. Своим собственным ключом Услава отворила решетчатую дверь, зашла внутрь и позвала ласково: «Зубастик!» Ухокрыл проворно спустился к ней со стены. Неторопливой рукой девушка сперва нежно почесала его за перепончатым ухом, погладила вытертую хомутом шерсть на шее, а затем на раскрытой ладони протянула окровавленный обрезок. И чудище аккуратно забрало угощение, поблагодарив тихим урчанием.

То была обычная вечерняя забава. Как стемнеет, тайком от няньки княжна частенько приходила в зверинец, прикармливала и ласкала страшного пленника, а Ельмень всякий раз стоял за её плечом, сжимая в руке короткое копьёцо, и внимательно следил за каждым движением крылатой твари. Первые разы было особенно жутко, однако запретить княжьей дочери баловаться смотритель не мог, а наябедничать няньке, чтоб запретила та — не позволяла совесть. И так-то не много выпадало Усладе в жизни радостей, потому старый охотник, всё ещё уверенный в меткости своих глаз и твёрдости руки, позволял ей тешиться на свой страх и риск. А заодно порой отвечал на странные девичьи вопросы, не предназначенные для посторонних ушей.

Вот и в этот раз, отдав ухокрылу очередной кус, Услава спросила тихонько — Дядька Ельмень, кравотынцы — что они за народ? Смотритель чуть заметно пожал плечами — Люди как люди, две руки, две ноги... Веры нашей, а живут, вроде бы, тивердинским обычаем: бабам своим велят сидеть по домам, выходя же на люди — лицо заслонять покрывалом. Доподлинно-то я про них не знаю, сам в Кравотыни никогда не был. Вот

господин Гардемир — тот ездил вместе с твоим батюшкой. — А правду ли говорят, будто в Кравотынское княжество неженатых мужчин не пускают? — Это верно, чужих не пускают, чтоб не вздумали их девок вабить* или, паче того, не затеяли на их земле осесть. И из своих у них только тем есть выход за тын, у кого на родине семья. Чтоб, значит, домой тянуло. — Как же тогда их княжич? — Вот про такое не ведаю. Княжичу, может, и можно. А может, у него уже тамошняя жена имеется, закон ведь позволяет столько тёток в дому держать, сколь можешь прокормить. Услада насупилась, досадливо прикусила губу. — Значит, как поеду к мужу в дом, никого из наших людей при мне не останется. А что в людской говорят: кого из девушек со мною отправят? Ельмень едва не ляпнул, что чужим бабам в Кравотынь въезд вообще строго-настрога заказан, да в последний миг осёкся, прикусил язык. Только буркнул, отведя глаза — Это уж ты у Стины выпрашивай, она лучше знает. Услада кивнула молча и протянула ухокрылу последний кусок.

Вернувшись к себе в терем и закрыв дверь на засов, Услада вынула из сундука круглое зеркальце в золотой оправе. Сев с ним под лампадкой, она глубоко задумалась. Идти с разговорами к господину Гардемиру, магу, ведающему охраной княжьей семьи, совсем не хотелось: неприметное лицо его, вкрадчивые манеры и привычка ходить беззвучно вызывали у девушки безотчётный страх. Стина же скажет только то, что сочтёт нужным, лишь бы дитятко не тревожилось. Ах, как сей миг не хватало Усладе верной подруги рядом! Однако Краса нынче была далеко...

Кажется, ещё совсем недавно, а на деле уж кругов с десять назад Ольховецкая крепость была радостным местом. Галереи и терема полнились смехом, песнями и топотом детских ног. Сама Уся, оба её старших брата, дочь Гардемира, сын ольховецкого кастеляна — все они росли вместе под присмотром строгой Стины и доброго, бесконечно терпеливого господина дэль Ари. Нянюшка следила, чтоб дети были должным образом одеты и сыты, а мастер Мерридин обучал их чтению с письмом и ненастными вечерами забавлял сказками. Всё закончилось, как только отец решил, что мальчиков пора обучать отдельно. Вместе с мастером Мерридином они уехали в Городец, Услада же с Красой остались при нянюшке, и учили их отныне лишь ведению хозяйства да пристойному благородным девицам рукоделию.

Впрочем, и это была неплохая пора. Тихоня Услада и бойкая озорница Краса проводили вместе дни напролёт, скрашивая дружбой невольное затворничество. Когда же случались в Ольховце балы или приёмы гостей, княжна была в тереме своего отца за хозяйку, а подруга её держалась рядом, всегда готовая помочь и советом, и делом, и весёлой шуткой.

Нянюшку дружба девиц совсем не радовала. Ей мнилось, что покладистая и скромная княжна наберётся дурного от оборотничьего отродья, и не так уж она была не права. Пока Услада кормила рыбок в пруду да любовалась цветами, рано созревшая Краса уже во всю морочила головы мальчишкам с поварни, тайком бегала на конюшню целоваться с милovidным младшим конюхом, а за рукоделием распевала жалостливые тормальские песни о безответной любви. Она же первой поведала княжне о всех тайнах отношений между мужчиной и женщиной и приохотила её к слезливым элорийским романам. Но любила Услада свою подругу вовсе не из-за этих причуд. Гардемирова дочь обладала тем, чего княжна не имела сама: книжная наука, вгонявшая Усладу в сон, Красе давалась на диво легко. Стину же не радовали её успехи: Краса знала о себе, что умна, и, к досаде няньки, не собиралась этого скрывать. К тому же к пятнадцати кругам девчонка вдруг сделалась на диво хороша собой: бела, румяна, станом тонка, ловка в движениях, словом, во всём-то она затмевала молчаливую и неяркую собою княжну. «Скорей бы Гардемир свою вертихвостку

замуж сбагрил, — ворчала Стина, вроде, тихо, но так, чтоб было слышно всем вокруг, — не то хлебнём мы тут через неё сраму полной ложкой...»

Ворчливая старуха словно в воду глядела. Беда приключилась в Городце, куда вскоре после свадьбы брата Милоша (а вернее сказать, наследного княжича Милослава) княжну вместе с подругой пригласили на бал. Сразу после танцев в княжьем саду Краса исчезла, а Усладу на другое утро под усиленной охраной вернули в Ольховец. Только позже княжне удалось узнать из разговоров челяди, что бедная её подруга решилась сбежать со своим конюшенным милёнком, но вместо счастья нашла на свою буйную голову лишь ворох прохождений, девице на выданье совсем не пристойных.

В Ольховец беглянку вернули под стражей, заперли в девичьей и самым спешным порядком принялись снаряжать замуж. Сенные девушки вздыхали жалостливо и шептались между собой, что жениха ей князь назначил незавидного: какого-то мага жуткой силы, вконец сказившегося** на своей работе. А большего о нём никто и не знал.

Свадьба вышла вовсе скромная: ни гостей, ни выкупа, ни смотрин. Едва приехал жених, жрец провёл в храме при крепости обручальный обряд, а после князь приказом выделил мужу Красы во владение за Оградой подворье с прилежащей землёй. Трудно было понять, награда тут или ссылка: вроде, милость немалая, да зато пожалованное подворье — в самой ракшасьей глуши.

В тот же день молодые отправились в свой надел. Усладе удалось попрощаться с подругой лишь мельком. Только и успели они, что обняться напоследок, да ещё Краса быстро сунула княжне в руки круглое зеркальце из тивердинского стекла и шепнула: «Как соскучишься — поглядишься.»

Не сразу Услава догадалась, что слова те следовало понимать впрямую. Лишь пару седмиц спустя заглянула она со скуки в дарёное зеркальце и вздохнула: «Ах, Краса... Где-то ты нынче?» Блестящая поверхность затуманилась, словно от пара, а когда через миг прояснилась вновь, вместо своего отражения Услава увидела в зеркале довольное лицо Красы! Та вовсе не выглядела несчастной изгнанницей: в косы её, уложенные короной вокруг головы, были вдеты золотые гребни, а из-под верхнего ярко-синего платья виднелась богато вышитая шёлковая рубаха. Услава только руками всплеснула — Ну ты, мать, хороша! Кубелёк***-то какой! — Это называется не кубелёк, а блио, — с улыбкой поправила её Краса. — Чего не заглядываешь? Чуть я со двора — уже и забыла меня, да? Услава вспыхнула от смущения и робко пробормотала — Да откуда ж мне было знать... — Эх ты, птенчик! Стала бы я тебе просто так дарить дорожное зеркало, ты же в них никогда не смотришь! Вот, теперь знай: можем болтать через него, сколько душевненьке угодно. Как у тебя дела? — Да что у меня может быть нового... Сама ты как? — Всяко лучше, чем в Ольховце, — сверкнула улыбкой Краса. — Я теперь мужатая молодлица, куда хочу, туда и хожу. — Куда там у вас ходить? — удивилась Услава. — В лес по грибы? — Скажешь тоже... У нас большой конный рынок прямо у ворот, Задворки называется. Народищу — из всех краёв... Знаешь, как интересно? — И не страшно тебе среди чужинцев? — Не-а. Я же не одна по рынку хожу, беру с собой кого-нибудь из челяди покрепче. Чтоб было кому покупки нести. — Что ж муж, не возражает? Краса скорчила кислую гримаску — Венселю всё равно, где я и чем занята. Кое-кто, похоже, даже не заметил, что теперь женат. Болтаются целыми днями то на пустоши, то в лесу, а как вернётся, идёт на рынок: там его вечно целая толпа больных ждёт. Хорошо, если хоть за полночь домой вернётся. — Так он что, даже не приходит к тебе в опочивальню? — искренне огорчилась Услава. — Нет, отчего же.

Приходит. И сразу валится спать, как убитый. А утром проснись — его уже и след простыл. Княжна призадумалась слегка, потом заметила — А ведь я, пожалуй, помню твоего мужа, нам его представляли на балу в Дожинки. Симпатичный такой худенький юноша, целитель Нортвуд. Верно? — Да, он и есть. — Как же вышло, что твой Венсель на такую красавицу, как ты, даже не глядит? Может, у него есть милая в лесу? Или он нездоров? — Глупости, этот тип здоров, как три коня. Слушай, княжна, вот что я скажу, — заявила Краса тоном мудреца, — если парень взялся повелевать силой, тут уж всё: с красотками ему надо расстаться! **** Ну его вовсе, лучше Расскажи мне, что у вас там новенького в Ольховце...

С той поры Краса с Усладой вновь стали видеться тайком почитай каждый день. И наверняка подруга смогла бы развеять сомнения Услады, рассказав ей многое о Кравотынском княжестве и порядках в нём. Вот только пристойно ли беспокоить её в ночи?

Решившись, Услава поднесла зеркальце к губам и тихонько шепнула — Краса, душечка! Спишь ли? Отзовись... Зеркало затуманилось и прояснилось вновь. Взъерошенная, недовольная Краса выглянула из-под одеяла. Рядом с нею безмятежно храпел её муж. — Ты чего? — буркнула она сонно, оправляя ночной чепец. — Голубушка, не сердись, — зашептала Услава жалобно. — Беда у меня на пороге.

С глаз Красы мигом слетел весь сон. Подскочив с кровати, она ухватила свечу с поставца, выскользнула из спальни, и уже за дверью, приказав свече гореть, спросила в голос — Что ещё стряслось? — Меня батюшка замуж сговорил. — Тю на тебя, — Краса выдохнула с явным облегчением. — Я уж думала, действительно беда: помер кто, или враг под стенами... — Вольно тебе рассуждать, а я ведь своего суженого только на свадьбе и увижу. — Так и что? Я тоже аж до храма знать не знала, за кого иду. — Тебе муж попался кроткий, как голубь. И потом всё ж загридинец он, не чужак. А меня отдать хотят в закрытое княжество Кравотынь. И говорят, что порядки там сильно строгие, коль зайду за их тын мужней женой, обратно уж не выйду, и никого из своих больше не увижу. Скажи, милая, верно это или люди зря болтают? Страшно мне, душечка, и правды вызнать неоткуда. Краса чуть усмехнулась и промолвила снисходительно — Книжки надо читать, а не крестиком вышивать учиться. Кравотынь, говоришь? Ну, слушай сюда, я тебе живо всё обскажу...

Примечания:

* Вабить — приманивать.** Сказиться — сойти с ума.*** Кубелёк — запашное платье с глубоким вырезом и широкими рукавами. Носится с рубахой, ворот, рукава и подол которой видны из-под кубелька.**** Неточная цитата из "Зиты и Гиты": "Слушайте, хозяин, вот что я скажу, — заговорил Чино тоном мудреца, — если девушка взяла в руки иголку с ниткой, тут уж всё, с канатом ей надо расстаться!"

И никто не узнает

Проходя мимо девичьего терема, Стина заглянула в покои княжны через потайной глазок. Услава не спала. Она сидела на лавке под божницей и в тусклом свете лампадки пристально смотрела в маленькое зеркало. «Волнуется, голубушка, — жалостливо подумала нянька. — А всё ж так оно лучше: раз взялась прихорашиваться для жениха, значит, пойдёт дело на лад».

Услава же тем временем напряжённо вслушивалась в то, что из-за стеклянной поверхности говорила ей Краса:

— Если бы ты была повнимательнее на уроках старика дэль Ари, мне бы не пришлось теперь в ночи пересказывать тебе Благолеповы «Хождения за Дикое поле». Ну да ладно, я нынче добрая, слушай и мотай на ус. То, что кравотынцы живут по тивердинскому обычаю,

известно всем, да мало кто понимает, что это значит на самом деле. Тивердынь называют «княжеством» только наши дураки. На самом деле у них там нет князя, есть амир — военный вождь, а есть — каан, властитель и смертный сын Маэля. Каана почитают, он — посредник между людьми и богами, от его ходатайств зависит урожай риса, приплод скота и благополучие людей. Но всеми «земными» делами заправляет тот, кто водит за собой войско, то есть амир. Значит, по представлениям тивердинцев единственное достойное занятие для мужчины — быть воином. Любая другая работа — корам, запретна, она — для женщин и рабов. Ты, кстати, знаешь, что по тивердинским верованиям Древний Ящер — вовсе не Ящер, а Ящерица, женщина? А все женщины — её потомки. Так что привыкай, будешь «ящерицей» и «сосудом скверны». Одежду хранить и стирать — отдельно от мужской, трапезничать — врозь и только из своей, женской посуды, на мужские лавки не садиться, через мужские вещи перешагивать не сметь. Ах да, ещё на верхние поверхи не ходить, а то у женщин с ног скверна стекает.

Услава нахмурилась и спросила чуть обиженно:

— У женщин, значит, стекает, а у мужчин — нет?

— У мужчин тоже. Но меньше.

— Чушь какая-то.

— Ага. Но есть и хорошие новости: если вдруг кому-то из мужиков тётка прилюдно наподдаст по башке своей юбкой или, хуже того, башмаком — всё, ракшец ему. Он считается осквернённым, и пока не очистится, ему никто больше даже руки не подаст! Кстати, бить женщину — тоже корам. И заботиться о женщинах своего дома положено так, чтобы у них не было повода для недовольства, потому что женская покровительница, Древняя Ящерица Наха, не только ведаёт подземными богатствами, но и решает, какого пола в семье родится ребёнок. Ну, сама понимаешь: мальчик — это наследник и будущий воин, а девки никому даром не нужны. У кого много дочек — тот, значит, обижает своих жён, и Наха его наказывает. Но точно так же, как Наха и Луна подчиняются небесному воину Маэлю, земные жёны должны подчиняться своим мужьям. А непочтительную жену муж должен воспитывать и учить послушанию.

— И как же, хотелось бы знать? Ударить-то нельзя, — резонно заметила Услава.

— Ну ты точно не ушами слушала тивердинские сказки, которыми нас потчевал по вечерам дэль Ари. Помнишь, как Небесный Воин наказал злую Наху за неверность? Запер под землёй и перестал одаривать пищей, водой и своим обществом. Так-то.

— Хм... Чем больше я от тебя узнаю, тем меньше мне всё это нравится. Жаль, от свадьбы уже не отвертеться: завтра смотрины.

— Ну и что? У тивердинцев смотрины — совсем не то же самое, что у тормалов. Это у нас смотрят приданное перед самым обручальным обрядом, а у них во время смотрин жениху невесту показывают. Если не понравилась, он ещё может от свадьбы отказаться, заплатив семье невесты отступное. В твоём случае, правда, не понравиться жениху — это придётся очень постараться, ему нужна не ты, а мир с Приоградьем. Хотя... Слушай, а почему ты не хочешь хоть посмотреть на этого своего жениха? Вдруг там вполне годный парень?

— И быть запертой у него в доме без возможности хоть словом перемолвиться с родными? Да в добавок ещё оказаться младшей женой? Благодарю покорно!

— Вот это как раз самая плёвая из твоих забот. У них какая жена любимая, та в доме и главная. Ты новенькая, значит, у любого нормального мужика первое время будешь

любимой. А если родишь сына, вообще станешь не просто жена, а мать наследника. Это уже особое положение, все прочие жёны должны будут тебе подчиняться. Станешь вторым в доме человеком после мужа. А муж — он что? Сегодня дома, завтра — в походе. Усекла? Подсуетишься — так и в княжестве всем будешь заправлять, пока твой князь с дружиной полян по Дикому полю гоняет. По тивердинским порядкам тётка — вполне себе человек, не то что по лесной правде!

Дивясь азартному блеску в глазах Красы, Услава покачала головой:

— Ни к чему мне всё это. Я бы лучше пошла замуж за хорошего человека из своих, пригородских, чтоб заботился обо мне и о доме пёкса, а не смерти себе в чужом краю искал. Я б его чтила и уважала, хозяйство бы ему вела, за порядком бы следила во всём...

— Тьфу... Да как можно быть такой курицей? Мне бы твои возможности, а я прозябаю тут, в захолустье, подсчитывая мешки репы в кладовой да следя, чтоб мой малахольный муженёк ночью с лежанки не свалился!

— Счастливая ты, Краса, — горько вздохнула Услава.

— Счастливая, говоришь? А что, хотела б ты себе такого счастья?

— Век бы Небесных Помощников благодарила...

— Ну так всё ещё можно устроить. Знаешь, где кабинет моего отца?

— Господина Гардемира? — переспросила Услава, невольно вздрогнув.

— Ну не Пресветлого же Маэля, — недовольно поморщилась Краса. — Ту комнатку, где он бумаги хранит, знаешь? Так вот, рядом с ней есть дверка в малую каморку. Там зеркало имеется в полный рост. Ты как станешь наряжаться для смотрин, требуй, чтобы тебя отвели к этому зеркалу, а потом придумай что-нибудь, чтобы хоть на миг остаться перед ним одной. Поняла? Да зеркальце моё с собой взять не забудь.

В день приезда гостей княжий замок пробудился с первыми лучами Ока. В галереях и залах закипела работа, кругом с самым озабоченным видом засновала челядь. На поварне дым стоял коромыслом: готовился праздничный пир. Стина, казалось, успевала быть повсюду одновременно, грозная, громогласная, похожая на полководца, уверенно направляющего свою рать. Не забыла она распорядиться и насчёт княжны.

С самого утра две девушки хлопотали, помогая Усладе наводить красоту: вымыли, высушили и расчесали частым гребнем ей волосы, вплели в косу множество ярких шёлковых лент, от чего та сделалась втрое толще и тяжелее обычного. Затем принялись наряжать саму княжну. Сперва вздели на голое тело тонкую нижнюю рубаху из нежной кисеи, затем верхнюю, да не ту, что надевалась во всякий день, а куда наряднее, изукрашенную вышивкой, с златотканной лентой по стоячему берестяному воротнику. Опястья к ней тоже полагались особые, расшитые ярким шёлком и золотой канителью, а сверху на неё накинули не понёву с запоном, пусть даже узорчатым, а новый, с иголки, парчовый кубелёк с агатовыми пуговками на груди и алыми жар-птицами по подолу. Подпоясывалась вся эта красота позолоченным татауром*, а на голову полагалось надеть венец — коруну с самоцветами и кружевной плат.

До поры Услава подчинялась всему безропотно, лишь вздыхала украдкой. Но едва облачение было завершено, она окинула себя недовольным взором и сказала строго:

— Не больно-то баско**.

— Да в чём же, госпожа? — робко спросила старшая из её девушек, Янина.

— Краше и быть нельзя, — закивала поспешно младшая, Маля.

— Кубелёк неладно сел: вот здесь морщит, и по подолу крив. И пояс несите-ка лучше

бархатный, этот не годится.

Сенные девушки переглянулись с удивлением: обычно княжна не была столь придирчива. Однако, списав всё на волнение перед встречей с женихом, девушки в один голос принялись уверять госпожу, что наряд хорош и ей весьма к лицу. Маля схватила зеркало с поставца, подняла его, чтоб княжне было лучше видно себя, а Янина заговорила ласково:

— Гляньте только: сидит кубелёк, как влитой, ни морщиночки. А бархатный кушачок сюда по расцветке не гожд, его бы с васильковым кубельком носить.

— Ну-ка, поворотись, выше зеркало держи... Не видно! — княжна капризно притопнула по полу сапожком. — Да ты держишь криво!

Маля в испуге поправилась и отрицательно замотала головой.

— Значит, подол криво подрублен!

Янина, накануне подшивавшая этот самый подол, вспыхнула, как маков цвет.

— Зря вы так, госпожа Услава. Пойдёмте хоть в Гардемиров угол, — сказала она. — В малой камерке, что рядом с ним, есть зеркало в рост: поглядитесь и враз увидите, в порядке ли подол.

Несмотря на общую суету, в Гардемировом приделе было тихо и пустынно. Словно там и не жил никто: шатёрного наряда*** на стенах вовсе не было, а плотничий был крайне прост. Никогда княжна не заглядывала сюда по доброй воле, а о камерке с зеркалом и знать не знала. Каморочка же та была совсем маленькой, в три стены, одна из которых оказалась сделанной сплошь из тивердинского стекла.

Страсть как стыдно было мучить девушек, разыгрывая перед ними из себя вздорную баловницу, однако чтоб остаться перед зеркалом одной, княжна, чуть полюбовавшись своим отражением, заявила, что вместо коруны желает надеть венец с яхонтами, и услала за ним Янину. Но едва та скрылась из виду, беспокойная госпожа тут же захотела примерить ещё и ожерелье из этловых слёз, и Маля со всех ног бросилась за ним.

Спровадив девушек, Услава заглянула в своё малое зеркальце и позвала негромко:

— Краса! Я на месте, дальше что делать?

— Дверь прикрой. Повернись к большому зеркалу, а малое возьми в руки и поверни от себя лицом, — тут же отозвалось ей отражение. Услава исполнила всё веленное без промедления.

Зеркало в её руках вдруг вспыхнуло по оправе светом полуденного Ока, но ещё ярче полыхнул живой свет в зеркале большом! Услава зажмурилась на миг, спасаясь от слепящих лучей, а когда вновь открыла глаза, за тонкой поверхностью стекла перед ней вместо малой камерки возникла новенькая чистая горница, посреди которой стояла её подруга, сосредоточенная и серьёзная, как никогда.

— Скорее, — сказала она, — сила убегает. Клади обе ладони на зеркало, смотри мне в глаза.

Услава торопливо шагнула вперёд, положила руки на волшебное зеркало, и Краса со своей стороны сделала то же самое. Теперь их ладони разделяла лишь тонкая поверхность дивного тивердинского стекла, и на миг Усладе даже показалось, что она чувствует сквозь него живое тепло. Краса же, поймав её взгляд, произнесла:

— Луна уха, поарта луи Маэл, десчизэ, ласа сэ тяка карэ ну сэ скуфунда ши ну ардэ!

Услава ждала, что сей же миг произойдёт что-то значительное или даже ужасное, но

вместо этого по зеркалу пошла мелкая рябь, словно по реке на ветру, потом стекло вновь разгладилось, посветлело, и в нём, словно в обычном зеркале, отразилась малая каморка и посреди неё княжна, бледная, растерянная, в своём парадном кубельке и съехавшей набок коруне.

— Не вышло? — спросила Услава, одновременно чуть огорчаясь, что чуда не случилось, и радуясь заодно, что не сотворилась какая-нибудь беда. И тут же поняла, что голос раздался совсем не тот, что она привыкла считать своим.

Её собственное отражение дерзко усмехнулось в ответ и, насмешливо изогнув бровь, ответило её, Усладиным голосом:

— Всё вышло, и превосходно. Теперь, подруга, ты вольна поиграться в мужатую тётку при хозяйстве, а я пока схожу за тебя на смотрины, заценю, на что может сгодится твой кравотынский женишок. Ну, довольна?

Опустив взгляд, Услава увидела вместо богато вышитого подола своей праздничной рубахи синее блио Красы. Ахнув, она уставилась на свои руки, поднесла их к лицу, и поняла, что руки — тоже не её.

— Краса, постой! Как же...

— Не бойся, никто ничего не заметит. У папаши портал хорошо упакован, утечек силы при закрытой двери быть не должно. Да и вообще, перенос тонкого тела...

— Краса, дай хоть слово молвить! Неужто ты не понимаешь, что так делать не годится? Это обман!

— Да ну, брось. Какой обман? Так, небольшая шутка. Чтобы всё вернуть на место, надо всего лишь нам обоим снова отразиться в зеркале и произнести формулу открытия Лунной двери. Ты, главное, зеркало моё не разбей, а то как я тебя сюда отражу?

Вопреки мнению няньки, Услава вовсе не была ни излишне доверчивой, ни слишком наивной. Она мигом сообразила, что теперь её возвращение домой целиком и полностью во власти Красы. А ведь та совершенно не представляет себе всей серьёзности положения княжьей дочери, не знает, как много может значить любой её неловкий поступок, неосторожное слово... Даже не желая подруге зла, она вполне может заиграться, проявить, где не надо, свой горячий и непокорный нрав, и тогда кто угадает, чем обернётся для всего Приоградья её озорство.

— Ну знаешь, — воскликнула княжна строго, — я на такое согласия не давала! Верни всё назад.

Решительно вытянув вперёд руки, она шагнула было к волшебной двери, но Краса с хитрой улыбкой отвернулась от неё. В тот же миг стеклянная гладь между ними истончилась, поблекла, и на её месте осталась ничем не примечательная стена, у которой, пристроенное в посудный поставец, блестело круглое связное зеркальце Красы. Услава заглянула в него, но увидела в нём лишь прекрасное, словно у лесной этлы, лицо своей подруги. Отныне — своё новое лицо.

Примечания:

* Татаур — поясok из соединённых между собой серебряных или позолоченных металлических звеньев, с кубельком надевался обычно выше талии.

** Баско — красиво.

*** Шатёрный наряд — украшение стен ткаными обоями.

**** Примерный перевод заклинания: Лунная дверь, Маэлевы врата, отворитесь, дайте пройти тому, что не тонет и не горит!

Суженый ряженный

Краса не стала дожидаться возвращения девушек. Выскочив из каморки с зеркалом, она плотно прикрыла за собой дверь и оглянулась по сторонам. Меньше всего ей хотелось попасть на глаза Гардемиру: он-то в два счёта сообразит, что здесь произошло, и тогда придётся не только расхлёбывать отцов гнев, но и объяснять, откуда она знает о портале да как сумела им воспользоваться. Однако в этот раз Небесные Помощники улыбнулись Красе, галерея была пуста. Самозваная княжна хихикнула в кулачок, подхватила подол и бегом устремилась обратно в свой терем. Путь она выбрала совсем не тот, каким пришла в Гардемиров придел. Вместо того, чтобы идти галереей через все приёмные, а затем и покоевые хоромы*, она просто спустилась с малого крылечка во двор, пересекла его и взбежала на противоположное крыльцо, весьма удивив стражу столь несолидной прытью. Ко входу в девичий терем Краса взлетела, весьма запыхавшись: княжна, в чьём обличье она пребывала, к подобным пробежкам оказалась не привычна, да и телом была подороднее подруги.

Захлопнув за собой дверь, Краса поскорее стянула с головы плат и коруну, скинула парчовый кубелёк, стряхнула с ног сапоги и налегке устремилась выбирать себе новый наряд. Когда Маля с Яниной, не обнаружив своей подопечной у зеркала, прибежали искать её в терем, их глазам предстал умопомрачительный разгром: княжна устелила весь пол светлицы разноцветными ворохами платьев и, стоя среди них в нижней рубахе, увлечённо прикладывала к себе то одно, то другое, то третье. Коса её растрепалась, щёки горели румянцем, а на губах играла радостная улыбка. — Госпожа Улада, да что ж это деется! — жалобно запричитала Янина прямо с порога. — Вестовой уж прискакал, гости на дворе, а вы неприбраны! Стина всем нам головы оторвёт!

Словно в ответ на её слова на лестнице раздалось шумное сопение, ступеньки застонали под тяжёлыми шагами, и в терем вплыла сама Стина в своём парадном уборе: сизо-серой рубахе, кичке с платком и праздничном запоне, пестрящем бережной вышивкой. В светёлке разом стало тесно. — Это ещё что за разгардаш? — сказала она, уперев строгий взгляд в лицо своей воспитанницы. Вовремя спохватившись о том, что ей следует изображать княжну, Краса опустила очи долу и ответила как можно мягче — Наряжаюсь для жениха, нянюшка. Взгляд Стины чуть потеплел, но голос был по-прежнему строг — Больно долго. Что сваты подумают, коли ты их ждать заставишь? — Пусть тобою пока полюбуются, — не удержала язык насмешница Краса. — Ты у нас с самого утра готова, хоть сей миг к обручению веди. Одёрнув на себе запон, Стина ответила ей серьёзно и строго — Я людей зря ждать не заставлю, потому как во всём знаю место и время. И в одеже за пустой красой не гонюсь. На меня гляючи, каждый враз поймёт, что перед ним не растелёпа бессмысленная, а честная вдова, давшая роду Вепря пятерых сынов. — Так ведь хочется, чтоб сразу суженому по сердцу прийтись, — ответила Краса всё ещё тихо и сдержанно. А потом вдруг, кинувшись к няньке на шею, обняла её и воскликнула горячо и смело: — Нянюшка, милая, не серчай на меня, я ведь жениха порадовать хочу, а не насмешить. Ты, поди, тоже старалась принарядиться, когда со своим милым на свиданки ходила?

И Стина растаяла. Губы её тронула едва заметная улыбка, а мысли на миг вернулись в ту далёкую пору, когда княжий стрелок Званко Вепрь простаивал вечера под воротами ольховецкого маслодела в надежде перекинуться хоть словцом с его дочкой, румяной улыбчивой Стинкой... Но только на миг. Вновь напустив на себя суровый вид, она тут же проворчала — Ладно, будет нежничать. Собирайся, чтоб как позовут к столу, была готова.

Да женихов подарок надеть не забудь: тем и гостей уважим, и пристойность соблюдем. Краса сперва кивнула, и только потом спросила с подозрением — Какой подарок? — Янка, принеси, — отозвалась Стина уже с лестницы, — да поворачивайся живее, некогда спать на ходу...

Вскоре Янина вместе с Малей развернули перед княжной огромный полукруг из плотной, но лёгкой ткани брусничного цвета с золотым тиснением по обрезу. — Хм, — сказала Краса, насмешливо скривив губы. — Это что? — Женихов подарок. — И что я должна с этим сделать? Поставить шатёр и поселиться в нём? Девушки переглянулись между собой. Маля хихикнула, а Янина терпеливо пояснила — Это чадыра, такая тивердинская девичья накидка. Её надо на себя сверху повесить и смотреть через дырку... Краса не дала ей договорить. — Да знаю я, как носят чадру. Просто если залезть под неё, то больше можно вообще ничего не надевать, а остаться прямо в нижней рубахе, какая к ящеру разница... Хотя... Раз всё равно никто не увидит... А ну-ка, Янка, тащи сюда вон ту персиковую камизу. И гребень. А ленты и рубахи эти аляповатые — обратно, в сундук!

Снова поднявшись в Усладин терем, Стина застала свою подопечную при полном параде: яркий кокон из брусничного шёлка скрыл девушку с головы до пят, и только в специальную прорезь можно было видеть её лукаво блестящие глаза. С трудом подавив недоброе предчувствие, Стина кивнула ей и со вздохом сказала — Пора. Батюшка князь Радогост велел тебе выйти к гостям. Вместе они спустились в галерею, миновали каминную горницу, круглый зальчик перед лестницей в княжий терем, и наконец, вышли в прихожий зал. Там их ждали три младшие няньки — почтенные жёны Радогостовых ближников, которым выпала честь сопровождать княжну при выходах, заслонять её собой от излишнего людского любопытства и нескромных взглядов. Что и говорить, к этому делу они подготовились от души: на каждой была и свободная рубаха, и расшитый узорочьем запон, и высокая кика, и широченный платок... Обступив девушку с трёх сторон, няньки почти полностью скрыли её от белого света, а белый свет — от неё. Впрочем, Краса была этим не слишком расстроена: из-за дурацкой чадры она всё равно не могла видеть, что делается вокруг, а впереди ей надёжно заслоняла обзор широкая спина Стаины.

Так, в кольце тормальских нянек, она почти вслепую миновала красные сени, вышла в просторную встречную залу, а потом перед ними распахнули высокие двери в большую приёмную, где уже во всю шёл пир, и распорядитель звучно объявил: «Госпожа Услава Радогостовна, княжна Ольховецкая и всего Приоградья». Вот теперь Красе действительно стало жаль, что из-под чадры так мало видно. Чувствовалось, что народу вокруг довольно, но притом гости вели себя на редкость тихо, не так, как бывает иной раз на пирах. Накрытые столы, как всегда, тянулись вдоль стен, пол усыпали ароматные травы, играла музыка, но было и кое-что необычное: посреди зала зачем-то соорудили помост с балдахином. Именно к нему няньки подвели княжну. Затем Стина с поклоном отступила в сторону и едва заметно подтолкнула Красу вперёд. Одолев три крытые ковром ступеньки, та оказалась посреди квадратной площадочки, как раз перед приподнятым над остальными княжьим столом. Расстояние от помоста позволяло сидящим рядом с князем видеть девушку в полный рост.

Остановившись, Краса привычно низко поклонилась и только после сообразила, что она теперь — княжна, а значит, это ей должны кланяться все, кроме самого князя. Вот тогда она поняла, что за странные шорохи сопровождали её перемещение по залу: это гости поднимались с мест и кланялись, приветствуя княжну. Обычно весьма приветливый, на этот раз Радогост ничего не сказал своей дочери, только отозвался на её поклон

снисходительным кивком. А сидевший рядом с ним гость, едва скользнув по девушке равнодушным взглядом, повернулся к хозяину и сказал — Твоя дочь скромна и почтительна, как подобает достойной невесте. То, что она согласилась украсить наш вечер, большая честь для меня и моих людей.

И пир продолжился, как ни в чём не бывало, а Краса осталась стоять посреди зала на возвышении, словно сахарная куколка на свадебном пироге. «Ракш подери, — подумала она досадливо, — кто же знал, что у этих дикарей до сих пор в ходу обряд любования невестой. Спасибо хоть ведро с молоком не всучили.** Надо было поесть заранее и смотаться в отхожее место... Одно радует: из-под чадры я смогу сколько угодно разглядывать Уськиных будущих родственничков. Интересно, который из них Идрис?»

Видно Красе было не многое, наблюдать она могла только за княжьим столом да ближними к нему краями столов гостевых. На первый взгляд кравотынские гости показались ей похожими между собой, словно родные братья: все, как на подбор, поджарые и крепкие, в дорогих, но тёмных полукафтанах, смуглые и носатые, словно стая ворон. И среди них совсем не было женщин. Зато мужчины, в отличие от пригородцев, вели себя сдержанно, в еде соблюдали умеренность, а хмельного не брали в рот вовсе. Огорчало, правда, то, что все сидевшие за столами были уже в зрелом возрасте. Молодые парни стояли позади, по мере надобности прислуживая своим старшим, а в остальное время неподвижно замирая за их спинами. Сидевший за княжьим столом неприятный дядька с резкими, хищными чертами и волосами, серебряными от седины, как видно, был сам Адалет. Краса невзлюбила его с первого же взгляда: уж больно самоуверенное выражение красовалось на лице амира, словно тот своим присутствием делал всем великое одолжение. «Если таков папаша, то каков же тогда сынок? — размышляла Краса, изо всех сил стараясь соблюсти пристойную неподвижность и не вертеть головой. — И неужели он ещё старше моего Венсея? *** А что, вполне возможно. Этому противному Адалету, судя по всему, накапало за пятьдесят, так что его старший сын вполне мог разменять четвёртый десяток хлябей. Вот ужас-то... А если он ещё и с виду такой же ракшас сушёный?»

Стоять пришлось долго. К концу пира любопытство схлынуло без следа, и только упрямство пополам с вредностью держали Красу на ногах. Ей уже очень хотелось поскорее увидеть заранее ненавистного Усладиного жениха и устроить ему такие смотрины, чтобы навсегда отвадить от пригородских невест. Наконец, Адалет отодвинулся от стола и сказал князю — Благодарствую, хозяин. Хорошо твоё угощение, и дочь хороша, как Дева Луна. Но теперь хочу говорить с тобой о деле. Позволишь ли моему сыну взглянуть твоей дочери в глаза? — Пусть придёт и убедится, что дева достойна его, — ответил князь положенной фразой.

В тот же миг слуги опустили шёлковые занавески балдахина. Краса оказалась в уютной комнатке, со всех сторон закрытой от посторонних глаз. Правда, осмотревшись, она заметила, что фонарь, поставленный чьей-то заботливой рукой у её ног, делает возможным для находящихся снаружи видеть её тень. Поэтому девушка осталась стоять неподвижно, даже не откинув с лица чадру. Это неожиданно понравилось Адалету: обострившимся слухом оборотня Краса уловила, как он одобрительно прищёлкнул языком. Потом раздались чьи-то неровные шаги, одна из штор слегка приоткрылась, и на помост вошёл парень по виду не старше самой княжны. Этого юнца Краса видела в зале, но приняла скорее за оруженосца: во время пира он прислуживал Адалету, стоя у того за спиной. — Ты Идрис? — удивлённо спросила она, поднимая чадру. — А ты ждёшь кого-то другого? — едко поинтересовался он,

а потом, разглядев её наряд, замер с широко распахнутыми глазами. И пожалуй, было от чего: тончайшая камиза с глубоким вырезом красиво обрисовывала пышные формы девушки вместо того, чтобы скрывать их, а густые, тяжёлые каштановые пряди, не уложенные в косу, свободно рассыпались по плечам. — Чего уставился? — прошипела Краса, торопливо прикрываясь краем накидки. — Так я, вроде, и должен смотреть, — ответил жених. По губам его невольно расплзлась глупая улыбка. А вот Краса от увиденного вовсе не пришла в восторг. Усладин суженый, без сомнения, был похож на своего отца: то же резкое, носатое лицо, близко посаженные чёрные глаза, жёсткие волосы, собранные на затылке в хвост.. Разве что мастью он был малость светлее прочих кравотынцев, да ещё по сравнению с Адалетом, старым воином, телом похожим на тонкий, но прочный клинок, Идрис был слегка рыхловат. И на ходу заметно прихрамывал. — Посмотрел? Свободен, готовь отступное! Понимая, что шёлковые занавески — плохая преграда для звуков, Краса выкрикнула эти слова сдавленным шёпотом, однако парень и не подумал послушаться. Наоборот, бездумное восхищение в его взгляде сменилось явно осмысленным интересом. — Ты не хочешь замуж? — Хочу. Но за того, кто сумеет мне понравиться, а не за каждого, кому не жаль двух аршин шёлку! Идрис не обиделся. Он кивнул и очень серьёзно ответил — Я постараюсь, — а потом коротко поклонился Красе и вышел за занавеску.

В тот же день поздним вечером наследник амира был зван в гостевые покои, выделенные его отцу. Хоть Идрис явился на зов незамедлительно, ему пришлось довольно долго ждать, пока на него обратят внимание: господин Адалет изучал доставленные ему документы. Наконец, он соизволил отложить бумаги в сторону и поднять глаза на сына, терпеливой безмолвной тенью стоящего у двери. — Обручение через седмицу, дольше откладывать не имеет смысла, — сказал он решительно и сухо, словно речь шла об обычной торговой сделке. — Можешь ознакомиться с описью приданого. После разделимся: возьмёшь с собой десяток Захида и отвезёшь девчонку в Корданак. Оставишь её на попечение Асхата и догонишь меня на караванном пути. Ты меня слышишь? Последнюю фразу Адалет произнёс резко, не повысив голос, но так, что стоявший перед ним невольно вздрогнул. Однако ответил он вполне твёрдо, хоть и соблюдая должную почтительность — Отец, не стоит делить шкуру не убитого медведя. Свадьба может и не состояться. — Глупости. Князь Радогост уже дал согласие. — Но согласится ли сама девушка? — Не имеет значения. — Мне не нужна женщина, которая не желает быть моей женой. — Значит, тебе придётся за оставшееся время внушить княжне устраивающие тебя желания. Как ты этого добьёшься, мне плевать, но имей виду, обручение состоится через седмицу. Нам нужен Радогост, нужны его связи с Загридой. Благодаря его поддержке я смогу без оглядки выйти в Дикое поле и очистить предгорья от кочевого сброда: Акхаладская долина снова будет принадлежать Кравотынскому амирату, как это уже было при Арслане Мудром. Идрис отвёл глаза и сказал устало — Дикое поле — бесполезная обуза, кусок земли, жить на котором способны разве что поляне со своими овцами. И они не покинут привычных пастбищ добровольно, придётся круг за кругом гоняться за ними, не снимая кольчуг. Кому это надо? Воины и так уже начинают ворчать, что забыли дорогу в собственные дома. Глаза Адалета опасно блеснули. Стремительным, гибким движением он вскочил с лавки, сгрёб своего сына за ворот и хотел было наградить пощёчиной, но в последний миг передумал и просто оттолкнул от себя, приложив спиной о дверной косяк. — Жалкий, трусливый слизняк, — зло процедил он сквозь зубы. — За что только Наха покарала меня, не послав других сыновей? Воины чувствуют в тебе заячью душу, вот и болтают дерзости, но ни один из них не посмеет

повторить те же слова мне в глаза. Ты в любом случае исполнишь то, что я тебе велел. Пошёл вон.

И Идрис пошёл. Вернее, похромал: три седмицы в седле и так довольно скверно отразились на его здоровье, да к тому же нога ныла уже второй день подряд, предвещающая смену погоды. Место для постоя ему, как и всем младшим в отряде, отвели при казарме местного гарнизона, но прежде, чем отправиться на ночлег, Идрис решил позволить себе маленькое баловство, предаться пороку, который, как он заметил, не осуждался среди пригородцев, но неизменно приводил в ярость его отца. Спустившись с крылечка на покоевом краю, он оперся спиной о стену княжьей хоромины, достал из кошелька кисет с табаком, раскурил трубочку, пустил пару ароматных колечек дыма в ночное небо... Вдруг где-то рядом скрипнула отворяющаяся рама. Идрис посмотрел вверх — и увидел свою невесту. Свесившись из теремного окна, она возмущённо сверкнула глазами, заявила: «Курить вредно!» и выплеснула ему на голову содержимое ночного горшка.

Примечания:

* Хоромы князя Радогоста имеют два крыла: покоевое (жилое) и приёмное (предназначенное для приёмов, пиров, тожественных собраний). Гардемиров придел находится на самом дальнем краю приёмного крыла. Соединяют оба крыла просторные красные сени, в которые так же ведёт вход с парадного, красного крыльца. В каждом крыле нижний поверх (подклет) занимают службы (ледники, кладовые, "грязная" часть поварни, прачечная, всевозможные склады, в жилом крыле — мыльни), второй — горницы, залы, спальные помещения для челяди, слуг и гостей. Из него по лесенкам можно подняться в личные покои хозяев, находящиеся в отдельных башенках-чердаках: это терем князя и девичий терем. Кроме основного (красного) крыльца, с которого через сени и приёмный покой можно попасть в парадные горницы, у хором есть малое крылечко в дальней части нежилого крыла и девичье — в дальней части крыла жилого.** Любование невестой — обычай горных кравотынцев, заключающийся в том, что после принятия сватовства девушку показывают будущим родственникам: во время общей трапезы она должна молча и неподвижно стоять на видном месте, демонстрируя скромность, терпение и умение достойно держаться перед роднёй жениха. В некоторых высокогорных селениях невесте так же предписывалось показать свою силу и выносливость: весь праздничный пир она должна была держать на голове кувшин с молоком.*** Красе шестнадцать лет, а её мужу около двадцати.

Пава в курятне

Оказавшись одна в совершенно незнакомой горнице, Услава сперва оробела, однако после, собравшись с мыслями, подумала так: нет нужды бояться и переживать, если этим всё равно ничего не изменишь. В конце концов, попала она не в Дикий лес, а в дом своей подруги, в посад, где живут такие же люди, как в Ольховце. Не сама ли она ещё недавно мечтала побывать за пределами княжьих хором, погулять среди людей вольной пташкой, без нянькиного надзора? Вот и надо пользоваться выпавшим на её долю чудом, а не пугаться зря. Она только потешится чуть, а потом сразу пойдёт за помощью к мужу Красы: столь могучий маг непременно придумает способ вернуть её домой.

Ну, а пока следовало начать с малого: переодеться. Туго зашнурованное блио непривычно стесняло движения, да и жаль было дорогого сукна.

Горница, в которой очутилась Услава, была совсем невелика по размеру, в ней только и помещалось, что кровать за пологом да старый сундук. Влезши на его крышку, Услава

распахнула окно и выглянула во двор. В палисадничке цвёл куст чубушника, наполняя воздух медовым ароматом. Сбоку виднелся пристроенный к дому навес, под ним дровница. Рядом, на чурбаке для колки дров, сидел молодой кучерявый мужик, курил сигарку. Заметив в окошке Усладу, он улыбнулся и спросил приветливо — Ну что, хозяйка, на торг-то идём? Почему-то взгляд его показался княжне не слишком почтительным. — Чуть позже, — ответила она вежливо, но сдержанно. — Не нужно меня ждать, можешь возвращаться к своим делам. Мужик глянул малость озадаченно, почесал в затылке, затем кивнул, загасил сигарку и ушёл куда-то. А Услава слезла с сундука и направилась в дом.

Толкнув дверь, она через высокий порог перешагнула в комнату, которую про себя нарекла поварней: сюда открывался зев большой хлебной печи, на поставцах вдоль стен теснилась простая посуда, а стол в углу под божницей украшал завернутый в рушник каравай. У печи возилась тётка в сером обыденном запоне и домашнем волоснике*.— Маэль в помощь, — окликнула её Услава. — Будь добра, подай мне простую рубаху и запон. Тётка обернулась, и сей же миг на её доброе и миловидное лицо словно набежала тень. — Зачем это? Велела же давеча в ларь убрать, — сказала она, недовольно насупившись. — Мне нужна одежда, подходящая для домашней работы. Тётка хмыкнула, отодвинулась от шестка, наскоро отёрла руки о запон и полезла в запечный кут, бурча себе под нос — От ить... То подай, то убери... Сама не знаить, чего надо... Услава проводила её удивлённым взглядом. С челядью отца княжна всегда была ровна и приветлива, и привыкла, что прислуга отвечает ей тем же. А тут вдруг такое... — Не бери к сердцу, — вдруг раздался тихий голос откуда-то сзади. — Радка отходчива, поворчит чуток, да и забудет. Едва не подскочив от неожиданности, Услава обернулась и увидела на конике** у входной двери седенького старичка в затёртой душегрейке. Руки его словно сами плели лапоток, а мастер смотрел перед собой, подслеповато щурясь, и улыбался так светло и ласково, что у Услады сразу полегчало на душе. — Дедушка, а за что Радка на меня сердита? — спросила Услава простодушно. — Это уж тебе, Краса Гардемировна, самой лучше знать, что вы там с утреча не поделили. Но ежели хочешь моё мнение, скажу так: ты, голубка, будь с Ладом построже, глядишь, тогда и Радка к тебе помягчеет. — Вот оно, значит, как... — задумчиво проговорила Услава и потянулась было привычно накрутить на палец кончик косы. И не нашла ничего. Её волосы нынче были уложены пышным венцом вокруг головы. Раздражённо вздохнув, княжна пощупала причёску под платком из тонкой паволоки*** и подумала, что недурно бы приодеть что-нибудь попримечнее. Интересно, у Красы вообще есть кика и нормальный, не прозрачный платок?

Между тем Радка выплыла из-за печи с целым ворохом одёжи в руках. Довольно бесцеремонно пихнув вещи в руки Усладе, она уже собралась было вернуться к своим делам, но княжна окликнула её — Разве ты не поможешь мне переодеться? Радка недовольно буркнула что-то себе под нос, но перечить не стала, забрала одёжу и понесла в горницу Красы. Там, в тишине, в дали от посторонних глаз и ушей, Услава произнесла уверенно и твёрдо — Рада. Тебя ведь так зовут, верно? Возможно, тебе покажутся странными мои слова, но выслушай. Я прошу у тебя прощения и предлагаю забыть всё дурное, что было между нами прежде. Что скажешь? Радка, возившаяся в это время с шнурками на корсаже блию, вздохнула виновато — Хозяйка... А ведь я ж тебя поутру нарочно варенцом облила. Прости дуру. «Э, — подумала княжна, — а тут дело, оказывается, не так-то просто... Похоже, не все размолвки можно списать на дурной норю Красы.» А вслух сказала — Я тебя прощаю. Нс впредь не чуди. Радка шмыгнула носом и пробубнила смущённо — Радость я... — Что? —

Радостью меня отец с матерью нарекли. Услада улыбнулась и невольно прочла по памяти первые строки благодарственной песни из «Благочестивых Поучений» — Радость в доме — удел избранных, лад в семье — дороже богатств... — Шутить изволишь, — снова насупилась Радка. — А я-то, дура, тебе поверила. Всё, запон напятишь сама. Грозно сверкнув очами, тормалка развернулась и вышла вон. А Услада, оставшись в горнице одна, крепко задумалась: что же она сказала не так?

Сквозь неплотно затворённое окно Услада услышала, как хлопнула входная дверь, а потом на дворе раздался недовольный голос Радки — Лад, зараза! Опять тютюн жжёшь? Зад-то ещё не намял себе без дела сидеть? Когда коз в лес погонишь? — Мой зад — не твоя забота, — отозвался голос мужика, с которым Услада нынче беседовала через окно. — В лес пойду, когда хозяйка скажет. А то ведь чуть свалю — ей вдруг на торг приспичит, или ещё что... — Тю на тя, лагодник**** бесстыжий! На торг с хозяйкой и дед Мирош стаскается, а для ещё чего — у неё свой муж есть! — Ну и дела! — подумала Услада.

Прикрыв поплотнее окошко, она осторожно выскользнула из горницы на пустую поварню, а оттуда — в просторные тёмные сени. Там остановилась, прислушиваясь. За дверью, ведшей в скотный двор, стояла тишина, а снаружи, под навесом у дровницы, продолжали браниться Лад с Радостью. Услада вздохнула и пошла к скотине.

Повесть по раннетравоставной поре была ещё пуста. Под ней в низком загоне пожёвывали берёзовые веники четыре козы. Дальше виднелось просторное конское стойло, сей миг пустое, а за ним дверца в куриный закуток. Услада погладила коз, полюбовалась ими малость, а потом захотела взглянуть и на кур.

Курятник встретил её прохладой и приятным полумраком. Леток был открыт, и куры, как видно, гуляли на заднем дворе. Только одна клушка сидела в углу в лукошке с соломой. Княжна решила поглядеть, нет ли в гнезде яйца: подошла, протянула руку. Но клушка не пустила её под себя, а тревожно затянула: "Ко-о-о!" и уставилась на незваную гостью круглым оранжевым глазом. «Кыш!» — нерешительно сказала княжна. Курица в ответ долбанула её клювом по руке. Услада отпрянула, но спастись не успела. В тот же миг в леток вбежал большой пёстрый петух с алым гребнем и иссиня-зелёными переливчатыми перьями в хвосте. Он отважно напал на прищелицу, защищая гнездо от разорения, принялся клевать княжну, с наскоку бить крыльями и острыми шпорами... Та кинулась было прочь, но петух не отставал. Услада вскрикнула и вжалась в угол, заслоняя лицо рукавом, но тут пришло неожиданное спасение. Кто-то мягко отпихнул её в сторону и прикрикнул чуть надтреснутым старческим тенорком: «А ну геть, окаянный!»

Петух исчез. Услада с опаской убрала рукав от лица и увидела своего избавителя. Им оказался тот самый старичок, что плёл лапти на поварне. Грозного петуха он ловко вытолкнул в леток метлой, приговаривая: «Ишь, раздухарился! Ты кто такой есть, чтоб на старого Мироша клюв раззевать? Птах ты сущеглупый, и нечего больше...»

Закончив воспитывать петуха, Мирош аккуратно вытащил из-под квочки яйцо, протянул Усладе и сказал — Держи, тёпленькое. — Спаси тя Маэль, — искренне поблагодарила та. Мирош удивлённо вскинул седые брови — Да ты што, девонька? Никак, петуха испужалась? Ты его вдругорядь лаптем, чтоб знал своё место! Ну, пойдём, милая, в дом, пойдём, неча тут стоять.

Словоохотливый дед утащил Усладу обратно на поварню, напоил мятным взваром с баранками, а заодно понарасказал много всякого о жизни на Венселевом подворье. Сам Мирош, как уяснила княжна из его болтовни, прежде служил в Приоградном гарнизоне, но

был по старости освобождён от строевой службы и переведен сперва в кашевары, а позже — в денщики при гарнизонном целителе Венселе. Вместе с ним он и прибыл на Задворки. Лад же с Радостью оказались из местных: их Краса в первые дни по приезде наняла для разных домашних работ. Но если Радка была тёткой в хозяйстве полезной, шустрой и рукастой, то муж её больше ошивался вокруг молодой хозяйки, чем занимался делами. Хозяина подворья Мирош предпочёл не обсуждать, сама же Услава постеснялась спросить, где мастер Венсель пропадает целыми днями: как-то странно жене не знать, где носит её мужа.

Пока Услава с дедом Мирошем беседовали за взваром, Радка выперла-таки за ворота коз вместе со своим нерадивым мужем, а сама вернулась в дом. Пошуршав малость в сенях, она вошла на поварню. Услава увидела на ней поперх волосника кичку и большой тёмный плат, сообразила, что работница собралась за ворота, и поспешила напроситься пойти вместе с ней. Радка весьма удивилась, однако возражать не стала, просто молча протянула Усладе коромысло и два весьма внушительных по размеру ведра. Точно так же она снарядилась и сама, только вёдра взяла ещё побольше: предстояло натаскать в дом воды для питья, хозяйственных нужд и поения скотины. Узнав об этом, Услава тут же увидела перед мысленным взором насупленную няньку, грозно выговаривающую ей: «Грязной работой княжеской дочери мараться неместно. Тут без тебя есть кому.» «А вот хочу и буду, — упрямо подумала княжна. — Я, может, желаю знать, чем в моём княжестве простой люд живёт.» И, подхватив свои вёдра, она решительно двинулась следом за Радкой.

За воротами, Услава сразу принялась с любопытством оглядываться по сторонам. Ощутить себя простой девчонкой с коромыслом на плечах казалось ей так занятно, и вместе с тем немного боязно. Всё вокруг словно сделалось ярче и громче обычного, жизнь вокруг потекла полноводной рекой. На другой стороне проулка были видны знаменитые Задворки. Там за деревянным пряслем рядами тянулись крытые камышом навесы, а под ними точно гигантский улей гудел многолюдный торг. В проулке тоже было оживлённо: сновали тётки, до глаз завёрнутые в разноцветные платки, копошились в пыли куры, мальчишка гнал куда-то чёрную козу с колокольцем на шее... Повеселев и взбодрившись, Услава поправила коромысло на плече и поспешила вслед за Радкой окунуться в бурлящий вокруг незнакомый, но такой увлекательный мир.

Козий колодец находился позади торгового двора, у самой опушки леса. Множество едва заметных стёжек сбегались к нему из чащи, а со стороны торгового двора и прилепившегося к нему Задворного посада туда вела хорошо натоптанная тропа. У криницы толпились тётки с вёдрами: многим надо было напоить скотину, но вода прибывала медленно, приходилось терпеливо ждать своей очереди, стоя на припёке. Тётки разбавляли скуку болтовнёй, сплетнями и перебранками между собой. — Ишь, понаехали! — вещала в полный голос рослая тормалка из рода Лося*****. — Пока не было здесь толпы пришлых, воды всем хватало, и не надо было ничего ждать, приходи да черпай. — Ну да, — насмешливо откликнулась пухленькая черноокая девка, судя по цветам на понёве, родом с другого берега Ночь-реки, — тебя послушать, так раньше тут и вода была водее, и трава травее. От чего ж вы, мымыры***** занорские, сами себе коней не растите да железо не варите, на торг прётесь? — Вестимо, от чего, — спокойно сказала полянка в пёстрых шароварах и фиолетовом кубельке. — Прежде сидели по норам, ракшасов трусили. А как полянские да приоградские мужики нелюдь приструнили, эти из кустов повылезли и давай тьякать: воды им для наших коней жаль. Лосиха грозно засопела, уперев руки в бока. Вокруг зашептались и захихикали, предвкушая забаву. Но тут кто-то заметил подошедших к хвосту очереди Радку с Уславой. — Ведьма! —

громко, зло бросила одна из тёток. Тут же все голоса смолкли, все глаза обратились к Усладе, все взгляды упёрлись в неё с неприкрытой враждебностью. Наконец, кто-то промолвил — Радка, ты пошто сюда оборотницу привела? И тут же все загалдели наперебой — Пёсья выродка! — Порченная! — Гнать проклятушую! — Геть отседа, ракшасья кровь! — Пошла вон, не смей воды поганить! — Бей её, бабоньки! Бей! Бросив вёдра, все тётки, без разбору рода и племени, похватали из-под ног комья земли. Глазам своим не веря, Услава воскликнула — Да вы что? Люди добрые, я как вы, за водой пришла! Вместо ответа первый ком шмякнулся у её ног. Услава обернулась к Радке, надеясь найти поддержку хоть у неё, но та смотрела спокойно и насмешливо, не спеша вмешиваться в назревающую драку. Вот тогда Усладе впервые в жизни сделалось по-настоящему страшно. И княжна совершила то, за что после долго корила себя: она, дочь мудрого правителя и смелого воина, подобрав подол, кинулась наутёк, провожаемая свистом, смехом и комьями грязи.

Её никто не преследовал, но всю дорогу до дома она бежала, не чуя под собою ног. Лёгкий плат давно слетел с головы, растрепались косы. С размаху врезавшись в ворота Венселева подворья, Услава изо всех сил застучала в калитку кулаками. Почти сразу дверь поддалась. За ней стоял дед Мирош. Увидев перед собой заплаканную, простоволосую хозяйку, он не стал спрашивать ни о чём, просто втащил её внутрь, запер дверь и, обняв дрожащую девушку за плечи, увёл её в дом.

Примечания:

* Волосы замужней женщины не полагалось видеть никому, кроме её мужа. Обычной женской причёской были две косы, уложенные короной вокруг головы. Дома носили полотняную шапочку-волосник, а для выхода на улицу сверху надевали кичу и платок.** Коник — мужская лавка, представляющая собой большой рундук с плоской крышкой, располагалась она обычно справа от входной двери и украшалась с торца конской головой. В конике хранили инструмент, сидя на нём, обычно выполняли мелкие мужские работы: шорничали, вили верёвки, плели лапти и корзины...*** Паволокой тормалы называли дорогую ткань (часто очень тонкую, почти прозрачную), привезённую из Заизенья и доставленную в Приограде по Долгому волоку.**** Лагодник — лентяй.***** Принадлежность к роду, положение и старшинство в нём, количество детей — всё это знающий человек мог понять по узорам на запоне и очелье кики, а так же цвету клеток понёвы.***** Мымра — домосед, любитель жить замкнуто. (Ребята, это правда, я ничего не выдумала!)

Во сне и наяву

Дед Мирош сперва помог Усладе умыться, отряхнуть от грязи платье и заново прибрать волосы, напоил горячим взваром из каких-то пахучих трав, и только потом, убедившись, что она перестала дрожать и лить слёзы, принялся выпрашивать, что стряслось. Услава рассказала, как могла, о случившемся у колодца. Выслушав её, старый страж только вздохнул одновременно и грустно, и с облегчением — Эх... Ну да... Тётки, что с них взять. А ты голубушка, тоже хороша. Сколько раз говорил тебе честью: не ходи одна за ворота? Лад хоть балбес, а всё ж при нём люди поостерегутся тебя задевать. Тут, вишь, не стольный град Городец, а Задворки, самый ракшасий край. Сторожится народ тех кто с силой играет. Венсель наш вдобавок повадился что ни день на Пустошь ездить. А вокруг-то уж шепчутся. Каждый раз, как его затемно дома нет, думаю: не было б беды. А тут ещё и ты вздумала одна за ворота идти. — Так я ведь не одна, а с Радкой. — Тоже мне, нашла оборону. Радке самой через раз нахлобучить норовят за то, что к магу в услужение пошла. Только того не помнят,

как они с Ладом, погоревши о прошлый круг, тут с воды на мякину перебивались да горе мыкали, и никто, кроме вас с Венселем, им не помог. Так что ты того, больше без Лада на проулок не ходи. Радка, понятно дело, дуться будет, но тут уж ничего не попишешь: Лад из себя мужик видный, на него вечно девки с тётками таращатся.

Остаток дня Услава провела в собственной горнице, даже вечерять на поварню не пошла. А чтобы не томиться зря без дела, спросила у деда Мироша, где взять кудель, и засела за пряжу. Привычная работа легко спорилась, нить тянулась из-под пальцев ровно и тонко, а мысли свободно текли своим чередом. «Да, теперь ясно, что здесь так не занравилось Красе, — думала княжна печально. — Только выходит как-то не по-дружески: себя она выручила, а мне весьма подкузьмила... А может, и не было у неё в мыслях зла... А мне, неразумной, впредь наука. Куда полезла, кем себя возомнила? Взлась не за своё дело, да не сдюжила, лишь стыдобы хлебнула. Верно Стина говорит: у всякого своя сноровка. А не умеючи — и ложку мимо рта пронесёшь... Знать бы, что-то там подельывает моя Краса? Вдруг уже опять замуж угодила, за кравотынского княжича? Помогите тогда ему Пресветлый Маэль, бедолаге.» Отложив веретено, Услава заглянула в связанное зеркальце, но оно не осветилось волшебным золотом, показало лишь то, что было б видно и в обычном серебряном стекле.

Уже поздним вечером, совсем в потёмках, княжна услышала тихий скрип отворяющихся ворот. Встревожившись, она бросила пряжу и подошла к окну. Дед Мирош с Ладом впускали на двор всадника на светло-сером коне. Издали неизвестный сперва показался Усладе похожим на принца из книг, что любила читать Краса: полянский полукафтан очень ладно сидел на его стройной фигуре, а густые тёмные локоны ниже плеч украсили бы любую девицу. Но, понаблюдав за незнакомцем чуть дольше, Услава поняла, что с ним что-то сильно не так. Слишком уж прямо и неподвижно держался он в седле, слишком безучастно замер на месте, когда Лад помог ему спуститься с конской спины. Не заговорил с встречавшими, не погладил коня, даже не переступил с ноги на ногу, пока Лад не потянул его за руки в дом. Словно человек этот был безвольной куклой или прямо на ходу спал зачарованным сном.

Услава соскочила с сундука, подбежала к двери, прижалась к ней ухом и услышала, как на поварне скрипнула входная дверь, зазвучали шаги. — Воды нагрела? — раздался голос Лада. — Поди сюда, помоги мне с хозяина сапоги стащить... Голос откликнувшейся ему Радки прямо-таки сочился едкой насмешкой — Хозяйку позови. Пусть хоть разок понюхает, чем пахнут мужнины портянки. — Цыц ты, сорока! — одёрнул её дед Мирош. — Не стыдно чушь болтать? Однако Радку уже понесло. Нимало не стесняясь тем, что её могут слышать хозяева подворья, она выдала — Мне-то чего стыдиться? Я как все добрые люди живу: работу свою исполняю честно, и чужих мужей притом не ваблю. Да только тут уж скажу прямо, Красу можно понять. Что у неё за муж такой, если ему ракшасья Пустошь милее собственного дома? Врать не стану, господин Венсель посаду много пользы делает: воду в колодцах чистит, народ лечит без платы... Да только от Маэля ли его сила? Пошто он кажинный день до ракшасов таскается? Мне б с таким было боязно в одну постель лечь! Дед Мирош, видать, понял, что урезонить разошедшуюся бабу не выйдет. — Слышь, Лад, веди-ка уж свою дурищу домой. Я хозяина сам обихожу. В ответ Радка громко хмыкнула, резко хлопнула входная дверь, и Лад проговорил виновато — Звиняй, дед... — Да что уж там. Кой в чём твоя Радка права. Князь, вишь, чаял лучше сделать, когда отправлял Венселя в отпуск на целый круг, да ещё и жениться велел. Думал, видать: отдохнёт человек, поживёт

людскими радостями, глядишь, к земному прилепится... А вышло-то совсем наоборот. — А хозяин что, правда ни ракша не слышит и никогда ни с кем не разговаривает? — Нет, ну почему ж? Слышит. Но только когда сам хочет. А что до разговоров... С конём же договориться смог, да и людишки со своими болячками как-то до него достукиваются. Но за то, что твоя Радка наболтала, не бойсь. Сей миг он вроде как спит, хоть и не по-настоящему: тело тут, а душа где-то по своим делам бродит. — Мне бы так: сам на печи, а душа — в поле, с бороной. — Тю на тебя, дурень, нашёл, на что завидовать! Ты вот, скажем, для чего на Маэлеву ночь к реке идёшь? И на Дожинки, поди, красоваться вместе с женой на люди выходишь? Зачем? — Дык как ещё? Положено. — Кем? — Самим Творцом. — Вот то-то же. Так и сон. Он живым тварям не спроста даден, самим Творцом учинён. Во сне всяка душа Благие Земли посещает, чтоб найти себе там что ей надобно: кому утешение, кому наставления, кому и указания свыше. Те ж, кто сим даром пренебрегают, суть дурни самонадеянные. Я уже раз такое видал, когда служил денщиком при целителе Итане. Тот тоже по молодости чудил, всё мир на свой лад переделывать пытался. Из-за того сперва спать толком перестал, потом и человеческую пищу есть забросил, чтоб не мешала к силе тянуться... Ну так его вовремя вразумили Небесные Помощники. — Ишь ты... Это как же? Лад явно рассчитывал услышать удивительную историю, но дед Мирош ответил просто — Как-как... Как всех людей: через болезни и житейские невзгоды. А Венселево вразумление ещё, видать, впереди. Лишь бы не вышло оно слишком сурово. Да ты сам-то иди давай домой спать, иди. Чего здесь прилип? — Ну, добро. Покойной ночи, — со вздохом согласился Лад. — И тебе тож, — мягко ответил ему старик, а потом дверь затворилась снова, на сей раз уже бережно, без хлопка.

На поварне сделалось очень тихо, только слышно было, как дед Мирош шаркает по полу домашними чунями*. Чуть толкнув свою дверь, Услава выглянула в щёлочку. На полу у печи стояло здоровенное корыто, полное мыльной пены и горячей воды. Венсель сидел рядом на лавке, уже без сапог и полукафтана, и неподвижным взглядом равнодушно смотрел в пол перед собой, а дед Мирош хлопотал вокруг него, как, бывало, нянюшка Стина — вокруг самой княжны, собирая ту к купанию. — Эт ничего, — приговаривал он тихонько себе под нос, — эт всё мелочи. Мало ли, что разные малахольные тётки болтают... Вот мы с тобой сей миг вымоемся — и баиньки...«Странно, — подумала Услава. — Почему господин Венсель сидит вот так, словно неживой? Может, перебрал хмельного?» Подсматривать дальше ей показалось неудобным: дед Мирош уже стаскивал со своего подопечного исподнюю рубаху.

А между тем у Уславы начали слипаться глаза. С трудом отыскав в сундуке чистую ночную рубаху, княжна переделалась в неё, переплела на ночь косу и поскорее забила в постель. Кровать оказалась меньше, чем хотелось бы, и уж точно куда жёстче той, к которой она привыкла. К тому же в горнице было прохладно. Кутась в тонкое, колючее одеяло, Услава ворочалась с боку на бок и никак не могла уснуть: всё казалось, будто кто-то её кусает, и слышалась мышьяная возня в темноте по углам. Наконец едва слышно скрипнула дверь в горницу. И только тогда Услава вдруг сообразила: а ведь кровать эта предназначена не ей одной! А ну как Венселю взбредёт пожелать от неё то, что причитается супругу? Не чаяла ведь, не гадала, а придётся провести ночь с почти незнакомым мужчиной... Заранее сгорая от стыда, Услава отползла на самый дальний край постели, прижалась к стенке, с головой завернулась в одеяло, сжалась в комок и зажмурилась, чутко вслушиваясь в приближающиеся к кровати шаги: короткие, шаркающие — деда Мироша, и тяжёлые,

неловкие — Венселя.

Собравшись с духом, Услава приоткрыла один глаз и выглянула в маленькую щелочку из-под одеяла. Дед Мирош со свечным огарком в руке подвёл своего безмолвного и безучастного ко всему хозяина на кровати, помог ему улечься, задёрнул полог и ушёл. Настала ночь.

Сперва, затаившись в крошечной темноте, Услава чутко прислушивалась к дыханию Венселя. Тот спал беспокойно: вздыхал, ворочался, затем вдруг принялся храпеть... Вот это и сделалось последней каплей. Быстро растеряв терпение, Услава протянула руку, нащупала лежащего рядом и повернула со спины на бок. Храп прекратился. Однако девушка успела заметить, что ничем не укрытый, в тонкой исподней рубахе, её невольный сосед изрядно продрог. «Простудится ещё, чего доброго», — подумала она и накинула на него край одеяла. Правда, оно было не настолько велико, чтобы укрыть двоих, и очень скоро ей самой тоже сделалось холодно. «Ладно уж, — решила она, придвигаясь к спящему вплотную, — Нет тут ничего стыдного, просто будем вместе от холода спасаться.»

Вдвоём, действительно, сразу стало теплее. Венсель, чуть пригревшись, завозился, зачем-то протиснул одну руку Усладе под голову, а другой обнял её за талию. Хотя так лежать было гораздо удобнее, Услава замерла, словно мышь под веником, боясь даже представить себе, что может случиться дальше. «Ой, что же будет-то?» — думала она, боясь даже дышать в полную грудь и вместе с тем сгорая от любопытства: в романах, которые они с Красой тайком от няньки читали вечерами, утверждалось, что ночь в постели с мужчиной таит в себе какие-то невозможные удовольствия. Однако время шло, но совершенно ничего не происходило. Усладе даже сделалось немного обидно: она, молодая и красивая, лежит в обнимку с почти голым мужчиной, а тому вовсе нет до неё дела... А ещё — Усладе стало его жаль. Пожалуй, и впрямь расхочешь возвращаться домой, если никто, кроме старого Мироша, тебя там не любит и не ждёт. И даже одеяло нормальное дать не могут. Вздохнув тихонечко от этой мысли, Услава осторожно, чтобы не разбудить, погладила Венселя ладонью по груди. А он вдруг шепнул ей: «Спи, птаха. Никто тебя здесь не обидит». Вместо того, чтобы испугаться, Услава почему-то поверила в его слова. Веки её как-то сразу отяжелели, а тело наоборот стало лёгким и невесомым...

Открыв глаза, она вздрогнула от неожиданности. Вокруг не было ни тёмной горенки с тесной кроватью, ни Венселева подворья, ни Задворок с их торгом и людным посадом. Услава лежала посреди полянки в густой траве, а вокруг дышал прохладной свежестью и галдел птичьими голосами предутренний лес. Венсель сидел рядом у костра и помешивал угли. Только костёр был какой-то странный: зелёное пламя почти не давало жара, а дым пах скошенной травой. — Ой, что это? — спросила княжна, осторожно ощупывая свои плечи: исподняя рубаха казалась ей не самым подходящим нарядом для прогулок в лесу, однако холодно почему-то не было. — Я сплю? — Нет, птаха, это я сплю. А ты у меня в гостях, — совершенно спокойно объяснил ей Венсель. — Тебе нравится? — Здесь хорошо. Только... Я бы хотела одеться. Венсель посмотрел на неё, будто впервые увидел, рассеянно моргнул длинными ресницами, потом вдруг улыбнулся и сказал — Ах да, извини. Из своего волшебного костра он зачерпнул в ладонь немного зелёного пламени и мягким движением бросил его в сторону Услады. На девушку словно набежал порыв тёплого ветра. Ночная рубаха исчезла, уступив место синему блию Красы. Услава чуть нахмурилась, ощупывая плотно затянутые шнурки на корсаже. Венсель заметил. — Не то? — спросил он доброжелательно. — Тогда, может, так? Новое лёгкое движение руки — и блию сменил

пышный наряд из элорийской парчи. Услава невольно ахнула, любуясь собой, и Венсель ответил ей одобрительным кивком. — Очень красиво, — сказала княжна смущённо, — но мне привычнее простая тормальская рубаха. — Легко, — ответил Венсель и ещё одним порывом волшебного ветра превратил бальное платье в скромную рубаху с цветочной вышивкой по вороту. — Тебе идёт. Однако нам предстоит поездка верхом, поэтому лучше будет вот так... И уже через миг вместо рубахи на Усладе оказался укороченный полянский кубелёк с шароварами. А Венсель, больше уже не интересуясь её нарядом, обернулся к кустам и позвал — Ико, Аэлина! Ветви зашевелились, застучали копыта. На поляну вышли две невысокие очень хорошенькие лошадки, золотисто-рыжая и вороная. На лесных скакунах не было ни сёдел, ни уздечек, но Венсель совершенно спокойно запрыгнул на спину одного из них, а второй конёк подошёл к Усладе и слегка подтолкнул её носом. — Я не умею ездить без седла, — сказала Услава жалобно. — Это не страшно, ты научишься, — уверенно заявил Венсель. — Просто делай то, что тебе велит Ико. Он очень умный и добрый конь. Между тем рыжий конёк, предназначенный Усладе, улёгся на землю и приглашающе посмотрел на девушку. «Почему бы и не попробовать? — подумала она. — Это же во сне. Даже если упаду — просто проснусь.» Как только она села на спину Ико, тот поднялся на ноги и мягким шагом подошёл к своему собрату. — А в твоём сне люди есть? — спросила Услава, совсем осмелев. — Конечно. И мы обязательно их посетим. Но сначала надо побывать совсем других местах...

Утром, распахнув дверь в поварню, Лад засунул внутрь свою кучерявую голову и громко спросил — Эй, дед! А чего это у нас Талисманчик нынче в стойле? — Тише ты, лужёная глотка, — шёпотом прикрикнул на него дед Мирош, с улыбкой кивая на закрытую дверь в хозяйскую горницу. — Не буди.

Примечания:

* Чуни — лапти, вязанные из пеньковой верёвки.

Утро вечера мудренее?

Идрис осторожно понюхал мокрый рукав — и вздохнул с облегчением. То, что княжна сгоряча выплеснула ему на голову, оказалось самой обычной водой. Но теперь уж точно оставалось только идти спать: трубка погасла, табак отсырел, да ещё и промокшая рубаха прилипла к спине, заставляя ёжиться от ночной прохлады. Недовольно цокнув языком, Идрис завернул трубку в платок (тоже мокрый) и двинулся было к казарме. Вдруг тёмная фигура отделилась от противоположного, малого теремного крыльца, и весёлый молодой голос окликнул его — Эй, горец! Ты чего это у нашей княжны под окошком ошиваешься?

«Ну прямо по пословице: не было у дурня забот, вышел покурить, — невольно напрягшись, подумал Идрис. — Кто их знает, этих тормалов... Старый Якун говорил, они только с виду мирные, а чуть сунься к их бабам — сразу в ножи. Но если просто хай поднимут и поволокут к своему князю, выйдет ещё хуже. Отец мне такого позора век не простит.»

Между тем неизвестный тормал довольно ходко пересёк внутренний дворик, приблизился и оказался одним из стражей, стоявших у крепостных ворот в день прибытия в Ольховец кравотынских гостей. Узнав Идриса, он сверкнул белозубой улыбкой и воскликнул вполне доброжелательно — А, так это ж жених! — а потом, заметив мокрый кафтан, добавил хитро: — Эк тебя княжна уважила... Приглянулся, не иначе.

От парня неприятно тянуло ржаной самобулькой, однако Идрис старательно подавил приступ брезгливости. Он рассудил, что хмельной охотнее, чем трезвый, расскажет всё, что

ему следует знать о местных обычаях. И возможно, даже поможет найти дорожку к сердцу княжны. Следовало признать: девушка внешне оказалась довольно мила, а её строптивый нрав скорее позабавил Идриса, чем возмутил. Поэтому он выдавил из себя бледную улыбку и сказал — Не знал я, что пригородские девы выражают свою приязнь потоками воды. — Э, — махнул рукой пригородец, — это всё ещё так, пустяки. Княжна у нас нраву тихого, голубинового. Вот то ли дело моя Забавка... Слышь, жених, а тебя как вообще звать? — Идрис Адалетаэн. — Идрис, значит? Ну, а меня мамаша Радимом зовёт. Слышь, горец Идрис, а пошли-ка я тебя угощу? За ради знакомства.

Помня из рассказов старших, что для тормала отказ от угощения — худшая из обид, Идрис покладисто кивнул, но добавил — Мне сперва следует переодеться. Благосклонность княжны была несколько... хм... неожиданной.

Радим ничуть не огорчился. Обняв нового знакомого за плечи, он повлёк того к казарме, приговаривая на ходу — Ну, это-то нам по пути. Сперва хлопнем по маленькой ради сугреву, потом причепуришься, и пойдём, споём твоей ладе для вящей радости. Глядишь, она тебя не только миской воды, но и ещё чем добрым одарит. — Вот как? А в моём краю обычно поступают наоборот: девам подносят дары. — Э, братец, да вы там, у себя в горах... Как, потвоему, девка показывает парню, что он ей мил? Не ведаешь? Вот то-то. А я тебя научу. Ежели просто морду от тебя воротит или там треснет веретеном по хребту — это всё так, ерунда. А вот когда прям при всех крикнет: «Дурак ты, Радька!» да влепит пощёчину — это значит уж точно любит.

И Радим расплылся в счастливой улыбке. А Идрис подумал: «Прав отец, то, что пьют эти люди, нельзя даже пробовать, если не хочешь лишиться разума.»

В казарме свободный от службы народ веселился, празднуя помолвку княжны. А какой же праздник без самобульки? Конечно, Идрису тоже налили. По вкусу пошло оказалось прегадким, но на душе от него сразу заметно полегчало, а тело разогрелось так, что мокрая одежда совершенно перестала беспокоить. Пять чарок были выпиты одна за другой, потом Радим притащил откуда-то инструмент со смешным названием «гусль» и заявил, что Идрис просто обязан исполнить для своей невесты величальную. А он, Радим, обещает всячески тому помочь.

Спустя ещё пять чарок Идрис с Радимом и его гуслью стояли под окном девичьего терема со стороны зверинца (Радим сказал, так подальше от окон зловредной няньки). Старому Ельмену они разъяснили, как могли, что собираются спеть для княжны, потому как это особый горский обычай. Смотритель хоть и хмыкнул неодобрительно, гнать парней в шею не стал. Предупредил только, что в случае чего выгораживать их не будет.

А ещё пару мгновений спустя Красу разбудила песня. Кто-то нетвёрдой рукой наигрывал на гусях прихотливый чужеземный мотив и пел голосом, не лишённым приятности:

— Очи девичьи похитили, играя, Сердце бедное. Я от любви сгораю И мечтаю видеть хоть на миг Твой прекрасный, ненаглядный лик...

— Да что же это такое, — пробормотала Краса, засовывая голову под подушку. Однако певец не унимался, продолжал выводить жалобно и нежно:

— Звёзды, падая, качают ветви сада. Здесь живёт моя душа, моя услада. Я под окнами стою один в ночи... — Выглянь, милая, не то не замолчим! — закончил куплет другой голос, стоило первому в нерешительности подтянуть паузу.

— Убью придурков, — проворчала Краса, натягивая на себя сверху второе одеяло. Но

тут к ночным музыкантам подоспело подкрепление: в зверинце завыл ухокрыл. То ли он рассердился на поднятый людьми шум, то ли наоборот решил поддержать песню...

Вскочив с постели, Краса ругнулась совсем не по-благородному, распахнула настежь окно и с криком: «Пшли вон!» запустила в темноту первым попавшимся под руки предметом. Это был её собственный сапог. Поймав его в полувершке от своего носа, Идрис весьма удивился.

Но тут на девичьем крыльце распахнулась дверь и во дворик вылетела Стина с метлой наперевес. Удирать от неё пришлось со всех ног. К счастью, Радим знал закоулки княжьего двора, как свои пять пальцев, к тому же дородность няньки мешала ей двигаться с должной прытью. Так что истинным возмутителям спокойствия удалось-таки скрыться, а нагоняй от разъярённой Стины обрушился на головы старого Ельменя, стража, дежурившего в эту ночь при зверинце, и бедняги-ухокрыла, которые по понятным причинам сбежать не могли.

Уже в казарме, рассмотрев со всей тщательностью добычу Идриса, Радим удовлетворённо кивнул и вынес вердикт — Оценила. А что, айда завтра к моей Забавке под окно петь?

Утро принесло совсем другие планы. Вполне протрезвев и уяснив себе, что творил в ночи, Радим не знал, куда глаза девать от стыда перед иноземным гостем, и напросился на службу в город. Сам же гость с рассветом был весьма немилосердно выдернут из постели сородичами и представлен грозным очам своего отца.

Едва за воинами, сопровождавшими Идриса, закрылась дверь, Адалет сделал то, на что у него давно уже чесалась рука: залепил своему отпрыску увесистую пощёчину. После, хорошенько встряхнув за шиворот, он подтащил Идриса к себе и зло прошипел — Паршивец. Мало того, что ты пьёшь с чужаками всякую дикарскую дрянь, ты ещё и позоришь свой народ недостойным воина поведением.

Зная нрав отца, Идрис даже не пытался возражать, так что очень скоро амир, остыв слегка, оттолкнул его от себя и энергично зашагал по горнице взад и вперёд, выговаривая при этом резко и тихо — Отныне будешь находиться при мне неотлучно. Но пока — ступай к себе, готовься: тебе предстоит утренняя трапеза с невестой. И потрудишься, чтобы всё прошло, как надо. Ты понял? Пошёл!

Идрис почтительно поклонился и с весьма задумчивым видом поплёлся назад, в казарму.

В это же самое время в девичьем тереме нянька ласково, но непреклонно выковыривала из постели полусонную Красу. — О Маэль, ну почему так рано? — жалобно стонала та, пытаясь отпихнуть от себя мису с холодной водой для умывания. — Какой смысл иметь пуховую перину, если тебе всё едино не дают на ней выспаться влать? Однако Стина знала своё дело. Ловко ухватив воспитанницу за корень косы, она макнула её в воду лицом и сказала назидательно — Кто рано встаёт — все грибки соберёт. А сонливый да ленивый разживутся лишь крапивой. — Холодно же! — возмутилась Краса. — Зато для личика полезно, — отрезала Стина. — Давай-ка, ясочка моя, одеваться. Да поешь чуток: тебе батюшка велел к утренней трапезе явиться. — Что? Опять любованье? — так и подскочила Краса. — Нет, голубка, нынче тебя княжич Идрис угостить по-своему пожелал. — Вот и поем. — Ты мне это брось, — тут же нахмурилась нянька. — В зале тебе надо будет с княжичем беседовать умно и любезно, а не лопать, аки поросю. И на столешницу перед носом лже-княжны опустилась полная миска каши.

Управившись с едой, Краса довольно безропотно позволила упаковать себя в парадную

одежу и дарёную женихом чадру. Нынче у неё были планы поважнее, чем браниться со Стиной по пустякам: Краса спешила увидеться с Идрисом, чтобы высказать ему всё, что думает о ночных песнопениях. По пути в большую приёмную залу она сочинила целую речь, пристойную её положению, но в то же время грозную и остроумную, и была твёрдо намерена её произнести.

Едва сопровождавшие княжну няньки расступились, Краса обнаружила, что ждёт её отнюдь не только жених. Зал снова был полон гостей, и посреди него красовался такой знакомый помост с занавесками. Правда, в этот раз почётную «клетку» украсил низенький столик с парой подушек для сидения. Княжич Идрис вышел навстречу и с поклоном произнёс — Окажи мне честь, прекраснейшая, позволь угостить тебя по обычаю моей родины. Несколько удивлённая и всё ещё настороженная, Краса протянула ему руку и взошла на помост. Усадив княжну на одну из подушек, Идрис зажёл фонарь, а няньки задёрнули занавески. — Чадру можно снять, — шепнул Идрис с улыбкой. — Полог опускают специально для того, чтобы девушка не стеснялась открыть лицо. Краса охотно освободилась от шёлковой накидки и положила её позади себя. Обернувшись обратно к столику, она увидела, что Идрис протягивает ей чашу с водой, в которой плавают лепестки роз. «Мило, — подумала Краса, опуская в чашу руки. — Надеюсь, взамен мне не придётся снимать с него сапоги?» Дождавшись, чтобы княжна стряхнула с пальцев воду, Идрис бережно вытер своей гостью руки рушничком, а затем отдал и его, и чашу за занавес.

На столике уже красовались два прибора: глиняные чашечки и странные деревянные дощечки. На каждую дощечку Идрис положил по тонкому листу хлебного теста, а сверху — ломтики белого сыра, щедро присыпанные зеленью. Листы он свернул в аккуратные свитки, а чашечки наполнил из узкогорлого кувшина каким-то сладко и пряно пахнущим отваром. Наблюдая за его неторопливыми движениями, Краса отметила, как красива на первый взгляд простая посуда, и с каким достоинством и заботой юноша исполняет обязанности хозяина застолья. Приняв из рук Идриса чашечку, она чуть заметно улыбнулась, но тут же в мыслях одёрнула себя: «Горская учтивость... Да много ли в ней правды?» — В сердце моей госпожи нет радости? — вежливо спросил Идрис. — Госпожа жестоко не выпалась, — прошептала Краса по-тивердински, — и мы оба знаем, чья в этом вина. Идрис покосился на неё с любопытством. — Ты говоришь по-тивердински? — спросил он уже безо всяких церемоний, но тихо, так, чтобы не было слышно за занавесками. — Было бы чему удивляться. Половина книг по практическому силодвижению написана на нём.

Интерес в глазах Идриса живо сменился настороженностью. Краса поняла, что сболтнула лишнее, и поспешила исправиться — Подруга, вместе с которой я росла, имеет дар силы. Наставник обучал нас тивердинскому, чтобы она могла читать нужные ей книги, а я — беседовать с иноземными гостями без толмача. — А полянский? Ты его тоже понимаешь? — спросил Идрис на языке Дикого поля. — Конечно. А ещё я свободно говорю на языке высокогорья, — ответила Краса на родном наречии Идриса. — А так же кое-что знаю о ваших обычаях. Например, то, что пить хмельное — корам. — Не мог же я отказаться от угощения, — смущённо буркнул Идрис. — Обидеть того, кто оказал тебе гостеприимство — ещё больший корам. Только теперь Краса заметила красный след у парня на скуле. — Это откуда? — спросила она, нахмурившись. — Вчера ударился, — вздохнул Идрис грустно. — Пустяки. — Ну да, — сказала Краса, не поверив ни единому слову. — И кстати: ты почему так сильно хромаешь? Идрис вдруг смутился ещё сильнее. Но всё же ответил — С лошади неудачно упал. Давно, четыре круга назад. Краса уставилась на него с возмущением. — У вас

что, ни магов, ни нормальных лекарей не водится? — Из-за подобного пустяка не нужно обращаться к лекарю. — Но ведь нога болит, ты хромаешь! — Говори тише, моя госпожа. Те, кто за занавеской, могут подумать, будто я посмел тебя обидеть. Краса быстрым взглядом скользнула по тканым стенам вокруг себя и убавила тон. — Это не правильно. Хочешь, я прикажу мастеру Гардемиру осмотреть тебя? Теперь уже Идрис устался на Красу с возмущением, почти с испугом. — Ни в коем случае. Воину не пристало жаловаться. «Этот гордый дурень скорее без ноги останется, чем обратится к лекарю, — подумала Краса. — Посмотрю-ка я сама, что с ним не так.» Девушка сосредоточилась, потянулась в мыслях к Идрису, и сразу же поняла, что в теле подруги потоки силы не подвластны ей. Пришлось просто спросить — Что случилось с твоей ногой? Сломал, да? Идрис неохотно кивнул. — И как лечили? — Мы тогда были в походе. Перетянули плотно, обложили кусками коры — и всё. Но ведь на лошади — не пешком. — Понятно, — сказала Краса хмуро. — Знаешь что, воин? Приходи-ка нынче ночью опять ко мне под окно. Я тебе скину то, что надо прикладывать к больному месту. Смотри, откажешься — обижусь. Придешь? Идрис неуверенно кивнул. Краса улыбнулась ему спокойно и открыто, взяла с дощечки свёрточек из горского хлеба с сыром и надкусила угощение.

Всё это время сидящие за главным столом приёмного зала внимательно наблюдали за тенями на занавесках. Увидев, как молодые люди, придвинувшись друг к другу, дружно принялись за еду, князь Радогост с удовольствием отметил — Похоже, наши дети сумели поладить меж собой. Амир без тени улыбки кивнул ему в ответ.

Разбитое зеркало

Вернув княжну в терем, Стина помогла своей воспитаннице переодеться в обыденное и оставила её за рукоделием одну.

Едва затихли на лестнице нянькины шаги, пальцы с вышивкой были мигом отброшены в сторону, а сама вышивальщица проворно подбежала к двери и закрыла её на засов. После, вернувшись на прежнее место, она опустила на четвереньки и выдвинула из-под лавки короб с нитками и лоскутами. Но вовсе не рукодельная мелочь понадобилось нынче Красе. Наклонившись пониже, она запустила руку ещё глубже под лавку, нащупала дверцу тайничка, отворила её и вздохнула с облегчением: секретная шкатулка стояла на прежнем месте.

Тайник этот был устроен подругами очень давно. Сперва в нём прятались от нянькиных глаз лакомства, похищенные с поварни, потом — дарёные поклонниками Красы леденцы и дешёвые перстеньки. Позже их место заняли книжки, якобы вредные для девичьей скромности, и тайком умыкнутые из Гардемирова ларя пузырьки с зельями. Их содержимое использовалось девушками для гаданий, а так же изготовления помад, белил и румян. Хранился там так же и приготовленный самой Красой бальзам, которым не раз втихоря лечились ушибы и ссадины, полученные во время детских проказ.

Откупорив коробочку, Краса понюхала её содержимое и горько вздохнула. Снадобье не утратило силы. В бальзам этот было вложено столько старания и целительных чар, что хватило бы вылечить даже нечто более сложное, чем битые коленки или некстати разболевшийся зуб. В пору его изготовления Краса ещё только почувствовала в себе пробуждение дара силы и училась тайнам магии со всем наивным рвением новичка. И верила: придёт миг, когда мастер Мерридин станет гордиться тем, что был её первым наставником, а князь Радогост предложит поступить к нему на службу. В самых же смелых своих мечтах она воображала, как однажды сменит на посту старшего мага князьей охраны собственного

отца... Глупые мечты рассыпались прахом из-за одного-единственного не ко времени подслушанного разговора.

В тот вечер Красе случилось слегка задержаться на поварне в обществе одного из своих ухажёров. Ближе к полночи, пробираясь по тёмной галерее к своей светёлке, она заметила, что в читальне горит свет. Тут бы ей прошмыгнуть тихой мышкой мимо да порадоваться, что никто её не заметил, но дурное любопытство заставило подкрасться к двери и осторожно заглянуть внутрь.

В читальне ярко горели свечи. Княжий маг Гардемир и наставник Мерридин, склонившись над каким-то свитком, негромко переговаривались между собой. Прислушавшись к их словам, Краса вдруг поняла, что речь идёт о ней. Отец спросил о чём-то, а наставник ответил, мягко пожав плечами — Сожалею, друг мой. Уровень способностей у девочки весьма посредственный: внешний силовой поток нестабилен, а внутренний почти полностью расходуется на телесные трансформации. Такое положение дел вполне обычно для оборотня. Однако Краса старательна и прилежна, при должном упорстве она смогла бы освоить искусство трансформации тела на более высоком уровне. — Внешний поток всё же есть, — не то спросил, не то заверил Гардемир. — Да, и притом открывается он в весьма выгодной области тонкого тела, на уровне колодца Прямого знания, так что будь она юношей... — Краса — девушка, и потому всё это не имеет значения, — отозвался Гардемир чуть раздражённо. — Женщины почти никогда не достигают высокого уровня владения потоком, так что нет смысла зря тратить время на её обучение. От тебя, уважаемый, мне нужно только письменное подтверждение того, что моя дочь имеет активный дар силы. Этого будет вполне достаточно для заключения союза с одним из семейств, заинтересованных в развитии магических способностей у потомков. — О, подобное заключение я могу дать без колебаний хоть сей миг, — сказал Мерридин. Взяв перо, он поставил на свитке замысловатую подпись и заверил её оттиском одного из своих перстней. — В конце концов, по материнской линии передаётся обычно лишь само наличие дара, а не сила его проявления, так что, я уверен, найдётся достаточно желающих...

Слушать дальше Краса не стала. Слишком сложно ей сделалось стоять неподвижно, сохраняя дыхание ровным и держа при себе рвущийся наружу гнев. Увы, те, кому она верила всей душой и кем искренне восхищалась, видели в ней лишь годный к размножению скот. «Ах вот как, уважаемый папочка? — думала она по пути к своей спальне, кусая от обиды губы. — Значит, я для тебя не достаточно хороша только потому, что не родилась парнем? И ты с самого начала растил меня, надеясь выгодно продать. А обучение у мастера Мерридина, получается, понадобилось лишь для того, чтобы можно было заломить цену повыше. Никто вовсе и не собирался всерьёз ничему меня учить. Ну что же... В таком случае боюсь, что тебя ждёт неприятный сюрприз.»

С того дня Краса предпочла всему учиться сама, тайком штудировав книги отца и упражняясь в управлении потоками силы во время, отведённое для обучения рукоделию. От уроков же мастера Мерридина она старательно отлынивала, делая вид, что глупа, бездарна, непонятлива, а то и вовсе больна. И тут мало было простого притворства: чтобы обмануть старого мага, приходилось действительно становиться тем, кого бралась изображать, изменяя течение потоков силы в собственном теле. О, эти «уроки» развили её врождённый дар лучше любых книг! К пятнадцати кругам Краса без усилий могла, не меняя сверх меры собственного облика, заставить окружающих увидеть её именно такой, какой ей хотелось им показаться: красивой или отталкивающей, умной или непроходимо тупой, зелёной девочкой

или женщиной в расцвете зрелости, больной и усталой или, наоборот, полной сил и лучащейся здоровьем... Это было удобно и позволяло ловко управлять людьми. Почти всеми. Исключение представлял собой её собственный отец. Единственное, чего Краса сумела достигнуть — научилась отгораживаться от его взгляда в силе непроницаемой стеной.

Пока Гардемир строил хитрые планы о том, как поудачнее и повыгоднее выдать замуж единственную дочь, Краса успела сама распорядиться собственной судьбой. Она коротко сошлась с служившим при конюшне юным оборотнем Яруном Воронёнком и условилась тайно обручиться с ним после ближайших Дожинок*. Жить молодая пара рассчитывала в лесу, попросив приюта у Яруновой родни. Как же это было глупо и наивно... Побывав на хуторе Старого Ворона, Краса убедилась в том, что лесные оборотни во многом ещё более костны и твердолобы, чем люди, а жизнь в Торме даже для обладателя дара силы тяжела и полна забот. И уж если ты тётка, то будь хоть семи пядей во лбу — проведёшь весь век бесправной рабой при хозяйстве мужа.

К добру или к худу, лесное приключение закончилось для Красы возвратом в Ольховец и замужеством по приказу. Нельзя сказать, что выбор князя оказался сильно плох: назначенный им муж, целитель Венсель, был не беден, уважаем людьми и весьма сведущ в управлении потоками силы. К тому же характером он обладал спокойным и мягким. Вот только Красе рядом с ним было непроходимо скучно. Да и не так уж много времени Венсель уделял своей жене. Его страстью был мир силы, а того, что происходит в мире людей, он предпочитал просто не замечать. Затеяв поменяться местами с Усладой, Краса думала всего лишь развлечься, развеять тоску. Но теперь она вынуждена была признать, что завидует подруге: её спокойному, беззаботному житью, богатству, безмолвному почтению челяди... Усладе ни к чему лезть из кожи вон, ломать и скрывать свою суть, добиваясь любви и уважения от других: она и так княжна, она — выше всех. И жених её пусть сопляк, да и внешне не слишком хорош, но ведь сын правителя горной страны! А главное — он смотрел нынче на Красу глазами, полными живого интереса. И за завтраком, и позже, когда под конвоем нянек они вместе гуляли в саду. Именно ей, пусть даже скрытой в неловком и скромном внешне теле княжны, Идрис дарил своё внимание, слушал её слова. Был терпелив и совсем не заносчив. Забавлял рассказами о своей стране и осторожно выспрашивал о порядках в её родном Приограде. Пожалуй, с таким можно было бы и поладить. Но — он принадлежит Усладке, которая едва услышав о сватовстве, даже взглянуть на него не захотела, сразу затряслась, как овечий хвост. «Вот где справедливость? — сказала Краса сама себе, задвигая на место потайную шкатулку. — Почему одним всё, а другим ничего?»

Между тем до вечера оставалось ещё достаточно времени. Красе подумалось, что хоть горская лепёшка с козьим сыром и была хороша, но для полноценного завтрака вышла маловата. Перед теми, кто сидел за столами в зале, явно ставили угощение побогаче. А значит, в самый раз ей наведаться на поварню: уж там-то не пожалеют свежей булочки для своей княжны, а заодно расскажут ей и все свежие сплетни. Решив так, Краса отбросила грустные мысли, поправила на себе узорчатый запон, распахнула настежь дверь и бодро побежала по лестнице вниз.

В галерее перед входом в её терем прохаживался один из молодых стражей. Краса узнала его и тихонько окликнула — Эй, Изок! Поди-ка сюда. Парень обернулся и с удивлением поглядел на княжну: обычно та, проходя мимо, едва достаивала его кивком. Опомнившись, он поприветствовал госпожу почтительным поклоном. А она, хитро улыбнувшись, сказала — Что, правду ли девушки говорят, будто моего жениха разместили не

в гостевых покоях, а при казарме? — Да, госпожа Улада, так и есть. У краватынцев такое в обычае: младших, даже если они знатного рода, держать среди простых воинов. — По-твоему это разумно? — лукаво спросила княжна. Изок слегка растерялся, не зная, как ей лучше ответить, но девушка тут же задала ему другой вопрос — Расскажи-ка мне про амиразна** Идриса. Что он по-твоему за человек? Да не бойся, говори, как сам думаешь. Каковы они вообще, эти краватынцы? Помявшись немного, Изок сперва промолвил неуверенно — Княжич Идрис? Парень как парень. Тихий, вежливый. Горские говорят о нём, что благоразумен и почтителен к старшим, — а потом добавил, решившись: — Да что уж там, говорят тишком, будто даже через чур он терпелив: амир Адалет его иной раз и поколачивает, и хворым по полям за собой тягает... Но тут любой поперёк слова не сказал бы: отец ведь. А так-то горцы эти ребята ничего, не дикари какие. Ну там, разве, молятся все вместе Небесному воину по три раза на день... Зато уж и повеселиться они мастаки. Как песни свои запоют — заслушаешься. Вот только хмельное пить вовсе не умеют и по бабам не ходят. Им ихняя вера не велит. Говорят, корам, мол, и всё тут. — Хм... — задумчиво протянула княжна. — Ну ладно. Булочку хочешь? Изок испуганно замотал головой. — Как хочешь. Ладно, бывай. Если вдруг нянька что будет спрашивать, я в саду.

К вечеру Стина просто сбилась с ног. Давненько воспитанница не задавала ей столько хлопот. словно подменили её или муха какая куснула! Вместо того, чтобы сидеть себе в тереме с рукодельем, самовольно вздумала бродить по хоромам, заявила на поварню, перепробовала все наготовленные к вечеру сласти и умяла целую горку оладий со сметаной. А потом нет чтоб чинно вернуться в терем, возжелала вдруг кататься верхом! И ведь князь батюшка даже не подумал запретить, напротив, выделил смиренного коня и пару стражей в сопровождение! Вернувшись же, вместо того, чтоб устроиться на отдых или почитать что благочестивое, Улада побежала в сад и затеяла там играть на калюке***! И откуда только взяла эту дрянь? Не иначе, старый пенёк Ельмень удружил! Ухокрыл от того шума проснулся, давай орать дурниной, а княжна знай смеётся: «Ты мне ночью песни пел, а я тебе днём музыку играть буду!» А за обедом? Каша ей, видите ли, не сладка! Пошла Стина в кладовую за медком, вернулась, а княжны в трапезной уж и след простыл. Насилу нянька её в читальне отыскала.

Когда на закате после всех этих проказ баловница безропотно согласилась идти к себе, Стина вмиг заподозрила неладное. Приготовив, как положено, княжну ко сну, она не пошла к себе, а устроилась тихонько у оконца в галерее, откуда хорошо был виден сад. Ждать пришлось не слишком-то долго. Едва сгустились потёмки, меж кустами в кадках проскользнул какой-то парень. Почти в то же время в покоях княжны тихонько скрипнула дверь, и лёгкие шажочки прозвучали сперва на лестнице, а потом в галерее, ведущей к девичьему крыльцу. Девушка в тёмной накидке выбежала к ожидающему её у кустов и тут же кинулась к нему на шею. «Ну, так и есть! Вот я ужо вам покажу, как тайком миловаться», — подумала Стина. Быстро спустившись на нижний поверх, она вышла наружу через малую дверцу, ведущую к вольерам зверей, прикрыла свечу и тихо двинулась через сад. Беззвучно, словно охотник, подбирающийся к осторожной дичи, подкралась нянька к легкомысленной парочке, резко сдёрнула со свечи колпак... Взору её предстали перепуганные лица младшего стража Радима и сенной девки Забавки.

Пока Стина была занята своей охотой, на девичье крыльцо тихонько поднялась тёмная тень. Окно княжны приоткрылось, из него свесилась простыня, в уголок которой было что-то завязано. Неизвестный внизу развязал узел, вынул содержимое, взамен положил что-то

свое, и холст снова втянулся в окно. Ночной посетитель быстрым неровным шагом удалился в сторону казарм.

Захлопнув окно, Краса развязала узелок и с интересом вынула из него то, что Идрис оставил в благодарность за лечебный бальзам. В маленькой берестяной коробочке лежал перстенёк удивительной красоты: выточенная из павлиньего камня**** змейка, свитая в кольцо. Примерив подарок, Краса невольно улыбнулась. Нынче ей удалось поговорить со многими стражами и людьми из obsługi. Расспрашивая их об Идрисе, она выяснила прелюбопытную вещь: все сходились на том, что чужеземный княжич вежлив и нравом тих. Но больше — ничего. Словно не человек, а тень. Из этого Краса сделала вывод, что парень не так уж и прост, много слушает, да мало говорит сам. И это ей понравилось. А ещё — подарок пришёлся ей по душе.

Краса подняла руку, любуясь узором камня и тонкой резьбой. Вдруг взгляд её зацепился за круглое тивердинское зеркальце, лежащее на лавке. Взяв его, Краса шепнула тихонько: «Уся?» Но поверхность волшебного стекла осталась тёмной, подруга не откликнулась на зов. Краса чуть задумалась, хмуро насупив бровь, а потом вдруг зло усмехнулась и с неожиданной силой швырнула зеркало об пол. Осколки брызнули во все стороны, словно искры из-под кочерги.

Примечания:

* Дожинки — праздник окончания жатвы. У лесных тормалов седмица после Дожинок считалась порой, благоприятной для свадеб.** Краса называет Идриса правильным титулом: амиразн — сын амира.*** Калюка — травяная дудка.**** Павлиний камень — малахит.

Хранитель снов

Время — странная вещь: всё кажется, еле течёт, тянется, точно патока с ложки. А чутьхватишься его — уж пролилось невозвратно, как с небес вода. Четыре дня Услава провела на Задворках, а показалось, будто промчались они в один миг.

В первое утро Услава с Венселем проснулись поздно: Маэлево Око уже во всю заглядывало в окно. Со двора раздавались шаги и громкие незнакомые голоса. Услышав их, Венсель вскочил, натянул одежду и молча вышел за дверь. «Уж не случилось ли что?» — подумала Услава, встревожившись.

Собираться без нянюшки оказалось весьма несподручно: пока косу расчешешь да пока заплетёшь... Выйдя на поварню, Услава застала там одного лишь деда Мироша.

— Где же Венсель? — спросила она удивлённо.

— На торг утянули. У кого-то там кони подрались, молодому жеребчику ногу зашибли. Притащились вот, подай им целителя да подай. Говорю честью: идите отседова, отдыхает человек, а они: зови, и всё тут...

— Но Венсель скоро вернётся? На торг — это ведь совсем недалеко?

Дед Мирош только рукой махнул:

— А... Теперь уж до ночи точно не воротится. Лесной люд хуже сорок: растащили на хвостах по всей округе, что Венсель наш лечит задарма.

— Он не берет за работу платы? Почему?

— А кто ж его знает? Сама возьми да спроси.

Сперва Услава подумала, что дед Мирош сказал так для красного словца, однако скоро стало ясно, что, действительно, поговорить с Венселем может лишь она одна, да и то во сне.

Вечерами Венсель приходил домой позднёненько и сразу ложился спать, а поутру, ни слова ни с кем не говоря, исчезал по своим делам.

Зато ночью, едва заснув под одним одеялом, Венсель с Усладой просыпались на поляне у зелёного костра, чтобы дожидаться там Ико с Аэлиной и тронуться в путь. Куда именно они направляются и зачем, Венсель не говорил, да верно, и сам не знал. Он всегда ждал появления знаков. То это были буквы, вдруг проступившие в рисунке камня или древесной коры, то потянувшийся по тропе через заросли дым от костра, то сухая ветка, словно указатель, упавшая на землю...

За три ночи путники изъездили немало дорог, побывали в странных и дивных местах. И хоть кони их всегда шли неторопливо, Усладе казалось, будто с каждым шагом они незримо переносятся через сотни вёрст. Ни разу ей не удалось угадать, что ждёт у края лесной опушки: голая ли пустошь, коварная топь или луга, заросшие сочной травой. Как-то они даже выехали в привольную степь, где мягкие, длинные колосья волновались на ветру, точно гривы коней. Это было восхитительно красиво. А в другой раз кони вынесли их к берегу моря. На самом краю скалистого обрыва Услава вдохнула солёный ветер, увидела синий простор впереди и испуганно спросила:

— Это Изень?

— Нет, — ответил Венсель совершенно серьёзно, — это Море Забвения. Т

Тогда Услава ещё не поверила ему, решила, что он пошутил.

Добравшись до нужного места, Венсель оставлял Усладу со скакунами, а сам уходил ненадолго. Затем возвращался, и они снова продолжали путь по прекрасным нехоженным местам.

В первую ночь, проезжая через заросли диких яблонь в полном цвету, Услава воскликнула:

— Что за чудо Маэлево! Любовалась бы вечно...

— Не надо так говорить, — поспешно оборвал её Венсель. — В Стране снов сила жизни отзывчива и подвижна, желания слишком легко исполняются. Пообещав остаться здесь, ты можешь просто не проснуться поутру.

— Тогда в настоящей жизни я буду спать и видеть прекрасные сны. Пожалуй, это не так уж плохо...

— Да, но только до тех пор, пока твоя душа помнит дорогу к телу. Когда разрушится эта связь, тело угаснет, а душа заплутает среди грёз и останется всего лишь одним из чьих-то воспоминаний. Не самая завидная доля, если понимать, насколько здесь всё зыбко.

Венсель указал пальцем на цветущую яблоню, сделал несколько резких движений, словно перелистнул страницы невидимой книги, и, подчиняясь ему, белые лепестки опали на землю. Заязи выросли, налились, румяные яблоки заставили ветви согнуться к земле. Услава потянулась было сорвать одно, но Венсель её удержал:

— Есть и пить в Стране снов можно только если ты не собираешься возвращаться в явь. То же касается и приглашений погостить: согласишься — застрянешь здесь надолго, возможно, навсегда.

Странными, даже жуткими показались Усладе эти предупреждения, но почему-то им она сразу поверила.

Порой Венселю с Усладой встречались дикие звери. Они были совсем не пугливы и спокойно провожали всадников равнодушными взглядами. Однако не это занимало Усладу. Куда больше её тревожило, что нигде вокруг не виднелось следов человека.

Между тем людей в Стране снов хватало. Некоторые из них пользовались особым расположением Венселя. В каждую из трёх проведённых с Усладой ночей он неизменно

посещал маленький замок, похожий на детскую игрушку: изящные арки и башенки в каменном кружеве не были предназначены отражать атаки врага. И окружал это кукольное жилище не ров с водой и защитным валом, а очаровательный, ухоженный сад. Жила в замке хорошенькая и молоденькая барышня, по виду будто бы из знатных загридинцев, и с ней — её муж, симпатичный пожилой господин. Венселя эта барышня всякий раз нежно целовала в щёчку и почему-то с гордостью называла «мой малыш».

А возле моря, в укромной бухточке, располагалось самое настоящее богатое поморийское подворье. Владела им тоже семейная пара: здоровенный, весёлый, могучий мужик самого разбойного вида и его жена, хозяйственная, всегда невозмутимо спокойная, с белобрысым улыбчивым младенцем на руках.

Ещё была затерянная в дремучем лесу одинокая башня, в которой жил чудаковатый и очень старый маг, тормальский хутор, стойбище коневодов... Венселя с его спутницей везде встречали, как родных. Сперва Услава была совершенно очарована столь тёплым приёмом, но вскоре она заметила некоторые странности, заставившие её насторожиться. Всё было каким-то... Ненастоящим, что ли? Не плакали дети, не шумела скотина, никто не болел, не ссорился между собой, даже не бил посуды...

Кроме того, без сомнения, и поморийское подворье, и хутор тормалов, и уж тем более замок — всё это были богатые, хорошо налаженные хозяйства. Но ни к одному из них не вела дорога. Тропа, по которой приезжали Услава с Венселем, исчезала, стоило Ико с Аэлиной сойти с неё. Вокруг жилья не виднелось сенников и амбаров. В ухоженном замке не было видно слуг. Услава ни разу не углядела, чтобы кто-то готовил снесь. Не заметила она также следов стирки, уборки и прочих домашних работ. Всё это было на редкость чудно.

На вторую ночь Услава решилась спросить:

— Люди, которые здесь живут — кто они такие? Чем кормятся?

— Это не люди. Всё, что ты здесь видишь — только игра силы, отражения мыслей и тайных желаний. А люди и звери... Большинство из них снятся мне. Остальным — снюсь я.

— А есть какая-то разница?

— Есть, и очень большая, — ответил Венсель нетерпеливо, словно неопытный учитель глуповатому ученику. — Когда будем в гостях у моей матушки, обрати внимание: некоторые не имеют тени. Они — только образы, порождённые спящими. Те, у кого тень есть, сами спят и создают такие же отражения.

— Как интересно... Значит, во сне ты можешь повидать своих родных и друзей?

Венсель вздохнул.

— Да. Но, к сожалению, проснувшись, они об этом забудут. В большинстве своём люди не помнят снов.

— А ты?

— Я умею управлять своими сновидениями. И посещать сны других живых существ.

— А почему тогда их всех вижу я? И даже помню об этом с утра? У меня ведь нет дара силы.

— Зато ты — моя жена. Считай это моим маленьким подарком, птаха.

Услава, прошептала, чувствуя, как густо краснеют щёки:

— Но я — не Краса...

— Знаю, — спокойно улыбнулся Венсель. — Ты создаёшь совсем другие сновидения. Лес, по которому мы ездим между снами. Костёр, который греет, но не обжигает, и пахнет свежей травой. Кстати, давно хотел у тебя спросить: почему костёр — и вдруг зелёный? И

лошадки. Это ведь ты превратила проводников мира силы в забавных пони. На деле они выглядят совсем иначе.

После того разговора Услава стала внимательнее глядеть по сторонам. И заметила, что хорошенькая барышня-загридинка сама видит сны, а вот её муж — только снится ей. На поморийском подворье «настоящими» были хозяева, сынок же их и вся домашняя живность оказались лишь сном. А ещё Услава догадалась, что те, кто спит, в мире снов обретают иную внешность, чем наяву. Теперь-то стало понятно, почему молодая красавица зовёт Венселя малышом, а он её почтительно величает матушкой: мать Венселя наверняка была уже в возрасте, но во сне она по-прежнему видела себя молодой и красивой. Венсель тоже во сне становился немного не таким, как в яви: более рослым, крепким и широкоплечим, резче чертами лица. Глянув же на саму себя в лесное озеро, Услава ахнула в голос: с водной глади смотрела на неё не голубоглазая красавица-подруга, а она сама, ольховецкая княжна. Значит, Венсель с самого начала знал о подмене, а она-то маялась и не ведала, как ему рассказать...

Вскоре выяснилось и кое-что об отлучках Венселя во время их ночных странствий. Услава осмелилась как-то проследить за ним. Оставив свою спутницу на полянке, Венсель без тропы углубился в лес. Путь ему указывали тёмные знаки на стволах деревьев. Следуя им, маг спустился в небольшой овражек. Там, среди зарослей крапивы и гнилого валежника, по земле вилась узкая тёмная трещина, словно разрыв, а внутри неё — страшная пустота. Ничуть не растерявшись, Венсель достал из закарвашка* толстую стальную иглу, потянул откуда-то из-за пазухи золотую нить и принялся ловко, как заправский портной, латать прореху. Услава не стала мешать, вернулась тихонько по своему следу к месту стоянки. Но Венсель, как видно, успел её заметить.

Возвратившись, он сказал, старательно отводя глаза:

— Не ходи за мной, если не зову, это опасно.

— Только для меня? Или и для тебя тоже? — встревожилась Услава.

— Для всех.

— А что там было, такое чёрное и страшное?

— Прореха в ткани мира. Грёзы бывают всякие: и прекрасные, и страшные, и уродливые... Пусть их. Но если они теряют силу и разрушаются, это грозит бедой не только Стране снов, но и миру яви.

— Отчего? Ведь ты сам говорил, что здесь одни лишь зыбкие сны да пустые желания.

— Не совсем, птаха, не совсем. Если человек не просто болтается в мире грёз, а напитывает свои мечты и чаянья силой, они постепенно плотнеют и со временем могут перейти в явь. Жаль, не все люди умеют правильно мечтать.

— А ты умеешь?

— Я пытаюсь. Порой даже получается.

— Надо же, — вздохнула Услава, — я думала, маг — это тот, кто может сделать всё, что только захочет...

— Нет, маг — это тот, кто умеет правильно хотеть, так, чтобы потоки силы переключались по его желанию. Но это не означает, что можно желать всего, что угодно.

— Откуда ж узнать, чего желать можно, а чего нельзя?

Венсель подумал немного, а потом ответил словно нехотя:

— Магу можно желать того, что позволяет его Хранитель.

— То есть тебе приказывают, чего желать?

— Ну... Почти. Маги, птаха, служат Хранителям мира, как псы — пастухам. Кто-то

бережно обращается со своими псами, кто-то, напротив, суров с ними или безразличен. Мне повезло: Ночна, Речная Хозяйка, заботлива и щедра. Но у Задворок ведь сходятся сразу четыре удела: Ровеньон, Виелина, Занорье и Ночь-река. И каждый Хранитель считает, что вправе задавать живущему на его земле магу работу. Если Занор обращается ко мне не часто и только с важными поручениями, то Ровена — просто невыносима.

Услава поглядела на Венселя с сочувствием.

— Это из-за неё тебе приходится каждый день ездить на Пустошь?

— Из-за Ровены? Нет. Ей не нужна помощь, она хочет только, чтобы я не смел помогать Хранительнице Виелине. Та недавно впустила в свои земли людей, но им, их овцам и лошадям нужна вода. В Рискайской пустоши есть водяная жила, правда, она спрятана глубоко под землёй и идёт по самому краю Ровеньонского плато. Чтобы добыть из неё воду, придётся потрудиться. Смотри, что я придумал, — Венсель быстро разровнял перед собой землю и принялся чертить на ней веткой. — Видишь? Это — Задворки, а вот — подземная река, которая питает подземное озеро Виелины. Здесь она залегает неглубоко, но большая часть Риская поднимается гораздо выше водоносного слоя. Надо прокопать под Пустошью галерею на уровне дна реки до самого Сухого Лога. Русло Эрдана снова наполнится водой, а заодно по ходу галереи можно будет вывести на поверхность множество колодцев. Жителям Виелины не придётся больше ходить в другие уделы за водой, этот край вновь сделается живым и плодородным. Правда, здорово?

Услава с удивлением посмотрела на рисунок. Из всего объяснения ясны ей были лишь последние слова. Но кто сказал, что обычные люди обязаны понимать пиктограммы магов? Венсель заметил её недоумение.

— Ну, один я, конечно, не справлюсь с такой работой, — сказал он, немного смутившись. — Нужны землекопы, каменщики...

— Так ведь и Ограду построили не одни лишь маги, — резонно заметила Услава. — Если всё получится, и Рискай зацветёт, это будет самая лучшая магия нашего времени.

Из следующей своей отлучки Венсель вернулся взъерошенный и серьёзный, на ходу он старательно отирал саблю пучком травы. На испуганный взгляд Уславы ответил только коротким уверенным кивком: всё, мол, в порядке. Девушка тихонько улыбнулась про себя: вроде, взрослый, уважаемый человек, сильный маг, а думает, что с саблей будет выглядеть солиднее, чем с иглой... Ну да и ладно, пускай тешится, лишь бы сумел совладать с той страшной чернотой, что глядела из разлома. А уж чем он с ней управится, саблей, иглой или хоть просто веником — дело десятое.

На другой день, проснувшись поутру, Венсель, как обычно, отправился на торг. Он спешил туда не потому, что кто-то нуждался в исцелении. Его поднял с постели и вывел за ворота зов силы, настойчивый, резкий, почти нестерпимый. Шагая по торговым рядам среди людей и коней, Венсель не слушал, что говорят ему, не чувствовал, куда тянут за руки, не видел, куда ступает, просто шёл, выискивая зовущего. И очень скоро нашёл.

Несомненно, маленькому изящному паланкину с занавесками из тёмно-синей парчи было не место на конном торгу. Носильщики, державшие его на плечах, выглядели весьма необычно: несмотря на жару, каждый из них кутался в плотный серебристо-серый плащ и прятал лицо под капюшоном, а уж сопровождающий паланкин охранник, рослый воин в чёрном плаще с огромным тесаком на портупее, и вовсе должен был притягивать взгляды со всех сторон. Однако торговый люд не обращал на незнакомцев внимания, словно те были

невидимы. Впрочем, присутствие их хорошо ощущали и люди, и кони: никто не приближался к месту, у которого остановился паланкин.

Занавеска приоткрылась, показав на миг сидевшую за ней. Эту женщину Венсель не рискнул бы назвать красавицей, но необычной и яркой внешностью её сложно было не любоваться, а голос... Он звал, манил, лишал воли. Не в силах противиться, Венсель подошёл к паланкину вплотную. Чужой, враждебный всему живому поток тут же сковал мага, едва позволяя ему дышать.

— Медленно откликаешься, — произнесла дивная посетительница ласково. — Может, следует поучить тебя обходительности?

— Простите, госпожа Ровена, — с трудом прошептал Венсель. — Я не сразу понял... Ведь мы на земле этлы Виелины, а не...

Ровена приподняла брови, изобразив на лице наивное удивление.

— Ну надо же, этла Виелина... Вот, значит, как её теперь зовут? Что ж, пускай. И мне даже не интересно, что случится с её пыльным Джулистаном, когда людишки изроют его, словно суслики, вдоль и поперёк, — глаза Ровены опасно сверкнули, в голосе зазвучал металл. — Но подземные воды этих мест принадлежат не только ей. Ты пойдёшь и немедленно передашь мерзавке Джу, что я запрещаю забирать воду из моей подземной реки. Если её люди не прекратят рыть колодцы, они умрут. Все до единого. Мучительной смертью. Ты понял, маг? Вижу, понял. Умница. Ну-ка, что тут у нас?

Гибким движением Ровена поднялась на ноги, неторопливо пошла вокруг Венселя, разглядывая его и ощупывая, словно раба, выставленного на торг.

— Стой спокойно, глупыш, не нужно сопротивляться, — сказала она нежно, расстегивая на Венселе куртку и бесцеремонно запуская руку ему под рубашку. — Больно не будет, я умею обращаться с мужчинами. Так-так... Хм... О... Забавно. Ну надо же, нашлась какая-то дурочка, готовая заботиться о тебе... И ты ей даже нравишься... Впрочем, это не надолго.

Отступив, Ровена брезгливо отряхнула руки и вернулась в свой паланкин. Венсель дёрнулся было, пытаясь освободиться от чар, но так и не смог сойти с места.

— Я пока не разрешала тебе убежать, — Ровена вновь изобразила губами улыбку, но глаза её остались холодными, словно лёд. — Когда всё закончится, приходи в Ровеньон. Я умею быть щедрой к тем, кто мне служит. Власть над силой, безграничная, полная, а не только в чужих снах, богатство, вечная молодость, любые знания мира... И совсем немного взамен: два раза в круг проводить моих детей через Джулистан, к Занорью и назад. Служить мне гораздо выгоднее, чем быть на побегушках у старухи Ночны. Подумай об этом, маг.

Задёрнув занавеску, Ровена скрылась из виду. В тот же миг на голову Венселя обрушился целый водопад. Проморгавшись, он открыл глаза. Никакого паланкина не было и в помине. Зато прямо перед собой Венсель обнаружил бородача-тормала с пустым ведром в руках, а у себя под ногами — здоровенную лужу. Заботливо заглянув Венселю в лицо, тормал вздохнул с облегчением и заявил собравшимся вокруг:

— Слава Маэлю, очухался. Эдак-то с ним частенько бывает: залипнет вдруг на полушаге и как начнёт говорить непойми с кем на незнамом наречии... А у самого глазищи пустые...

Примечания:

* Закарвашек — нарукавный отворот, обшлаг.

Шила в мешке не утаишь

Насколько интересными были для Услады ночи, настолько же нудными и тяжёлыми

выдавались дни. Дед Мирош с Ладом в очередь ходили в лес пасти коз. Тот из них, кто оставался дома, убирал в стойлах и колол дрова. На поварне же безраздельно властвовала противная Радка. Вроде, и упрекнуть-то её было не за что: в доме чисто, козы доены и еда всегда в срок на столе... Да только под её насмешливым взглядом у Услады кусок в горло не лез. А вскоре между ними докатилось и до прямой размолвки.

В тот день Радка с утра сходила в лес, принесла лукошко малины и затеяла делать смокву*. Услава обрадовалась: это лакомство было ей весьма по вкусу. Самой княжне, конечно, готовить его не доводилось, но нянюшка частенько рассказывала, как оно делается на княжьей поварне. Потому, увидев, что Радка, размяв и чуть уварив ягоду, принялась готовить противни, Услава заметила ей:

— А через сито протереть?

— Это зачем? — сразу насупилась Радка.

— Чтобы косточек в смокве не было.

— Вот ещё, не хватало. Сгодится и так, меньше отхода будет.

— Но я люблю чистую, — возразила Услава.

Радка фыркнула и бросила ложку.

— Вот сама тогда и возись!

Услава в растерянности посмотрела сперва на медный таз с вареньем, затем на Радку, нахально упёршую руки в бока, и поняла, что под таким присмотром она не то что смоквы протереть, даже шагу верно ступить не сумеет. Но как видно, не зря княжне довелось походить в теле Красы: в голову к ней вдруг закралась озорная мысль. Подхватив с поставца горшок и сито, Услава положила их на стол рядом с вареньем, накрыла всё вместе рушником и, напустив на себя важный вид, принялась водить сверху руками, зажмурившись и шепча беззвучно восьмую песнь «Благочестивых Поучений». Радка спросила настороженно:

— Что такое творишь-то?

— Чарую. Заговариваю сито, чтобы варенье само сквозь него потекло. Только это чары особо опасные: кто увидит хоть каплю, миг зрения лишится.

— Схожу-ка я пока за водой, — заявила Радка и, торопливо осенив себя охранным знаком, выскочила в сени.

Но Радка со всеми её фырканьями и косыми взглядами, как выяснилось, была ещё не самой большой бедой. На другой день с козами ушёл дед Мирош, а Лад остался на подворье. В полдень Радка тоже собралась в лес, подоить коз, а заодно отнести пастуху обед. Оставшись в доме одна, Услава вздумала было посидеть на крылечке, понежиться в очих лучах. Но едва она вышла из поварни в сени, чьи-то руки обхватили её бесцеремонно и грубо, а лицо обдало жарким чужим дыханием.

— Пришла-таки, — хрипло прошептал Лад ей в самое ухо, — а я уж и не чаял...

Услава рванулась изо всех сил, пытаясь высвободиться, но он только крепче притиснул к себе свою добычу и жадно потянулся губами к её губам.

Она отвернулась и пискнула жалобно:

— Пусти!

— Вот уж нет, — усмехнулся её мучитель, жадно шаря руками по незащитному телу. — Сперва, значит, дразнила да манила, а теперь пусти? Нет, моя голуба, эдак-то не пойдёт... Что поймал, то моё... Да ты не бойся, глупая, не бойся, те приятно будет. Я ж не твой снулый маг...

Спасение пришло откуда не ждали. Вдруг распахнулась дверь, в светлом проёме

возникла Радка. Один лишь миг понадобился ей, чтоб понять, что происходит в тёмных сенях. В следующий она с размаху опустила на голову своему мужу полный подойник. А потом — добавила со всей дури уже подойником пустым.

Силушкой Небесные Помощники Радку не обделили, но зато и муж ей достался слепленный из крепкого теста. Подойник разлетелся на досочки, а Лад даже не пошатнулся. Однако узнать, кто об него ведра ломает, всё же захотел. И вовремя: бросив обломки, Радка тут же подхватила из угла крепкое берёзовое коромысло и с размаху обрушила его на голову своего гулящего муженька. Заслоняясь, тот на пол мига отвернулся от Услады, выпустил её из рук, и этого оказалось довольно. Княжна опрометью бросилась в ближайшую дверь, захлопнула ее за собой и закрылась на засов.

Грохот и двуголосая брань в сенях понемногу отдалились, а потом и вовсе стихли. Сколько-то времени Услава ещё простояла в темноте кладовки, приходя в себя и бездумно радуясь тому, что уцелела, а потом осторожно выглянула в сени. Там было пусто. «Хоть бы эти буйные друг друга не поубивали, — пришло ей на ум. — Вот так удел избранных, прости Маэль: Лад да Радость в семье...»

Проскользнув обратно в свою горницу, Услава распахнула сундук под окном и принялась перебирать приданое своей подруги. Под ворохом нарядных и повседневных одежд, на самом дне она обнаружила-таки то, что искала: кожаный пояс с пристёгнутыми к нему парными кинжалами. Услава извлекла находку из сундука, примерила на себя, осторожно вытянула из ножен один кинжал. Хищно блеснула воронёная сталь. «Эх, — подумала княжна досадливо, — лучше б я хоть немного себя оборонять училась вместо того, чтобы целыми днями за веретеном да пальцами зад отсидживать. А так... Пояс-то нацепила, да проку нет. Верно Краса сказала: курица, а не княжья дочь».

Услава упрямо сжала губы, перехватила поудобнее рукоять и оглянулась по сторонам, ища, на чём бы испытать твёрдость своей руки. Однако ничего годного не нашла и решила выйти для таких дел на конюшню.

Радка привычно возилась у печи. Даже не взглянув в её сторону, Услава бодрым шагом пересекла поварню, схватилась за ручку двери... — А ну стой, — раздался резкий голос у неё за спиной. Услава покосилась назад и увидела нацеленный ей в голову ухват. В крепких руках Радки он представлял собой нешуточное оружие. Княжна дёрнула было дверь, но тормалка тут же грозно прикрикнула — Куды? Стой, не то порешу! — Да я... — Молчи, злыдня, и не вздумай чаровать! — Я и не чарую. — Ага, как же... Знаем мы таковских. Говори не медля: кто ты есть и куда хозяйку подевала? Где Краса?

Выдохнув с облегчением, Услава обернулась и сказала как можно спокойнее, глядя Радке прямо в глаза — Ты права, я не твоя хозяйка. Но бояться меня ни к чему. — Тогда бросай нож. И мужа моего убивать не моги: он хоть козёл беспутный, а всё ж дурного тебе не желал.

Только тогда Услава сообразила, что до сих пор держит в руке обнажённый кинжал. Торопливо спрятав оружие в ножны, она объяснила — И в мыслях такого не имела. — Что, и чаровать не собиралась? А то чарами-то можно уморить вернее, чем ножом. — Я к чарам от роду не способна. — Говори мне, — нахмурилась Радка, продолжая целить в княжну ухватом. — А что там со смоквой? — Я просто пошутила тогда. А ягоду сквозь сито протёрла, безо всякого колдовства. Откровенная враждебность на лице Радки сменилась недоумением. — Так ты это что же... не ведьма? — Нет, конечно. Такой же человек, как все. Я подруга Красы. Она придумала сделать так, чтобы мы на время поменялись местами. Но

это не на всегда. Радка хмыкнула всё ещё недоверчиво, однако ухват опустила. И спросила, хитро прищутив глаз — Подруга, говоришь? А ну скажи мне тогда, каков у хозяйкиной псины хвост? Кольцом аль серпом? — Полешком**, — без запинки ответила Услава.

Радка почесала за ухом, сдвинув волосник набекрень. — Хм... А может, и не врешь... То-то я смотрю, хозяйку словно подменили: с дедом не собачишься, на подначки и пересмешки не отвечаешь, да ещё и с тётками этими... Я думала, ща Краса всех задворных дур враз пылью-то поумоет, чтоб не квакали, а ты — подол в руки и бежать... А мне потом на кулачках отмахиваться пришлось.

И Радка вдруг хихикнула так беззлобно и весело, что Услава невольно ответила ей искренней улыбкой.

При ближайшем знакомстве Радка оказалась вовсе не такой уж и противной. Все её нахальные подначки были лишь приглашением к игре. Между ними с Красой так повелось с самого первого дня: вечно они бранились и пререкались шутливо во время возни у общей печки, но вместе и давали отпор тем, кто за воротами вздумал бы обидеть любую из них. И Радка со смехом признала, что неладное заподозрила не тогда, когда Краса перестала помогать по хозяйству, а когда против посадских тёток вдруг бросила её одну.

Ещё оказалось, что Радка всего лишь двумя кругами старше Услады, но притом уже три круга носит кикю. У них с Ладом даже был сынок, да Маэль его в младенчестве прибрал. А потом на их хуторе приключился пожар, и, потеряв всё имущество, молодая пара оказалась в крайней нужде. Целый круг они слонялись с хутора на хутор, перебиваясь где работой, где милостыней. Одна только новая хозяйка мажьего подворья выручила их из беды, пригласила остаться насовсем. Хоть поперву Радке страшновато было жить в доме мага и оборотницы, но под крышей, при корме и при деле всяко лучше, чем под кустом спать, лебеду жевать. К тому же хозяйка оказалась весёлой и не заносчивой.

— Краса — та всегда со мной держалась запросто, носа не задирала, — рассказывала Радка, щедро накладывая Усладе в миску горячей похлёбки. — И не скажешь, что из пустоземья родом, а не своя. Лад мой к ней, правда, взялся было клинья подбивать, да только ему живо вышел окорот: получил раза два по морде и уж больше вольничать не смел. А тут гляжу — что за притча? Хозяюшка с моим мужем тихие речи ведёт, в лес не гонит... Я ж знала нынче, что раньше с выгона вернусь, вот и решила вас подкараулить, подсмотреть, к чему бы так. Дед Мирош-то всегда рядышком пасёт, нет у него уже силы в ногах далеко ходить. — Да... — вздохнула Услава. — Моя удача, что ты и меня заодно с Ладом подойником не зашибла. — Что ж я, злыдня какая? — возмутилась Радка. — Видела ведь, что не мил он тебе. А ты на него всё ж обиды не держи. Он подумал, видать: раз с глаз долой не гонишь, да ещё и речи ведёшь ласковые... У Услады аж глаза на лоб полезли. — Когда это? — А три дня тому, из окошка. Вот Краса, застав его среди дня без дела да за тютюном, не стала б церемониться, отчехвостила бы, как козу в огороде. Да ты не бойсь, больше такого не приключится. Ужо я этому дурню вогнала ума. Лучше скажи: откудава ты сама к нам такая свалилась? — Из Приоградья. Мы с Красой вместе росли. — Так ты что, тоже из Ольховецкой крепости? И какую ж работу там делала? — Да так, — тихо промолвила Услава, опустив глаза, — при князевой дочке в сенных девушках состояла... — Ну, тогда понятно, с чего ты такая растелёпа. При эдакой-то чистой работе сама, поди, барыней ходила, только и дел, что подай да принеси... Но это ништо, не журись. Я тебя живо всему, чему надо, обучу.

Учение пошло весело и споро. Сперва они вместе сходили в курятник собрать яйца.

Петух вздумал было нападать на Радку, но та миг поймала его, завернула в свой запон и принялась гладить по ярким перьям, приговаривая — Чего распетушился, красавчик? Будешь кляваться, мы тя враз в горшок определим! Услава тоже погладила его пальцем по красному гребешку, вспомнила своего ухокрыла и решила, что вдругорядь непременно принесёт петуху горсточку зерна.

Потом Радка раздула на дворе очажок и затеялась учить Усладу печь блины. Дома та любила смотреть, как ловко управляется с блинным тестом княжья стряпуха, но даже не предполагала, что однажды ей придётся взяться за сковороду самой. Тут уж всякое случилось: и тот самый первый блин, который комом, и первые горелки, и настоящая радость, когда со сковороды у неё начали сходить настоящие блинчики: пышные, круглые, кружевные... А заодно Радка поучала её не лезть в карман за словцом, отвечать на подначки так, чтоб сам насмешник в дурачках оказался. И не было рядом суровой нянюшки, что сказала бы, сдвинув брови: «Княжьей дочери так вести себя не пристало!» Впервые за много дней Усладе было легко и весело, а на Радкино «Чего насупилась? Тесто скиснет!» она ответила вдруг без всякого смущения: «Лицом кисла, да блинчики сладки, не то что у некоторых.»

Прясть тоже уселись вдвоём, и тут уже Радке было чему поучиться у княжны: нить у той выходила тонкой, ровной, без шишечек и сукрутин***. — Это всё от того, что у тебя руки нежные, не намозоленные, — заметила тормалка, поплёвывая на свои заскорузлые пальцы. — У тебя вон и лицо белое, Оком не обцелованное. В тереме сидя, чего красавицей не быть. А лесное житьё скоро старит: погорбатишься с козами, походишь на репище, постоишь там с утра до ночи кверху задом, глядь — и сошла вся красота, как не бывало. Тёткин век короток. В девках-то и я, говорят, тоже хороша собой была...

Услава впервые посмотрела на неё по-настоящему внимательно. Радка, и впрямь, выглядела несколько старше своих кругов: жар Ока и ветер покрыли её лицо загаром и мелкими морщинками. Но чёрные глаза её, окружённые густыми ресницами, смотрели весело, а щёки украшал здоровый румянец. — Ты и сей миг хороша. — Вот уж скажешь, — усмехнулась Радка. Однако было видно, что похвала пришлась ей по вкусу. — Как есть, так и скажу. Тебя в баское приодеть — хоть кто залюбуется. Радка кивнула с довольным видом — Вот придут Дожинки — тогда приоденусь, да пойдём мы с Ладом на торг, красоваться. Я себе для того новое очелье вышила, дорогуций бисер срезала со своей девичьей повязки. Хошь покажу? — Давай.

Радка бегом метнулась в свою клеть и возвратилась уже в нарядной кике. Для Услады в её обновке не было ничего роскошного: вышивка наборной гладью да немного глиняных расписных бусин на миткали****, обтягивающей бересту. Стина ходила наряднее в буден день. Но Радка явно была в восторге от себя. Подбоченясь, она гордо посмотрела на Усладу и спросила — Ну как? — Мило. — А ну дай-ка таз, хоть погляжусь! Услава, вдруг вспомнив о своём зеркале, улыбнулась ей — Погоди. Я тебе принесу кое-что получше.

Вбежав в свою горницу, Услава кинулась к поставцу*****, протянула руку — и ахнула, боясь поверить собственным глазам. Зеркало Красы стояло точно так, как она в прошлый раз поставила его собственной рукой, между пустым подсвечником и шкатулкой. Вот только теперь ясная гладь тивердинского стекла померкла, и дымчатую поверхность пересекла большая чёрная трещина.

Примечания:

* Смоква — сухое варенье. Протёртая и чуть уваренная ягодная масса расстиляется

тонким слоем на противень и высушивается. Получается тонкий плотный лист, кусочки которого можно и так есть, и в пироги класть, и довольно долго хранить про запас.

** Хвост "поленом"- прямой, горизонтально вытянутый и толстый. Такая форма досталась собакам в наследство от общего предка — волка.

***Пороки пряжи. Шишки — короткие утолщения, образующиеся из прикрученных к нити клочков пуха и соринки. Сукрутины — петли на нити, образуются из-за слишком сильной крутки или слабого натяжения нити.

**** Миткаль — самый древний вид ткани, созданный способом простого полотняного переплетения. Миткаль производили еще тысячелетия назад и до нас она дошла практически в неизменном виде.

***** Поставец — устарелое название невысокого шкафчика с открытыми полками, дедушка современного буфета.

Горские церемонии

Получив от невесты обещанный подарок, Идрис дохромал до казармы, опустился на ступеньку у входа и с трудом стянул с больной ноги сапог. Потом открыл коробочку, принялся. Содержимое безобидно пахло мятой и немного — цветком живокости*. «Ладно, хуже, чем есть, уже не будет», — подумал Идрис и принялся втирать в лодыжку маслянистую зелёную гущу.

Старый Якун, его неизменный спутник, учитель, охранник, а заодно и надзиратель, подошёл беззвучно, сел рядом. Некоторое время он просто молчал, будто бы любясь яркими звёздами в небе, а на самом деле незаметно наблюдая за своим подопечным.

Сыновья самого Якуна давно выросли в смелых и удачливых молодцов, и потому он полагал себя куда счастливее своего амира. Глядя, как тот изводит Идриса беспричинной строгостью, Якун вздыхал укоризненно: не имеющий коня, должен бы радоваться, что у него есть хоть осёл. Однако в глубине души он отлично понимал, чем именно так недоволен амир. Единственный сын Адалета был нехорош собой, скрытен нравом и слаб здоровьем. И всё же за прошедшие круги старый воин успел привязаться к своему воспитаннику. Слишком многое пришлось пережить им бок о бок: именно он учил Идриса ездить верхом, стрелять из лука и читать вязь следов на горной тропе. Вместе они радовались первым маленьким успехам, вместе расхлёбывали неудачи. Это старый Якун, а вовсе не отец-амир, возился с юным Идрисом во время походов: опекал, объяснял, утешал, лечил... А ещё Якун точно знал, что добрый осёл в хозяйстве полезнее дурноезжего коня.

Понаблюдав немного за тем, как амиразн втирает в ногу какую-то подозрительную дрянь, Якун спросил сочувственно:

— Болит?

— Уже полегчало. Мазь госпожи Услады на диво хороша.

Якун помолчал немного, потом обронил словно невзначай:

— Ты не рад предстоящему торжеству.

Отклика не последовало, потому Якун продолжил свою мысль:

— Иноземная дева недостаточно хороша?

Идрис едва заметно нахмурился, но ответил спокойно и вежливо:

— Госпожа Услава совершенна телом и светла умом. Мой отец выбрал для своей земли прекрасную амирани.

— А ты? Что чувствуешь к ней ты сам?

Идрис задумался, пытаясь при этом удержать на лице приличное случаю выражение.

Знакомство с невестой получилось странным, и ему очень хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями. Пожалуй, Якун сумел бы понять его лучше других, но Идрис уже знал, что всё, сказанное между ними, очень скоро достигнет ушей амира. А вот этого он как раз предпочёл бы избежать. Однако постоянно удерживать всё накипевшее в себе было слишком сложно.

— Княжна миленькая, смелая и острая на язык, — сказал он наконец. — Я опасался, что всё будет много хуже, и мне навяжут какую-нибудь дикарку, умеющую лишь прясть да топить печь. Но к чему лицемерить? Никто ведь не ждал, что я внезапно воспылаю чувствами к девушке, которую вижу впервые в жизни?

— Свою Лалинэ я тоже впервые увидел лишь в день смотрин, — промолвил Якун серьёзно. — С той поры минуло тридцать Маэлевых кругов, но и теперь она — звезда моей жизни, главное сокровище моей души.

— Однако это не помешало тебе привести в дом вторую жену.

— Жестоко сваливать все домашние хлопоты на одни плечи. Кроме того, даже женщине порой требуется поговорить с кем-то равным себе. Мудрый человек знает, что, имея подругу в доме, жена будет меньше кидать любопытные взоры за окно.

Идрис усмехнулся про себя, но возражать не стал. А Якун, заметив, что молодой человек снова ушёл мыслями далеко от его слов, промолвил мягко:

— Идри... Моё сердце накануне свадьбы пело от счастья, ты же печален и молчалив. Что гнетёт тебя?

— Ты прав, у меня беспокойно на душе. Княжна порой говорит странное, а потом вдруг словно жалеет о вырвавшихся словах. Мне кажется, она что-то о себе скрывает. Или может, ей велят скрывать?

— Напрасно ты тревожишься. Это лишь желание нравиться, ничего больше. Женщины часто стремятся выглядеть загадочными, чтобы привлечь к себе мысли мужчин, такова уж их природа.

Идрис вдохнул и выдохнул очень медленно, смиряя поднимающуюся в душе волну разочарования, а потом медленно встал со ступеньки.

— Благодарю за беседу, почтенный Якун, — сказал он, кланяясь своему воспитателю, как младший старшему, — твои слова успокоили мою душу. Однако время к полуночи, а светает в травоставную пору рано.

— Ступай, да хранит тебя Небесный Воин, — кивнул Якун ласково. А про себя подумал: «У этого парня в жилах не горячая кровь, а речная водица. Нет, не выйдет из него дельного воина». Идрис же, направляясь в свой угол, размышлял на ходу: «Сколько глупостей сказано с самым умным видом! Однако мне следует быть благодарным старику за урок: держать язык за зубами — весьма полезное искусство».

Даже будучи в гостях ради праздника, кравотынцы не спешили предаваться безделью. Рассвет застал амира Адалета и весь его отряд на поле позади казарм. Ольховецкие стрелки тоже давно не спали. Сменив постовых и раздав службу на день, сотник Брезень собрался было погонять по холодку собственных молодцов, но ему вот уже которое утро подряд приходилось выждать, чтобы княжьи гости освободили место.

— Ну ты глянь, что творят, — ворчал он недовольно себе под нос, наблюдая за происходящим с казарменного крыльца, — не спится им, прости Маэль...

— Дикари, — позёвывая, лениво ответил топтавшийся там же княжич Благослав.

А между тем на учебном поле и впрямь было на что посмотреть. Разобравшись в три

линии, воины амира оттачивали технику владения мечом. Внешне простые движения, короткие связки из ударов, уклонений и блоков, заканчивающиеся неизменно поражением тени противника, и возврат на прежнее место — всё это делалось так слаженно, чётко и единообразно, что казалось, будто воины исполняют завораживающий танец.

— Красавцы, между прочим, — сказал Брезень, неодобрительно покосившись на непутёвого сына своего князя. — Чисто работают.

Благослав ничуть не смутился, только фыркнул и спросил насмешливо:

— Одни и те же формы изо дня в день... На фи́га?

— Чтоб в бою слетало с меча, как «Озари Маэль»**.

— Ну и глупо. Если заученная комбинация известна наперёд, её не так уж сложно отразить.

Брезень благоразумно промолчал. Княжич мог ершиться сколько угодно, но его мнение не много стоило: как боец он успел «прославиться» разве что постыдным поединком с лекарем — загридинцем, служившим прежде при княжьем дворе. Целитель Итан был уже немолод, но искусством мгновенного удара владел в совершенстве. Всего два стремительных, заученных с детства движения — и задиристый княжич навсегда лишился возможности держать оружие в правой руке.

Наконец, первые лучи позолотили крыши княжьих хором. «Око возшло!» — звучно произнёс амир. Тут же все мечи вернулись в ножны, все люди амира, как один, опустились на колени, обратившись к восходу, и завели в пол голоса приветственную молитву. Словно отвечая им благосклонностью, Око залило двор горячим и ярким светом.

Завершив молитву, Амир земным поклоном поприветствовал взошедшее светило, затем встал и кивком поблагодарил своих воинов. Ещё миг сохранялась почтительная тишина, а потом амирово воинство разом пришло в движение. Уже свободно, без нарочитой слаженности люди поднимались на ноги, коротко кланялись амиру и расходились по своим делам. Вскоре на поле остался только сам Адалет да его сын.

Жестом подозвав Идриса к себе, Адалет окинул его строгим взглядом и едва заметно брезгливо поморщился: рубаха на парне подмокла и резко пахла потом. Идрис ответил спокойным, терпеливым взглядом. На самом деле ему страсть как хотелось поскорее добраться до конюшни, чтобы опрокинуть на себя пару вёдер воды, а вместо этого приходилось торчать на припёке, изображая почтительного сына. Но Адалета чужие неудобства мало трогали, ему и на собственные-то зачастую было наплевать. Убедившись, что никто не услышит их разговора, он тихо сказал:

— Седмица на исходе. Ты готов к обручению?

Идрис без особой радости кивнул в ответ.

— Прекрасно. Я просил тебя присмотреться к князю Радогосту. Что думаешь о нём?

— Князь хороший правитель и приятный в общении человек. Его люди относятся к нему с уважением. Но мне кажется, что он намерен понемногу отойти от дел: Ольховец находится в стороне от оживлённых торговых путей, а главным городом Приоградья нынче управляет княжич Милослав.

— Что тебе известно о княжиче?

— То, что в Городецкой крепости порядки куда строже, чем в Ольховце. А ещё он женат на дочери наместника Западной Загриды.

Амир задумался ненадолго, затем спросил:

— Не ему ли нынче служит мастер Мерридин дэль Ари?

— Господин дэль Ари состоит при княжиче Милославе в должности лекаря. Но ходят слухи, что этот маг оказывает семье приоградского князя услуги совсем другого рода.

— Чего и следовало ожидать, — подвёл итог Адалет. А потом вдруг заметил словно между делом: — Сегодня ты двигался лучше обычного. Бальзам княжны?

«Интересно, это Якун встал нынче так рано, или вовсе не ложился спать? Поделом ему, хлеб соглядатая не должен быть лёгким», — подумал Идрис злорадно.

Приняв молчание сына за подтверждение своих слов, Адалет подвёл итог:

— Значит, всё верно, это княжна... Или всё-таки Милослав? Впрочем, уже не важно. Можешь идти, до завтрака свободен. Только ради Маэля, сделай что-нибудь с этой вонью.

«Можно подумать, я нарочно, назло тебе потел тут всё утро и до сих пор торчу на жаре», — подумал Идрис. Но вслух ничего не сказал, и ни одна непочтительная мысль не отразилась на его лице.

Вернувшись в гостевые покои, Адалет первым делом кинулся к своему сундуку. Оттуда он торопливо извлёк небольшой узелок: в платок, щедро украшенный обережным узором, была завёрнута резная деревянная шкатулочка. Открыв её, амир вытряхнул на ладонь спрятанный в ней талисман — оправленный в серебро прозрачный лал***, внутри которого билась, словно живое сердечко, яркая капля дивного огня. Адалет поднёс камень к глазам, некоторое время с жадной надеждой рассматривал его на просвет, а потом, горько вздохнув, убрал обратно в шкатулку. И прошептал, заворачивая её в платок: «Убывает, слишком быстро убывает... Ракш подери, как же всё медленно, а ведь время уже на излёте... Продержись ещё хоть немного, Наринэ, не дай огню угаснуть».

Примечания:

* Живокость — дельфиниум, в народной медицине его часто используют при лечении ушибов и переломов.

**Озари Маэль — обычное в Приоградье благословение и в то же время первые слова самой известной молитвы.

*** Лал — устаревшее название благородной шпинели, прозрачный камень красного цвета, часто принимаемый за рубин.

Что посеешь...

На следующий день Краса ждала утренней трапезы с нетерпением, и причиной было не одно лишь желание узнать, помог ли Идрису её бальзам.

Как только тканые шторы скрыли жениха с невестой от взглядов родни, Краса сняла чадру. Под малиновым шелком скрывался распашной парчовый кубелёк цвета тёмной фиалки, надетый поверх тивердинской рубахи из шафранно-жёлтого шелка. Краса знала, что наряд этот весьма ладно сидит на пышной фигуре княжны, а заодно красиво оттеняет цвет её глаз и нежный оттенок кожи.

Амираэн оценил. Некоторое время он молча любовался невестой, потом произнёс шёпотом:

— Едва приподняв уголок покрывала,

Прекрасная сердце бродяги украла.

Светла и воздушна, как Дева Луна,

Но розы долин не коснуться руками.

Лишь тронешь — изранит словами-шипами,

Чтоб дерзкий не знал ни покоя, ни сна.

«Какая прелесть, — подумала Краса, — он ещё и газели складывать пытается. Надо

быстренько придумать ответ, не обидный, но такой, чтобы этот хитрец не вообразил о себе невесть что». Зажмурившись, она подумала пару мгновений и прошептала:

— Любить — ещё не значит обладать

И жадными руками прикасаться.

Да, роза ядовита, может стать.

Но яд легко бальзамом может стать.

Идрис смущённо развёл руками:

— Сдаюсь на милость госпожи. Самому мне не так легко даются рифмы, особенно на голодный желудок.

— Мудрое решение, — усмехнулась Краса, жестом приглашая жениха садиться. — Еда-то стынет.

В этот раз ей полагалось быть хозяйкой. Пухлые кружевные блины и разные заедки к ним уже украшали маленький стол. Осмотревшись, Краса едва заметно нахмурилась, высунула из-за полога руку и постучала о помост. Рядом тут же возникла одна из няnek.

— Мису воды сюда, — тихо, но решительно распорядилась княжна. — Тёплой, с розовыми лепестками. И чистый рушник. Быстро.

Положенная прогулка тоже прошла не без приятности. На этот раз княжну и её жениха сопровождали братья Услады. С ними Краса чувствовала себя куда спокойнее, чем среди суровой родни Идриса. Наследный княжич пришёл в сад вместе с женой и был занят исключительно ею. Благослав же просто шатался рядом, прислушивался к разговорам, но сильно, к счастью, не надоедал. И это было весьма кстати: жених с невестой увлечённо обсуждали качество стали, выходящей из Ольховецких мастерских. Несомненно, оно сильно уступало кравотынскому, и Идрис, не долго раздумывая, подарил княжне нож, которым пользовался за столом. Краса с удовольствием отметила остроту заточки, но посетовала, что это всё же не оружие.

— Почему же? — удивился Идрис. — Небольшой размер клинка позволяет спрятать его от противника, и в нужный момент это может спасти жизнь. Смотри: достаточно взять рукоять в ладонь, а лезвие обухом прижать к предплечью. Если враг схватит тебя за волосы или одежду, ударь сверху вниз, вот так. Не отпустит — лишится пальцев, а отпустит — смело шагай к нему, бей рукоятью в подбородок, а затем остриём в живот.

У Красы загорелись глаза.

— Научишь?

— Непременно.

— Отлично. Тогда пойдём скорее к Брезеню, попросим у него подкольчужник и какие-нибудь латы из старья...

— Нет, госпожа моя, — покачал головой Идрис, — сперва нужно разучить движения с тенью. И повторять их по многу раз, тренируясь во славу Небесного Воина трижды в день.

Краса вздохнула чуть разочарованно, однако возражать не стала.

— Ладно, согласна. Но только покажи ещё раз, помедленнее.

Идрис кивнул:

— Хорошо. Я обязательно научу тебя и этому, и многому другому. Жена должна уметь защищать свою жизнь и честь, когда мужа нет рядом.

— А меня научишь? — с насмешливой ухмылкой встрял Благослав.

«Сперва вести себя научись не как свинья», — зло подумала Краса. А Идрис ответил с невозмутимым спокойствием:

— Не знаю, что и сказать тебе, воин. В краю, где я родился, считается допустимым, когда отец учит сына, муж — жену, амир — своих слуг, а Небесный Воин — своих верных. Решай сам, какой путь избрать.

И амиразн вновь отвернулся к невесте.

— Эй... И что это было? — тихонько спросил Благослав, ни к кому, собственно, не обращаясь. Однако наследный княжич ответил ему, пряча улыбку:

— Тебе, братец, только что вежливо объяснили: для обучения придётся сменить веру и поступить на службу к амиру. Надеюсь, вариант с замужеством ты не рассматриваешь?

— Да ну тебя, Милош, — фыркнул Благослав. — Тоже мне, тайное знание. На кравотынские формы каждый день полгарнизона с крыльца таращится. Сам научусь.

Оставшиеся до обручения дни промчались, словно ветер в поле. Уже вынесли в прихожий зал сундуки с приданым на показ жениховой родне, подготовили невесте три положенных наряда: прощальный, обручальный и замужний, и рубаху для жениха, которую должна была бы вышить Услава, но на самом деле над ней потрудились все умелицы из княжьей швейной мастерской. Целая стайка дочерей Радогостовых ближников проводила княжну в мыльню. Не столько ради чистоты затевался этот поход, сколько для прощальных песен и облачения невесты в последний девичий наряд.

— Ты рябина ли, рябинушка,

Ой, рябина кучерявая,

Ты когда взошла, когда выросла? — нежно, жалостливо пели подружки, ведя Красу под руки сперва через все хоромы, а потом и по двору.

— В хлябь взошла, травоставом выросла,

Да при жаркой суши вызрела, — отвечала им Краса такими знакомыми, много раз слышанными на чужих свадьбах словами.

— Ой, зачем же ты пошатилася,

Да к сырой земле приклонилася?

— Не сама собой пошатилася,

Пошатили меня ветры буйные,

Приклонили к земле дожди шумные.

— Ой, Усладушка Радогостовна,

Ты зачем от нас во замуж пошла,

Зачем рано так поизволила?

— Ой подруженьки, вы голубушки,

Спотакнули меня люди добрые,

Сговорил кормилец батюшко,

В чужедальнюю сторонушку,

Ой, за удалую головушку...

Внешне старательно изображая печаль, внутри Краса ликовала. Её собственная свадьба с Венселем, больше похожая на продажу мешка залежалой репы, оставила в душе горький след, чувство, будто драгоценный и важный подарок ей не вручили, а небрежно сунули в руки завернутым в грязную тряпку. Но теперь она сполна получит своё. Это ей, а не Усладе, девушки нынче пели провожальную, для неё топили баню и мели двор. Амираэн завтра наденет красную рубаху и внесёт её в храм на руках. И свадебные обручья будут сверкать на её запястьях. А потом под пение жрецов Идрис поведёт её вокруг храмового очага с чистым огнём и трижды позовёт по имени, а она — откликнется. За порогом храма их встретят

хмелем и зерном. Они пойдут пешком, рука об руку, по улицам посада, а народ будет вывешивать за окна рушники, сыпать под ноги свежескошенную траву и выпрашивать у Идриса: кто такая с тобой? А тот станет отвечать каждому: это моя хозяйка...

Но всё должно будет случиться лишь завтра. А пока Краса провожала в девичьем тереме свою последнюю вольную ночь. По уму ей полагалось сей миг прилежно молиться Небесным Помощникам, и для того Стина раньше обычного оставила её одну. Но вместо молитв Краса, улёгшись на подоконник и высунув голову за окно, любовалась тонким серпиком растущей луны и россыпью звёзд на бархатно — чёрном небе. «Жаль, конечно, что я почти утратила дар, — думала она, с удовольствием вдыхая свежие запахи ночи. — Зато слух, нюх и зрение никуда не делись, уже хорошо. И звериные языки. Теперь главное — не расслабляться: копить силу, упражняться в контроле и управлении внутренним потоком... Кто знает, вдруг со временем даже в этом теле удастся развить кое-какие способности?»

Не одна Краса коротала ночь без сна.

Нянька Стина беззвучно шептала слова молитв и отвешивала земные поклоны у лампад в Ольховецком храме, прося Небесных Помощников о милости для своей девочки.

Старый Ельмень маялся от ломоты в костях и беспокойно ворочался на постели в своей каморке.

Княжий маг Гардемир хмуро мерил шагами свой кабинет: нарастающие искажения в силе беспокоили его, словно предчувствие близкой грозы, но откуда надвигалась опасность, он не мог разобрать.

Амир Адалет развернул свой тайник и тоскливо наблюдал, как с каждым биением медленно, но неуклонно убывает свет внутри алого камня.

Князь Радогост задержался в читальне. В последнее время сон бежал от него, а заботы, наоборот, липли со всех сторон. Напрасно было ожидать, что управление княжеством перейдёт в новые руки легко и беспечально. Договор с Восточной Загридой о прокладке по её землям новой караванной тропы трещал по швам. Несколько пригородских караванов, вышедших в Тивердынь старой тропой, через Акхаладскую долину, бесследно исчезли в Диком поле. В свете этого князь был даже рад желанию будущего свёкра пройтись по землям полян огнём и мечом, но тивердинские торговые дома уже нынче требовали уплаты неустоек, а свои торговцы опасались пускаться в путь в преддверии войны. Не радовали и вести с заката. Элория грозила расторгнуть договор о беспошлинном провозе грузов из Заизенья по суше, морскую же торговлю делали невыгодной вконец обнаглевшие поморийские пираты. Вдобавок ко всему недавно в Ольховец вернулся княжич Благослав, которого жители Изгорья выставили вон из порученной ему крепости. За какие «заслуги» — предстояло ещё разобраться, так как посланец изгорского посадского схода тоже прибыл в Ольховец и требовал приёма. Но не эти заботы нынче мешали Радогосту заснуть. Пригласив в читальню старого друга, кастеляна Ольховецкой крепости, он потихоньку рассказывал тому всё, что тревожило исподтишка, не оформившись в настоящие подозрения:

— Друг мой, тебе не кажется, что Адалет... хм... весьма странный отец?

Кастелян неуверенно пожал плечами:

— Горцы — суровый народ. Так-то, конечно, странно, что он вечно смотрит на своего сына волком. Но, может, этому есть причина? Не знаю.

— Вот и я не знаю. Понимаешь, Вельм, мои парни тоже не подарок: Милош упрям, Блаздирист и своеволен. Но я люблю их обоих, и мне сложно быть с ними даже просто строгим. Тут же — какая-то необъяснимая суровость. Мне одному мнится, будто происходит

что-то не то?

А в зверинце не спал ухокрыл. Он выбрался из своей деревянной будки, побродил по вольеру, заглянул в кормушку и ведро с водой, потом, соскучившись, залез по стене под самый потолок, зацепился когтями за балку, замер и прикрыл глаза. Только чуткие уши подрагивали, вслушиваясь в сонный шёпот леса. Если на миг забыть о решётке и хомуте на шее, можно вообразить, будто свисаешь с ветки ивы где-нибудь в низовьях Ночь-реки. Вспомнив родные края, ухокрыл вздохнул едва слышно и запел. Сперва голос его звучал тихо, несмело, потом набрал силу, полился тоскливо и протяжно, отражаясь эхом от крепостных стен.

Этот заунывный вой заставил Красу вздрогнуть и насторожиться. Некоторое время она просто слушала с нарастающим любопытством. Потом, соскочив с подоконника, заметалась по горнице, схватила из подтопка уголёк, бегом вернулась к окну и принялась быстро записывать что-то прямо на белых, скоблённых досках.

Когда ухокрыл завершил свою песнь, Краса снова высунулась из окна и звонко крикнула ему:

— Йалло, кьярр! Кхи-энкайа йенну! *

Ухокрыл вздрогнул, растопырил уши и удивлённо скрипнул:

— Че?

Странно устроен мир: то, что издали чудится таким заманчивым, сблизившись часто оказывается утомительным и скучным. Следующий день сполна принёс Красе всё, о чём грезилось накануне: и принаряженного жениха, и храм, и хождения по посаду... Вот только Идрис в тормальской рубахе выглядел, как свинья в упряжи, а самой Красе в чадре поверх обручального наряда было жарко, душно и ужасно неловко. Въезжать в храм на руках жениха тоже оказалось сомнительным развлечением: похоже, Идрису доводилось носить дрова куда чаще, чем девушек. Дальше дело пошло ещё хуже. Зерно, которым их посыпали на счастье, набивалось за шиворот, трава — в сапоги, да и посад вдруг оказался каким-то неожиданно большим, а жители его — на редкость приставучими. А ведь потом был ещё и пир...

Умом Краса и прежде понимала, что свадьба устраивается вовсе не для развлечения, и уж тем более не ради вкусной еды. Но теперь она особенно точно и ярко ощутила истинный смысл происходящего. Красоваться и гулять можно будет после. А пока каждый шаг, каждое действие или слово — часть сложного ритуала. Всё имеет значение, когда на глазах людей и богов из двух разных судеб куётся одна общая. И Кузнец не спросит у стали, нравится ли ей горнило, молот и студёная вода. На закате дня этот нескладный юноша выплетет ленты из её косы, и не будет больше ни княжны Услады, ни девы Красы из рода Чёрных Воронов, появится амирани, жена Идриса, сына правителя горной страны.

Наконец, настало время проводить молодых в опочивальню. Но стоило Красе подняться из-за стола, к ней подошёл Адалет, протягивая какую-то маленькую резную шкатулочку.

— Это мне? — спросила Краса осторожно, не спеша принимать что-либо из его рук.

Адалет ответил вполне любезно:

— Да, это мой маленький подарок. Талисман, старинная драгоценность, передающаяся младшей женщине в нашем роду. Возьми его, жена моего сына, и будь счастлива.

Раскрыв шкатулочку, Адалет снова протянул её Красе. Внутри на чёрном бархате лежала весьма необычная брошь: серединка украшавшего её камня хранила в себе частицу живого огня. Вокруг светящегося тёплым золотом лепесточка камень этот был прозрачен и ярко-ал, края же его темнели, словно углы горницы, освещённой лишь тонкой лучиной.

У Красы душа провалилась в пятки. Даже не видя потоков силы, она точно знала, что именно с улыбкой протягивает ей Адалет. В одной из отцовских книг было хорошо и очень подробно описано, как выглядят и как работают ракшасы талисманы — ловушки для силы. Трогать эту штуку руками не следовало ни в коем случае! Но прилюдно отказаться от подарка, тем более родовой драгоценности, тоже выглядело неважной идеей. И, как на грех, вокруг не было ни одного мага, способного увидеть и обезвредить опасность. «Ах, папочка, где тебя носит, когда ты так нужен?» — тоскливо подумала Краса. Однако делать было нечего: сама заварила кашу, подменив собою княжну, значит, и выпутываться из беды тоже придётся самой.

Краса ахнула, картинно закатив глаза (хоть этого никто и не увидел из-за чадры), и повалилась в притворный обморок. Впрочем, падала она достаточно плавно для того, чтобы Идрис успел спохватиться и поймать её на лету. Вокруг засуетились, загомонили, Адалета с его страшным подарком оттеснили в сторону...

— В зале душно, — раздался спокойный и уверенный голос Радогоста. — Несите скорее княжну на двор, да позовите сюда Гардемира.

Идрис почти бегом дотащил свою жену до лавочки между прудом и клеткой ухокрыла, уложил и вопреки всем традициям освободил от чадры. «А всё-таки ты добрый мальчик, — подумала Краса, сквозь ресницы незаметно разглядывая его взволнованное лицо. — Надеюсь, у тебя хватит ума не лезть под ухокрыльи когти».

Кто-то протянул ковш с водой, Идрис отвернулся, чтобы взять его. Этого оказалось вполне достаточно. Краса вскочила, нащупала на шее верёвочку с ключом, в три прыжка преодолела расстояние до ухокрыльего вольера. Ещё миг ушёл на то, чтобы отомкнуть замок и ворваться внутрь. Идрис опоздал буквально на мгновение, на пороге клетки он оказался как раз тогда, когда Краса, проскользнув к ухокрылу за спину, прижалась к дальней стене. Её расчёт оказался верен: если Усладу ухокрыл впустил в клетку без возражений, то незнакомого и весьма подозрительного человека он терпеть на своей территории не пожелал.

Краса не ошиблась, Идрис живо оценил и исходящую от ухокрыла опасность, и расстояние, на которое тот может дотянуться крылом. Выскочив из клетки, он воскликнул возмущённо и раздосадованно:

— Услава, зачем?

— Прости, Идри, так надо, — ответила Краса уверенно. — Эй вы там, даже не вздумайте стрелять из луков по моему ухокрылу! Знаете, что будет, если случайно попадёте в меня? Слушайте все! По лесной правде я могу вместо откупа потребовать испытания для своего избранника! Если, конечно, на это согласен мой отец. Так?

— Да, это твоё право, — спокойно кивнул Радогост. — Какого испытания ты хочешь?

— Пусть Идрис немедленно доставит сюда мою подругу, госпожу Нортвуд. Только тогда я выйду из клетки и стану его женой, как обещала перед богами и людьми.

— Он сделает это, — твёрдо сказал Адалет. И посмотрел так, будто намерен был проглотить Красу живьём.

Примечания:

* Спасибо, парень! Прекрасная песня!

Венсель за работой

— Охти, — воскликнула Радка, разглядывая треснутое зеркало через Усладино плечо.

— Как же так? — еле слышно прошептала княжна. — Что же мне теперь делать?

— Что делать — что делать... Не смотреть туда, ясно? К несчастью это — в битое смотреть, — Радка решительно вынула зеркало из рук Услады и положила на дно ведра стеклом вниз. — Вот придёт хозяин домой, ему и покажешь.

— Венсель сможет его починить?

— Наверняка не скажу. Но знать о том он должен: зеркало треснуло — быть в доме беде. Не зря, ох не зря захожий жрец на торгу говорил, что все эти серебряные стёкла — от ракшасов! Людям через них грех один. Медным должно быть зеркало, тогда и не разобьётся, сколь ни роняй.

— Нет, Радка, нет, не от ракшасов они, а от тивердинцев. И я ведь его вовсе не роняла. Вчера в поставец убрала целёхоньким...

— М, — сказала Радка недоверчиво, — Оно понятно, такую дороговую вещь-то разбить... Не хошь — так и не говори. Я завтра сбегая, закопаю осколки в Дарёном ложке.

— В каком ложке? — удивилась Услава.

— Дарёном. Ну, знаешь, тут у нас в лесу недалеко местечко имеется, Дарёный ложок. Это от того, что этлы его когда-то ракшасьему сыну подарили. Там земля голодная, совсем ничего не растёт. Вот когда надо что-то отдать, да так, чтоб обратно уж не вернулось, то как раз туда и несут. Лихорадку там от больного отвадить, мозоль свести, порчу снять, приворот порушить, от тоски или несчастной любви избавиться — это всё туда ходят. Ну и если у кого вдруг какая непростая вещьца попортилась, тоже туда несут. Чтоб ракшасы забрали.

— Радка, — сказала Услава с мягкой укоризной, — большая, вроде, а в сказки веришь. Ну какие такие ракшасы?

— Вестимо какие, — сразу насупилась Радка, — пустошные. Они все колдуны, и посуху на лодках ездят. И уши у них острые, листочком.

— А ты сама их хоть раз встречала?

— Нет, и упаси меня Маэль.

— Вот видишь... Просто на Пустоши тоже люди живут.

— Ракшасы — не люди, а нелюди.

— Давно ли поморийцев в Торме нелюдью считали? А они люди, только волосом светлые и небоглазые.

— Нелюдь и есть. Разве могут нормальные люди быть эдакого цвета? Ты, подруга, мне голову-то не морочь. Пойдём лучше тесто затворим на пироги, чтоб было что на стол ставить, когда хозяин домой вернётся. Мужик когда сытый, всяко добрее.

Вопреки обыкновению, Венсель вдруг завился домой в середине дня. Столкнувшись с ним в сенях, Услава невольно улыбнулась: наяву маг был и пониже ростом, и похрупче сложением, чем во сне. И, как видно, различия касались не только внешности. Услава ласково поздоровалась, Венсель же, едва скользнув по её лицу равнодушным взглядом, холодно кивнул в ответ, шагнул в каморку и закрыл за собой дверь.

— Венсель? — позвала Услава.

— Да бесполезно, — неодобрительно буркнула Радка с поварни. — Он, вишь, уже побежал по своей стёжке*, не до нас ему.

Услава, упрямо поджав губы, схватила ведро с осколками зеркала и пошла в каморку следом за Венселем.

За маленькой дверью оказалась вовсе не тёмная кладовая, а уютная и чистая комнатка с высоким столом вдоль стены и полкой над ним. Именно в этой комнатке княжна недавно пряталась от Лада и разгневанной Радки. Только теперь здесь ярко горели свечи в лампе под

потолком.

Венсель, подхватив со стола прозрачный узкогорлый кувшинчик величиной не больше кружки, рассматривал его содержимое на просвет. Услава подошла, тоже поглядела. В кувшинчике плескалась какая-то мутная синяя жидкость.

— Венсель, — снова позвала Услава.

Ответа не последовало. Нащупав на полке длинную стеклянную соломинку, Венсель опустил её кончик в один из стоявших на столе горшков, набрал немного прозрачного раствора и принялся добавлять его по каплям в синюю муть.

— Ну Венсель же! — воскликнула Услава, начиная понемногу сердиться.

— Жди, птаха, я занят, — довольно резко отозвался тот, не прекращая своего странного занятия.

Услава принялась ждать. Сперва ничего интересного не происходило: Венсель по-прежнему сосредоточенно ронял капли в кувшинчик, одновременно ловким движением перемешивая его содержимое. Свечи горели, мгновения утекали невозвратно. А потом очередная капля сорвалась с кончика стеклянной соломины, упала в кувшинчик, и всё его содержимое вдруг прояснилось и окрасилось в ярко-малиновый цвет.

— Есть, — сказал Венсель, с довольным видом откладывая соломинку. — Пятьсот двадцать две.

— Венсель, — позвала Услава жалобно.

Он только мотнул головой и, больше не обращая на неё ни малейшего внимания, принялся увлечённо записывать что-то в толстую книгу. Услава подошла и, вытащив зеркало из ведра, положила его перед Венселем, прямо на страницу. Тот совершенно спокойно сдвинул осколки в сторону и продолжил писать. Сообразив, что так она ничего не добьётся, Услава чётко и твёрдо сказала Венелю в самое ухо:

— Венсель, ты слышишь меня?

— Угу, — ответил Венсель, не отрываясь от своей писанины.

— Посмотри сюда. Это важно. Зеркало разбилось. И оно больше не работает.

— Угу.

— Это не просто зеркало.

— Угу.

— С ним можно хоть что-то сделать?

— Положить на полку.

— Ты его починишь?

— Нет, конечно. Просто выровняю остаточные силовые вихри, — Венсель оторвался, наконец, от своей книги и поднял на Усладу весьма недовольный взгляд. — Послушай, птаха, чего ты от меня хочешь? Исправить разбитое связное зеркало невозможно. Следовало обращаться с ним бережнее: не ронять и не стучать о стол.

— Но я его не роняла! Я вообще не прикасалась к нему со вчерашнего вечера, а вчера оно было цело!

— Значит, было уничтожено одно из сопряжённых зеркал.

Сказав это, Венсель снова уткнулся в книгу. Услава, вообразив в мыслях всевозможные ужасы, собралась с духом и снова обратилась к нему:

— Краса ни за что не позволила бы уничтожить своё зеркало.

— Угу, — совершенно спокойно ответил Венсель, даже не подумав оторваться от записей.

— Возможно, она попала в беду!

— Сомневаюсь, — сказал Венсель, захлопывая, наконец, свою книгу. Однако тратить время на разговоры маг явно не собирался. Заткнув пробкой кувшинчик с малиновым раствором, он положил посудинку в сумку и решительно двинулся на выход из дома. Усилада в растерянности побежала следом.

— Постой! Но ведь можно как-нибудь узнать, что Краса жива и здорова?

— Напиши письмо, передай с торговцем, — сказал Венсель, принимая из рук Лада посёдланного коня.

— С торговцем письмо попадёт в Ольховец не раньше, чем через седмицу, да ещё столько же придётся ждать ответ!

Вскочив в седло, Венсель проверил подпруги, разобрал поводья и только потом посмотрел, наконец, Усиладе прямо в глаза.

— Отстань, птаха, мне сей миг не до тебя. Там, на тракте, человек умирает, ему моя помощь нужна куда больше и срочнее, чем твоей Красе. Вернусь вечером — тогда и поговорим.

Тронув коня шенкелями, Венсель выехал за ворота, а Усилада осталась стоять во дворе. «А во сне не такой вредный», — хмуро подумала она.

— Обалдеть, — сказал ей Лад, запирая ворота. — Первый раз слышу, чтобы он вообще с кем-нибудь говорил.

Завершив дела среди людей, Венсель, как обычно, не торопился домой. Закат он встретил у моста, по которому Торговая тропа пересекает Ночь-реку. Вокруг было тихо и безлюдно: не многие решаются встретить сумерки у границы Рискайской Пустоши. Отпустив коня пастись, Венсель скинул сапоги, босиком вошёл в воду и двинулся вверх по течению, прямо через камыши. Едва мост скрылся из виду, он остановился и позвал:

— Госпожа Речная Хозяйка! Покажитесь, будьте так любезны.

— Опять ты, — откликнулся ему не слишком приветливый голос. Камыши расступились и выпустили на берег высокую женщину в простом сером запоне и рубаше без оборогов. Её блестящие чёрные волосы, ничем не прикрытые и не собранные в косы, свободно сбегали до самых пят и купались в тёплой речной воде. — Ступай домой, ночь — не время для людей.

— Госпожа, я хотел всего лишь задать вопрос.

— Задавай, разрешаю. Такую малость ты, пожалуй, заслужил.

— Тот человек, на которого вы мне нынче указали, отчего он так важен? Почему его обязательно следовало спасти?

— Потому, что таково было моё повеление. Этого не достаточно?

Венсель отрицательно мотнул головой. Речная Хозяйка вздохнула снисходительно.

— Пора бы тебе научиться слышать шаги предназначения.

— Предназначение? Но ведь этот человек — самый обычный лесной охотник, не маг, и даже не одарённый силой.

— Поверь, каждое живое существо в мире для чего-нибудь да предназначено. Этот охотник, например, должен будет в скором времени встретиться со своим кумом на торгу. А тот чуть позже проверит свою ловчую яму.

— И всё? Неужели это так важно?

— Очень важно. Из таких мелочей состоит жизнь, словно полотно — из простых, ничем не примечательных нитей. Впрочем, вам, существам со свободной волей, всегда мало того,

что предназначено, вы неизменно стремитесь украсить полотно жизни причудливыми узорами. Однако теперь пора отдохнуть. Ты хорошо потрудился нынче. Обещаю, что ни я, ни Виелина не станем беспокоить тебя в ближайшие дни.

— Но госпожа Ровена...

— Разрешаю тебе пока не откликаться на её зов. Пора бы Ровене усвоить, что даже у магов бывают личные дела. А теперь послушай меня, ступай домой. И советую поторопиться: зеркало уже разбито, скоро вероятное сделается неотвратимым.

Вечер наступил и понемногу превратился в ночь, а Венсель всё не возвращался. Ушли спать Лад с Радкой, дед Мирош, зевая, полез на полати. Услава, привыкшая ложиться рано, тоже не удержалась, задремала, сидя на лавке с веретеном. Снилось ей странное: будто бы из ведра, в которое она снова сложила осколки зеркала, растекается вязкая мгла. Сперва чернота просто прибывала, поднималась, словно тесто в квашне, потом добралась до краёв и начала потихоньку сочиться на пол.

Дальше сделалось ещё чуднее. Из лужицы под ведром потянулись не то тонкие щупальца, не то водорослиные пряди. Они колыхались мягко и беззвучно, ползли по полу, сплетаясь в уродливые косицы, и тянулись, тянулись понемногу к Усладиным ногам...

Страшно ей почему-то совсем не было, только любопытно: каковы на ощупь эти чёрные космы? Верно, мягкие и пушистые? Только потрогать их Услава всё равно не могла. На неё навалилась вдруг такая тяжесть, что казалось, гори всё вокруг огнём — она не сможет даже с лавки встать.

Вдруг в горницу шумно ворвался Венсель. Схватив Усладу в охапку, он буквально вытолкнул её на поварню, выскочил сам и захлопнул за собой дверь. Всю вялость и оцепенение с Услады как рукой сняло, и теперь-то она испугалась не на шутку. А чёрные «волосы», словно чуя её страх, настойчиво полезли под дверь. Венсель вытащил из печи уголёк и быстро нарисовал на полу круг, внутри которого оказалась и Услава и он сам.

— Что это? — испуганно прошептала Услава, глядя, как пол вокруг стремительно затягивает косматой живой бородищей.

— Зеркальце «потекло», — ответил Венсель вполне буднично. — Вот уж не думал, что оно было настолько мощное... Не бойся, к нам эта дрянь не просочится.

— Она опасная?

— В принципе, всё, что касается магии, опасно. Чернянка — просто паразит, питающийся ненаправленной силой. Младенца или крепко спящего она может даже убить.

— А нас?

— А мы с тобой как-нибудь продержимся до рассвета. Главное — не спать и не выходить из круга.

Глаза у Услады сделались, как плоски.

— То есть мы всю ночь будем вот так стоять?

Венсель легкомысленно пожал плечами и прижал девушку к себе поплотнее.

— Можем читать молитвы. Говорят, помогает.

— Озари, Маэль Пресветлый и Всемиловитый, светом глаз Твоих всё, что дыханием славит Творца, — робко, дрожащим голосом начала читать вечернее правило княжна. Чернянка, буйно разросшаяся по полу за угольной чертой, слегка отпрянула. Услава вздохнула с облегчением и продолжила уже твёрже: — Мир даруй и согласие всем живым и укрой от недобрых мыслей и скверных дел. Пречистая Дева Луна, не оставь нас светом Твоим в ночи, чтобы даже в крошечном сердце тьмы все мы видели путь...

После «Миротворца» и «Блаженны щедрые» дело пошло ещё лучше. Уверенно и без единой заминки Услава проговорила первые три песни «Благочестивых Поучений». Чернянка задумчиво колыхалась в такт её словам, а Венсель слушал с улыбкой и иногда кивал. Но, добравшись до «Благодарения Оку, с небес смотрящему», Услава поняла, что он откровенно потешается над её стараниями, а сам не перестаёт ласково поглаживать её пониже спины.

— Ну знаешь! — воскликнула княжна, изо всех сил отпихивая его от себя. Венсель неловко пошатнулся и оказался за пределами защитного круга. Чернянка радостно обвила его ноги выше колен. Он тут же сотворил вокруг себя ладонями странный охранный знак и сказал: «Каньо**». Горница озарилась ярким светом, а заросли чернянки истлели и рассыпались в лёгкую серую пыль.

— То есть ты с самого начала так мог? Ну, ты... Да ты...

Не найдя больше слов, чтобы вполне выразить своё возмущение, Услава топнула на него ногой, а потом гордо удалилась в спальную горницу и с грохотом захлопнула за собой дверь.

Примечания:

* Побежал по своей стёжке — лесное выражение, означающее, что человек увлёкся своим делом настолько, что ничего не видит и не слышит вокруг.

** Каньо — руна огня, символ рассеянной тьмы, зажженного факела, правильного пути, дороги к свету.

Ловушка для Горностая

Услава долго ворочалась в постели и не могла уснуть. Казалось бы, располагайся да отдыхай в своё удовольствие: никто не храпит под боком, не толкается, не тянет одеяло на себя... Но сон не шёл, только лезли в голову всякие мысли. О том, что ночь нынче тёплая, и в батюшкином зверинце, верно, уже запел ухокрыл. Что она сама, как ни странно, скучает по Стине, своей строгой, но заботливой няньке. Что Краса, может, разбила зеркало совсем случайно, и нет никаких причин думать, будто с ней приключилась беда. А может, и наоборот, кто-то раскусил подмену, и теперь озорную оборотницу ждёт разбирательство и строгий суд, а её саму уже ищут и никак не могут найти. Или не ищут? Может, никто ничего и не заметил? С горечью Услава отвечала сама себе: было б кому замечать.

Кто она для всех тех людей, что окружали её день за днём? Нарядная кукла, для которой убирают горницу, стирают одежды, ставят на стол еду и кланяются, не поднимая глаз. Отец? Да много ли он знает о ней? Кто она для него? Дорогая вещица, спрятанная до времени в тереме. Князь ласково кивает ей при встречах, часто присылает подарки... Но ни разу он не зашёл к ней просто поговорить, не спросил, о чём она думает и мечтает. В самом деле, о чём можно беседовать, скажем, с чашей на поставце? Братья? Милош прежде всегда был к ней добр, но теперь у него уже своя жизнь: дела, семья. Есть ли у наследного княжича время думать о маленькой глупой сестрёнке? После бала в Дожинки они больше не виделись ни разу, и все письма, привезённые из Городца, предназначались отцу, для Уславы же Милош не прислал даже самой коротенькой записки. А с Благом княжна и вовсе никогда не была дружна. Вот разве что смотритель зверинца Ельмень, да старая Стина знают её настоящую. Но заметят ли перемены? Встревожатся ли? Ельмень просто решит, что княжне наскучили звери, вот она и перестала приходить кормить ухокрыла. А Стина... Ах, не всё ль ей равно, кому плести косы и шнуровать нарукавья? Лишь бы послушна была. Подумав так, Услава аж пустила слезу от жалости к самой себе: никто-то на белом свете её не любит! А тут ещё и этот Венсель со своими глупыми выходками...

Стоило Усладе, наконец, провалиться в спасительный сон, чья-то рука настойчиво принялась трясти её за плечо. Она открыла глаза — и с удивлением увидела, что за окошком уже занимается заря. Будил её Венсель.

— Что случилось? — хмуро поинтересовалась Услава, натягивая одеяло до подбородка. Венсель радостно улыбнулся в ответ:

— Случилось утро. Вставай, нам пора выходить.

— Куда?

— Как куда? В Ольховец. Ты же сама сказала, что хочешь увидеть Красу и убедиться, что с ней всё в порядке. Знаешь, ты такая смешная, когда сердиться...

— Вовсе я не сержусь, — заявила Услава весьма раздражённо. А потом подумала: княжьей дочери не пристало вести себя так, чтобы над ней смеялись. И потому, взяв себя в руки, спросила уже спокойно и ровно:

— Ещё вчера ты не счёл это моё желание важным. Что изменилось за ночь?

Венсель сразу перестал сверкать дурацкой улыбкой.

— Понимаешь, то, что произошло ночью... Сама по себе чернянка не опасна, но её быстрый рост указывает на обрыв и рассеивание довольно мощного потока силы. Кто-то нарочно уничтожил связное заклятье, причём сделал это крайне грубо и неумело. Мы увидели только отражение, как бы эхо того выброса беспорядочной силы, который произошёл на другом конце связного канала. Мне следует отправиться туда и увидеть всё своими глазами.

— А я уж было поверила, что кто-то начал думать не только о себе, — вздохнула Услава. — Но ладно. Я поняла и готова ехать. Только выйди, пожалуйста, позволь мне одеться.

— Стесняешься собственного мужа? — нахально усмехнулся Венсель, усаживаясь на пол перед кроватью. — И потом, почему ехать? Мы идём пешком. У меня только одна лошадь, и мучить её я не намерен.

Услава вдохнула, выдохнула, в мыслях сосчитала до десяти, а потом заявила:

— Тогда я не иду. У меня нет подходящей для пешего путешествия одежды.

— Разве? Найдём что-нибудь в сундуке у Красы. Или если хочешь, могу поделиться с тобой своей одеждой. Хотя — нет, ничего не выйдет. Ты слишком маленькая и толстая.

— Ничего подобного! — вскричала Услава возмущённо и, выскочив из постели, запустила в Венселя подушкой. Он поймал и тут же отправил «снаряд» обратно. Усладу едва не смело с ног. Покраснев, как варёный рак, она схватила подушку за угол и, грозно размахивая ею, кинулась на своего обидчика. От первого удара Венсель сумел уклониться, но со второго замаха Усладе удалось-таки вскользь зацепить его по хребту. А потом он схватил с кровати вторую подушку и встречным хлёстким ударом отбросил подушку Услады, летящую ему в лицо...

Прислушиваясь к шлепкам, топоту и смеху, раздающимся из-за двери хозяйской горницы, Лад с Радкой удивлённо переглянулись, а дед Мирош махнул рукой и вздохнул: «А, молодо-зелено, мягко постелено... Пускай тешатся».

Подушечная битва закончилась так же неожиданно, как началась: во время особенно лихой атаки наперник на подушке Услады порвался, и пух рогоза* разлетелся по горнице, осыпав и Венселя, и саму Усладу с ног до головы. Обоим пришлось раздеться, чтобы вытряхнуть рубахи, а потом изрядно поработать гребнем, помогая друг другу вычёсывать пух из волос. После, покопавшись в сундуке Красы, они нашли для Услады подходящую

дорожную справку.

Княжне ещё никогда не приходилось отправляться пешком в столь далёкий путь. Порой ей случалось пойти вместе со Стиной и девушками из хормной прислуги в ближайший лесок по грибы, но это всё были скорее прогулки, чем настоящие переходы. Не очень-то представляя себе, что брать в дорогу, она предоставила Венселю заботиться о поклаже. Тот не долго тянул со сборами: кинул в заплечную сумку огниво, кошель с парой-тройкой каких-то флакончиков, завернутые в тряпицу осколки Усладиного зеркала и свёрток Радкиных пирогов, наполнил водой две фляги, пристегнул к поясу нож и тесак, да ещё приготовил два рогожных башлычка вроде тех, что Лад с дедом Мирошем надевали, уходя в лес пасти коз. Подумав немного, Услава добавила к поклаже чистую рубаху и надела пояс Красы. Правда, кинжалы отстегнула и оставила в сундуке: хороши, да что толку их носить, коли нет умения. А ещё Услава с некоторым удивлением обнаружила, что ей тоже предназначалась поклажа. Венсель отдал княжне одну из фляг, войлочную скатку и свёрнутый в аккуратный рулончик плащ.

— Это зачем? — удивилась Услава.

— На земле спать холодно, — как ни в чём не бывало пояснил Венсель, готовя для себя такую же скатку и свёрток с плащом.

— Так нам что, придётся ночевать в лесу?

— Не обязательно. Если повезёт, то к вечеру доберёмся до Ограды, и тогда заночуем на постоялом дворе.

— Как это «если повезёт»? — насторожилась Услава.

— Обычно. Стёжки иногда зарастают, приходится искать направление, прорубаться... Тогда выходит дольше, чем если идти по проторённой тропе.

— Разве мы пойдём не по Торговой?

— Нет, конечно, — Венсель вытащил из поставца и развернул перед ней лист с изображением земель Торма. — Это слишком долго. Мы можем изрядно срезать путь, отправившись стёжками через Занорье. Вот тут Задворки, а нам надо попасть вот сюда, к Рискайским воротам. Зачем тащиться вдоль Пустоши до Торговой тропы, если можно напрямик выйти сразу к Лисьим Норам? А от них до ворот рукой подать.

— Ты уже ходил так?

— Нет. Но местные ходоки без труда успевают за вечер сбегать наклюкаться у Малого Бодуна, а к полуночи вернуться домой. Нам же с тобой обратно идти не придётся, только туда. Не волнуйся, птаха: я же маг, со мною не заблудишься.

Услава с сомнением покачала головой, а вслух только заметила:

— У меня, между прочим, имя есть.

В путь выдвинулись ближе к полудню. На прощание Радка осенила Усладу охранным знаком и повесила ей на шею Маэлев глазок — агатовую бусину с рисунком из вложенных друг в друга кругов. А Лад вызвался проводить хозяев до вешки на Грязнополе.

Сперва идти было легко. Тропа удобно ложилась под ноги, лучи Ока ласково пригревали сквозь зелёную листву, мягко шелестел лес, пели птицы, и Лад напевал на ходу. Голос у него оказался на диво приятный.

Вешкой назывался торчавший на развилке трёх стёжек серый валун. С полуночной стороны он густо оброс мхом, а на полуденной можно было рассмотреть грубо вырезанный рисунок: стрелку, указывающую на закат, а над ней руну «глаголь».

— Ну вот, — сказал Лад, остановившись перед камнем, — дальше топайте сами. Пс

стреле — это на Грязнополе, а вам надо забирать чуть к восходу. Ежели стёжка чистая, скоро выйдете в сосны, минуете Ореховый овраг, а там уж и Лисьи Норы завиднеются.

Венсель кивнул ему и с независимым видом направился по указанной стёжке. Услада же, пытаясь сгладить неловкость от такого расставания, попрощалась с Ладом тепло и пожелала ему Маэлевой помощи.

Оставшись без провожатого, Венсель вёл свой маленький отряд торопливо, песен не пел и то и дело убегал от Услады далеко вперёд. Она запыхалась, проголодалась и устала, и уже давно с тревогой поглядывала на клонящееся к закату Око, но упрямо шла следом за магом, стесняясь просить поблажки. Кусты вокруг между тем становились всё гуще, а погода понемногу портилась: набежали тучки, потянуло холодным ветром. Несколько раз стёжка раздваивалась и растраивалась, становясь всё тоньше и неприметнее, и наконец, совсем истаяла, заведя путников в заросший лещиной овраг.

— Как ты думаешь, он и есть — Ореховый? — спросила Услада.

Венсель пожал плечами:

— Вполне вероятно, в нём ведь растёт орешник. Только я что-то не вижу рядом никакого хутора.**

С этими словами он сбросил на землю поклажу, сел и прикрыл глаза. Услада с тяжёлым вздохом опустилась рядом: ноги у неё уже гудели, и от прежней бодрости ни осталось ни следа. Однако отдыха не получилось, из кустов почти сразу налетели целые полчища комаров. Отмахиваясь от них, княжна с досадой отметила, что кусают летучие гады одну только её. К тому же сидеть на земле было холодно и колко. Зато Венсель, похоже, не испытывал никаких неудобств. Он сидел себе с закрытыми глазами, спокойно и неподвижно, по-тивердински поджав ноги под себя. Мошки его не кусали, холод не беспокоил, и вообще, он выглядел так, будто собрался просидеть под кустом круг-другой, как отшельник из сказок наставника дэль Ари. «Вот развёл бы костёр, а потом сливался с природой, сколько душеньке угодно», — думала Услада, с раздражением косясь на него. С земли она пересела на свою скатку, сломала веточку с куста, чтобы гонять комаров, но этого было мало, хотелось уже лечь, вытянуть усталые ноги и хлебнуть чего-нибудь горячего.

— Венсель? — позвала она жалобно. Ответа не последовало.

— Ну же, Венсель! Давай ты не будешь прикидываться, что заснул и оглох? Эй, Венсель!

С третьего раза он всё-таки откликнулся. И, посмотрев на свою спутницу весьма строго, заявил:

— Что ты шумишь?

— Я устала, голодна и хочу спать, — призналась та, едва не плача. — Отведи меня к людям!

— Именно этим я и пытаюсь заниматься. А ты мне мешаешь. Под твои крики решительно невозможно сосредоточиться.

— Пока я вижу только то, что ты завёл меня в кусты и хочешь скормить комарам!

— А, ну извини, — сказал Венсель, чуть убавив тон. Из своей сумки он вынул тёмный флакончик, протянул ей. — Капни немного на одежду, это отпугнёт кровососов.

— Венсель... Может, устроим стоянку и поедим?

— Нет. Это бессмысленно, птаха. Хутор где-то рядом, я чувствую. Если ты посидишь немного тихо и помолчишь, я отыщу его раньше, чем стемнеет, и тогда нас, возможно, пустят переночевать под крышу.

Услада тяжело вздохнула.

— А давай пойдём прямо сей миг? Ты же чувствуешь, где люди?

Венсель посмотрел на неё с обидой, однако ответил:

— Чувствую. Только не точно. Рядом есть стёжка, по которой совсем недавно кто-то прошёл.

— Так чего же мы ждём? Идём за ним!

— Возможно, этот человек держит путь не к Лисьим Норам, а совсем в другое место.

— Ну и пусть. Мы просто догоним его и спросим дорогу. Венсель, ну пожалуйста! А то он уйдёт, а ты потом снова будешь... хм... настраиваться. До морковного заговения.

Венсель нахмурился, с недовольным видом отвёл глаза, потом снова в задумчивости покосился на Усладу... Девушка смотрела на него с такой горячей мольбой, что он решился. Поднялся с земли, навьючил на себя всю их поклажу и сказал:

— Ладно, уговорила. Попробуем догнать.

Позднее Услада жестоко корила себя за неразумную настойчивость и торопливость. Имей она тогда терпение, послушайся Венселя — и всё вышло бы иначе.

Сперва они безо всякой дороги ломались сквозь кусты. Венсель прокладывал стёжку тесаком, а Услада шла следом, из последних сил стараясь не споткнуться. Потом в зарослях вдруг открылась вполне чистая тропа.

— Как здорово! — выдохнула Услада с облегчением. — Ты просто молодец!

— Знаю, — буркнул Венсель, пряча тесак в ножны и утирая рукавом лицо. — Теперь дело за малым: догнать этих ребят. Судя по запаху, они не могли уйти далеко. Пойдём-ка побыстрее.

— Не могу. Правда, я пытаюсь, но ноги уже совсем не несут...

Венсель окинул девушку критическим взглядом, почесал в задумчивости подбородок.

— Хорошо, тогда оставайся и жди, — распорядился он, сбрасывая вещи к ногам Услады. — Налегке я догоню их без труда. Но ты если что — кричи.

Дождавшись согласного кивка, Венсель повернулся к ней спиной и резво рванул по тропе. Однако не успел он свернуть за поворот, приключилась беда. С виду чистая и хорошо натоптанная тропа вдруг с хрустом провалилась под ногами бегуна, и Венсель исчез из виду. Некоторое время Услада с недоумением и ужасом, не веря своим глазам, тупо смотрела на то место, а потом услышала из-под земли стон и со всех ног кинулась на звук.

Ни мига не раздумывая, она кинулась на колени перед ямой, схватила Венселя за руки, за шиворот, принялась тянуть... Очень трудно, очень медленно ему удалось выползти на поверхность. Вытянувшись на земле, Венсель перекатился на спину, прошептал «мама», закрыл глаза и затих. Услада наклонилась над ним — и едва не грохнулась в обморок сама. Ловчая яма предназначалась для крупного и сильного зверя, кабана или даже лося: стенки её были утыканы заострёнными колыями, чтобы, провалившись, добыча не смогла выбраться наружу. Падая вниз, Венсель зацепил два таких копыльца. Одно глубоко пропоролу ему бедро. Кровь из раны лилась рекой, и от её тяжёлого запаха у Услады мутилось в глазах. Вторая рана, на животе, кровоточила не так сильно, но смотреть на неё было тоже страшно. Услада даже вчерне не представляла себе, что следует делать в подобных случаях. Отправляясь в дорогу, она не подумала расспросить Венселя, полагая, что если кому и может понадобится помощь целителя, так это ей. А теперь — целитель сам истекает кровью, а она стоит рядом и ничем не может ему помочь! Впрочем, её разумения хватило на то, чтобы вытащить из мешка чистую рубаху и плотно прижать к ране на бедре. А потом, набрав в грудь побольше

воздуха, завопить во всё горло: «Люди! На помощь!»

Охотников было трое: пожилой мужик, до глаз заросший кучерявой бородой, и два парня, по возрасту годящихся ему в сыновья. Завидев их, Услава со слезами кинулась навстречу, продолжая твердить осипшим от страха голосом: «Помогите... Помогите, ради Маэля... Мой муж умирает...»

Старшему из охотников хватило пары быстрых взглядов, чтобы понять, что к чему. Кивнув одному из своих парней на Усладу, он вместе с другим подошёл к Венселю. Ногу ему суровый дядька живо перетянул ремнём так, что из раны почти перестало течь, потом осмотрел живот и сказал спокойно:

— Только шкуру попортило. Зашить — и заживёт, как на собаке.

Его сын, заглянув Венселю в лицо, присвистнул тихонько и удивлённо промолвил:

— Так это ж Горноста́й***, лекарь с Задворок! Тот самый, что тётке Крапиве сухотку вылечил.

Старший поглядел повнимательнее и кивнул:

— А ведь точно. Мне его Лосев кум на торгу показывал. Давеча, как Молодого Лося лошадиная змея**** в руку ткнула, все уж думали, кончится мужик. А Горноста́й ему чегой-то из своей склянки накапал — и тот враз оживел... Ну-ка, хлопцы, сварганьте-ка волокушу. Коли мы Горноста́я в ловушку поймали, нам его и лечить. А ты, тётка Горноста́иха, тоже ступай с нами. Побудешь пока у нас, в Кустецах.

Младшие, покивав согласно, срубили молодую осинку, Венселя уложили на ветки и поволокли по тропе куда-то в лес. Услава бездумно шла следом, еле переставляя дрожащие ноги. А вся их поклажа — и скатки, и Радкины пироги, и Венселев колдовской кошель — так и осталась лежать на тропе.

Примечания:

* Рогоз — те самые коричневые початочки, которые часто называют камышом. Для набивки подушек его заготавливают в августе и сентябре, когда початки станут темно-коричневыми. Их срезают и укладывают для просушки на солнце, а в сырую погоду под навес. Как только кончики початков станут пушистыми, их кладут в наволочку, которую сразу же зашивают, оставив небольшую прореху. Наволочку с початками досушивают, положив на печку или же повесив рядом с ней. Когда початки высохнут окончательно и распутившийся пух заполнит наволочку, стебли рогоза осторожно вынимают один за другим через прореху. Убедившись, что в наволочке остался один пух, прореху зашивают, и подушка готова. Она может служить долгие годы. Раньше в некоторых местах пухом рогоза набивали даже перины.

** То, что Лисьих Нор не видно, совершенно нормально: занорские тормалы живут в полуземлянках с дёрном на крышах, так что если не знать, где находится дом, заметить его издалека почти невозможно.

*** Тормалы справедливо предпочитают не ломать себе головы запоминанием сложных иноземных имён и либо переводят их на тормальский, либо дают человеку понятное прозвище. Венселя называют Горноста́ем потому, что именно этот зверь изображён на гербе Нортвудов.

За решёткой

Пожалуй, князь Радогост оказался единственным человеком в крепости, кого выходка невесты не застала врасплох. Едва заметно кивнув Гардемиру, возникшему за плечом Адалета, он спокойно объявил гостям — Замена откупа испытанием — прекрасный древний

обычай народа тормалов. Он позволяет даже небогатому юноше добиться руки возлюбленной, доказав свою любовь делом. Я полагаю правильным напомнить людям о нём. Пусть княжич Благослав поможет жениху собраться в путь, а мы проследим за тем, чтобы испытание было пройдено с честью. Пока же вернёмся в залу.

И гости потянулись следом за князем к красному крыльцу, а Благослав с насмешливым полупоклоном предложил Идрису следовать за ним в сторону конюшен. Гардемир же, легко опустив на плечо Адалету свою сухую, узкую ладонь, похожую на воронью лапку, промолвил едва слышно — Уважаемый. Мне кажется, у нас есть причина побеседовать с глазу на глаз. Пройдёмте в мой кабинет. Не нужно сопротивляться, на помощь к вам никто не придёт: ваши люди сей миг не видят и не слышат нас, они уверены, что вы находитесь вместе с ними, в пиршественной зале.

Очень скоро садик опустел. Перед клеткой ухокрыла остались лишь смотритель Ельмень да Стина. — То-то же, змеишца подколодная, — зло сказала нянька, грозя Краса пальцем, — в клетке тебе самое место. Сиди теперь, покудова господин Идрис мою ясочку домой не привезёт. Глядишь, и после там же оставят, шоб не шкродничала! — Догадалась, значит? — нахально улыбнулась в ответ Краса. — Про тебя лишь слепой бы не догадался: обрядилась в соколино перо, да повадка осталась воронья! Тьфу! И, сурово поджав губы, старуха двинулась прочь. А Ельмень, вздохнув, промолвил — Ишь, вздурилась... И чего это она? Ты, госпожа Услава, не тревожься: сенцо в ухокрыльей будке свежее, да и покормить я тебя всегда сумею. А ежели плащик тёплый занадобится — только скажи.

— Вот видишь, — сказала Краса на языке крылатых, едва они с ухом остались одни. — С кем приходится дело иметь... Крылатые гораздо лучше людей. Иди сюда, я попробую снять с тебя цепь.

Как справедливо подозревала Краса, ключ, отпиривший ухокрылий вольер, подошёл и к замку на хомуте. Высвободив своего невольного соседа, она зашвырнула деревянный ошейник далеко в угол и с довольным видом отряхнула руки. — Спасибо, бескрылая, — сказал ухокрыл, с удовольствием разминая шею. — Вообще-то, меня зовут Краса. — Спасибо тебе, Крайса. Моё имя — Зирран. Я даже представить себе не мог, что кто-то из бескрылых понимает речь моего народа. — Ну, не все же бескрылые — непроходимые тупицы, — усмехнулась Краса. — Тогда придётся признать, что почти все они бессердечны. Как можно лишить живое существо свободы, а после ходить любоваться его несчастьем? — Да ладно. Так ли уж тебе тут плохо? Корма вдоволь, крыша над головой и никаких опасностей. Песни вон сочиняешь. Зирран отгородился крылом и печально произнёс — Одни только песни и не дают мне сойти с ума. Разве можно променять волю и радость полёта на сытный корм? Вот уж верно: у бескрылых и души бескрылые... — Эй, дурень! — шутливо прикрикнула на него Краса. — Если что, это я сняла с тебя ошейник. А будешь вести себя как следует, ещё и вольер отопру. Зирран выглянул из-под крыла и уставился на свою соседку с живым интересом. — Ты в самом деле это можешь? — Я много чего могу, так что советую не грубить.

Незадолго до заката к вольеру подошёл Идрис. Одет он был уже по-походному, и Краса отметила для себя, что строгий горский чекмень* сидит на нём куда лучше тормальской рубахи.

Остановившись на расстоянии пары шагов от решётки, он некоторое время молча смотрел на девушку в клетке, а потом тихо позвал — Услава? — Зачем пришёл? — спросила его Краса строго. — Скажи правду: ты в самом деле желаешь испытать меня или пытаешься

таким образом отсрочить немилое замужество? Краса подошла к решётке. — Послушай, Идريس... Ты мне нравишься. Ну, настолько, насколько вообще может нравиться почти незнакомый парень. Не стану врать, я не влюблена в тебя, но со временем мы вполне могли бы поладить. Если это тебя устраивает, то больше не спрашивай меня ни о чём, просто выполни мою просьбу, привези госпожу Нортвуд в Ольховец. Это важно. А зачем — она позже расскажет тебе сама. — Хорошо, — сказал Идريس грустно, опустив глаза. — Надеюсь, ты хоть сей миг была честна со мной.

Идريس ушёл, а Краса в глубокой задумчивости ещё долго стояла у решётки. Глядя в след чужому жениху, она в мыслях отпускала его, возвращала законной владелице ворованное счастье. Идريس вернёт Усладу домой и та займёт по праву причитающееся ей место. Они поладят, и возможно, со временем даже сумеют полюбить друг друга. А она сама... Вернув себе возможность управлять потоками силы, она сразится с ракшасьей магией и защитит людей, даже если ей придётся погибнуть в этом бою. Да, пускай придётся! Может, тогда отец наконец поймёт, как ошибался на её счёт и пожалеет о том, как был несправедлив, но будет уже поздно...

Наконец, Зирран нарушил молчание — Чего хотел этот бескрылый? Он тебе враг? Краса встрепенулась, отрываясь от возвышенных мыслей о собственной героической гибели. — Вовсе нет. С чего ты взял? — Сперва ты убежала от него, а теперь его слова чем-то огорчили тебя. — Видишь ли, этот парень думает, что он должен на мне жениться. — Но ты не хочешь с ним жить? Не бойся, он не войдёт сюда. — Ах, Зирран... Я бы как раз не отказалась стать его женой. — Тогда в чём же дело? — Боюсь, что не сумею тебе этого объяснить. На самом деле ему обещали в жёны не меня, а мою подругу. — Действительно, не понимаю. Кто обещал? — Отец подруги. — А он здесь при чём? У нас если парень с девушкой любят друг друга, то они просто селятся в одной норе и вместе растят детей. У вас как-то иначе? — Послушай, а если парень — сын вожака стаи крылатых? А девушка — дочь вожака другой стаи? — Не понимаю, на что это может повлиять. Вождям кланов обычно нет дела до того, как устраивают свою жизнь их взрослые дети.

— Ну, а если сын вождя выберет себе неподходящую пару? — Неподходящую? Это как? — Ну, такую, которая совсем не нравится его отцу? — Да и пускай не нравится, на здоровье! Это же сыну с ней жить, а не вождю. Вот если она окажется какой-нибудь драчуньей и скандалисткой, такой, что её невлюбят все соседи, могут и выгнать. Тогда придётся этой паре проситься в другой клан. — И их примут? — А почему бы и нет? — Ну, они же в старом вели себя плохо... — И что с того? Если крылатый не сошёлся характером с одним вождём, то вполне может ужиться с другим. Или вообще созвать свой собственный клан. Краса протянула руку и ласково погладила Зиррана по плечу. — Крылатые и впрямь во многом лучше бескрылых, — со вздохом сказала она.

Ночь Краса провела в ухкрыльей будке, на подстилке из свежего сена. Утром, едва рассвело, её разбудил негромкий стук по прутьям решётки. Почти сразу за ним последовал возмущённый вскрик Зиррана и скрежет когтей о мостовую.

Краса вылезла на Маэлев свет, потирая глаза, и увидела по ту сторону решётки собственного отца, господина Гардемира. Он совершенно невозмутимо стоял перед беснующимся ухкрылом ровно на том расстоянии от клетки, которое позволяло не бояться острых когтей её обитателя. Краса встретилась с магом взглядом — и почувствовала, как щёки и уши её неудержимо заливают жгучим румянцем. Пожалуй, предстоящий разговор был страшнее поединка с неизвестным ракшасом. — Доброе утро, доченька, — спокойно и мягко

сказал Гардемир. — Могу я поинтересоваться, какого ракша ты здесь делаешь в столь странном виде? Знает ли об этом твой муж, господин Нортвуд? И как я должен представить сие чудо князю Радогосту? Однако, возможно, я хочу слишком много сразу, поэтому начнём с того, что проще: как ты сюда попала? Советую отвечать, иначе обратная трансформация будет принудительной и весьма болезненной. — Ничего ты мне не сделаешь, — процедила Краса сквозь зубы, — потому что побоишься причинить вред телу княжны. Это заклятье Лунной Двери. Гардемир удивлённо покосился на неё, по-птичьи склонив голову набок. — Так, уже интересно. На Задворках нашлась Лунная Дверь? — Нет, но она есть у тебя. Достаточно было поднести к ней связанное зеркало. — Ах, вот оно что... Значит, двойной зеркальный переход. Хм, смело и очень глупо. Надеюсь, на зеркалах было выставлено время повторного сеанса связи?

Теперь уже настала очередь Красы удивляться. Встретив её растерянный взгляд, Гардемир чуть заметно поморщился и пояснил — Подобные заклятия не бывают бессрочными. Что за зеркала ты использовала? — Те маленькие, которые ты мне подарила три круга назад, на Щедрец. — Где твоё зеркало? — Его нет, — прошептала Краса. — Чётче, пожалуйста, я не в силах разобрать, что ты там шепелявишь. Собравшись с духом, Краса произнесла громко и ясно — Зеркала больше нет. Я его разбила.

Гардемир отошёл от клетки, присел на лавочку, прикрыл ладонью глаза и замер в неподвижности. — Папа? — осторожно окликнула его Краса. — Дура, — сказал Гардемир тихим, бесцветным голосом. — Маэлево наказание. Убрав руку от лица, он снова повернулся к Красе. — Сколько ты уже здесь? — Нынче седьмой день. — Тьфу... Зачем тебя вообще понесло к этому зеркалу? Краса пожалала плечами — К нему половина девок из княжских палат прихорашиваться бегают. — Да пускай хоть все, не жалко! Увидеть Лунную Дверь и тем более открыть её может только маг с определёнными способностями! Но даже и магу неплохо бы читать инструкцию, прежде чем без спросу пользоваться чужими артефактами. Время, в течение которого зеркальный переход безопасен, зависит от количества использованной при активации заклятья силы, а оно в свою очередь прямо пропорционально площади меньшего из зеркал. Прямой переход через ростовое зеркало вполне мог продержаться около круга. А опосредованный, через зеркальце величиной с ладонь... Седмица, может быть, десять дней — и всё, связь души с телом ослабеет, останется просто тело, без мыслей и чувств. Это ожидает и тебя, и твою подругу в самом скором времени. Довольна? — Но Идрис... — Что «Идрис»? Полагаешь, он успеет доехать до Задворок и вернуться назад раньше, чем вы обе превратитесь в бездумные куски плоти? — Ну, душа ведь никуда не денется, просто... — ...утратит человеческие контуры. Всего-то. Хочешь посмотреть, на что это похоже? В другой раз задержись подольше у Лунной Двери, полюбуйся на нежить. Хотя, возможно, ты скоро и сама... — Подумаешь, — фыркнула Краса, повернувшись к отцу спиной. — Даже если и так, к тебе в Лунную Дверь стучаться не стану. Лучше пойду, узнаю, правду ли жрецы болтают про Благие Земли.

Ответа не последовало. Подождав ещё немного, Краса осторожно покосилась назад. Гардемир не смотрел на неё. Он молча, сосредоточенно чертил на земле охранные знаки в два ряда: один — не позволяющий покидать клетку, другой — защищающий сидящих внутри.

— Папа, — позвала Краса жалобно. — Ну? Что ты ещё успела натворить? — У Адалета ракшасий амулет. Я в этом теле не разобрала, от чего он запитан, но мало ли, штука-то опасная. — Да, я знаю, я уже видел его. Этот Адалет... Ещё один любитель прогибать

вероятности под себя. Только силу не обманешь: за исполнение желаний каждый расплачивается сам.

Вернувшись в свой придел, Гардемир закрылся в трёхстенной каморке, встал перед зеркалом и прикоснулся его поверхности. В ответ рама вспыхнула тёплым золотом, а отражение, напротив, сделалось мутным. Множество теней вышли из густого тумана в глубине зеркала: они прикасались к стеклу, оставляя на нём мокрые отпечатки ладоней и губ, исчезали, появлялись вновь... Гардемир нетерпеливо прикрикнул на призраков — Прочь, мне не до вас! Мерридин! Мерридин, ты слышишь меня? Отзовись ради Маэля...

Сперва откликнулся голос — Чуть терпения, друг мой. Затем зазеркалье прояснилось и показало сидящего на постели Мерридина дель Ари в домашнем шелковом халате. — Что за важное дело заставило тебя будить старика в такую рань? — спросил он с лёгкой укоризной. Гардемир только хмыкнул про себя: ни старым, ни сонным Мерридин уж точно не выглядел, и смятые подушки рядом с ним ещё хранили отпечаток женского тела. Вслух же он произнёс, почтительно опустив глаза — Прости, если потревожил. Мне очень нужен твой совет. Краса увидела Лунную Дверь. — Это отрадно: значит, внешний поток её всё же раскрылся и обрёл должную мощь. — Сомнительное приобретение — видеть пути мёртвых. Я ведь не зря просил тебя не учить её ничему лишнему, не тревожить силу: возможно, дар остался бы спящим, и девочка прожила бы нормальную, спокойную жизнь оборотня. Теперь этого не получится. Однако она не только увидела дверь, но ещё и сумела её открыть. И даже прошла дорогой мёртвых, а заодно протащила по ней живого человека, свою подругу. Они из баловства поменялись телами. Беда заключается в том, что завершить заклятие невозможно: подруга далеко, и связи с ней больше нет. Между тем время безопасного перехода истекает. Краса моя дочь, даже если она утратит огонь жизни, я буду заботиться о ней. Но что делать с другой девочкой? — Ответ очевиден, друг мой: поскорее найти её и доставить к Лунной Двери. — За ней уже выехал человек. Только хватит ли ему времени, чтобы найти и вернуться? Скажи, Мерридин, как сберечь от разрушения тонкое тело, если его связи с телом плотным уже начинают угасать? — Зачем спрашиваешь, коль ответ тебе и так известен? — едва заметно улыбнулся Мерридин. — Сдержать потерю человеческих контуров могут лишь бескорыстные дары силы от тех, кто любит человека и близко знает его.

Примечания:

* Чекмень — суконный приталенный полукафтан со сборками сзади.

В стране крылатых

Лесной хутор оказался вовсе не похож на то, что ожидала увидеть Услава. Место, которое в разговорах между собой охотники называли «подворьем», не имело ни ворот, ни ограды. После очередного замысловатого витка стёжка вывела путников на маленькую чисто выкошенную полянку. Услава не сразу сообразила, что они уже пришли: окружающая чистец зелёная стена бурьяна и колючих кустов, кое-где прерывающаяся узкими стёжками, на первый взгляд ничем не напоминала обиталище людей. Однако стоило старшему из охотников залиvisto присвистнуть, ветки зашевелились, и из-за них показался народ.

Только тогда Услава заметила выходы из полуземлянок, заросших по крышам высокой травой. Вокруг поляны их было пять, но только одна имела почти не прикрытое кустами чело* и пару волоковых окон**. Верно, это была жилая изба. А обитало в ней большое и дружное семейство Дроздов: сам хозяин — Старый Дрозд, две его жены и целая стайка детей, сосчитать которых Усладе удалось далеко не сразу.

Доставив раненого на подворье, хозяин со старшими сыновьями снова ушёл в лес, а

Услава с Венселем попали под заботу местных тёток. Старшая из них, Дроздиха, сделав несколько коротких распоряжений, вмиг разогнала всех любопытных со двора, каждого приставила к делу. Младшая из девушек, недавно примерившая первую понёву, собрала и увела малышей. Две девицы постарше сбегали в дом и принесли чистую рогожу, на которую ловко переложили с веток Венсея. Срубленную осинку тут же утянул куда-то деловой паренёк кругов десяти от роду, но уже с топориком за поясом.***

Тем временем младшая Дроздиха хлопотала над Венселем. Стадив с него разодранную одежду, она приняла от одной из девушек ведро воды и ветошку и принялась смывать с тела раненого кровь и грязь. Услава наблюдала за ней, едва сдерживая удивление: эта девчонка в рогатой кике с виду была младше неё самой, но делала свою работу уверенно и без малейшего стеснения. Не пугали её ни раны, ни то, что приходилось касаться обнажённого тела чужого мужчины. А вот Венсель был явно не рад такому повороту и смущался, как красна девица, но противиться не имел сил. Зато когда старшая Дроздиха взяла в руки кривую иголку и нить, он насторожился и заёрзал.

— Венсель, миленький, потерпи, всё будет хорошо, — зашептала Услава, осторожно глядя его по волосам. Одна из тёток свела края раны у него на бедре, другая воткнула в кожу иглу... Венсель вскрикнул и отчаянно дёрнулся. Старшая Дроздиха тут же крепко прижала его ладонью к земле и сказала сердито — Ишь, нежный какой. Терпи, не рыпайся! — Не надо, я сам, — простонал Венсель. — Оно и видно, как ты «сам». Калинка, садись ему на грудь, а ты, Отава, держи крепче здоровую ногу.

Втроём они без особого труда заставили Венсея лежать смирно, словно он был не человек, а приболевшая коза. Зашив грубыми стежками обе раны, Дроздиха наложила на них повязки из чистой ветоши, а потом велела меньшице и девушкам устроить больного в малой клетке****.

Это была действительно самая настоящая клеть: без окна, без очага, с холодным земляным полом. На дощатый настил девушки положили тюфяк, набитый соломой, перетащили на него сомлевшего Венсея. Младшая Дроздиха, та, что звалась Калинкой, принесла чистую одежду, тёплое одеяло и кружку с каким-то пахучим отваром. Перед тем, как уйти, она приветливо улыбнулась Усладе и сказала:

— Не бойсь, даст Маэль — поправится твой Горностай. У нашей тётки Догады рука лёгкая. Главное, чтобы он первую ночь как-то перемогся, а там уж и на поправку пойдёт. Ты нынче обязательно отвар ему выпои, не то от боли сильно мучиться будет.

Уже перед дверью она обернулась и предупредила серьёзно:

— Как стемнеет, запрись хорошенько. И наружу в потёмках — ни ногой. — Что так? — встревожилась Услава. — У нас река близко, ухи ночами сильно озоруют. — Я думала, нелюди сторонятся Торговой тропы. — И, милая, где Торговая тропа — а где мы... Маясь недобрым предчувствием, Услава осторожно спросила — А далёко ли от ваших Кустецов до Лисьих Нор? Калинка вздохнула. — Так вот, значит, куда вы шли? Промахнулись, однако, сильно забрали к восходу. У нас здесь урочище-то Кустецы, а хутор — Дроздовка, отсель до Торговой тропы и близко, да не вдруг достанешь. Есть стёжечка, выводящая на самый Кустецский торжок, да только кругалём она бежит, через Стрынь. Ходче вам будет вернуться к развилке у больших сосен, а там взять малость закатнее. Да теперь-то, верно, уже не к спеху. Твоему надо отлежаться хоть седмицу, а после и пойдёте себе поманенечку...

Только когда Калинка ушла, Услава сообразила, что ей не оставили ни света, ни огня. Впрочем, Око ещё не вовсе спряталось за макушки деревьев, а значит, можно было пойти и

разжиться где-нибудь если не свечой, то хоть лучиной. Услада дёрнулась было выйти за порог — и в дверях почти столкнулась с рослой девкой, помогавшей тётке Догаде при лечении Венселя. Кажется, звали её Отавой. В руках она держала горшочек крапивных щей, небольшой светец с лучиной и миску воды*****.

Получить хоть какой-то источник света было, конечно, приятно, но, поразмыслив здраво, Услада поняла, что видеть её за пределами клетки хозяева не хотят. Да и самой ей уже не слишком хотелось на двор. К тому же Венсель очнулся и тихонько завозился на своём тюфяке.

— Как ты? — спросила его Услада. — Пить хочешь? Он вздохнул, осторожно пощупал повязку у себя на животе, а потом сказал еле слышно — В сумке кошель был... — Ой, — обронила Услада, сообразив, где нынче полёживает Венселева сумка вместе со спрятанным в ней кошелём. Венсель, похоже, всё понял и снова печально вздохнул. — Болит? — сочувственно спросила она. Венсель ответил совсем невпопад — Птаха... Я знаю, что говорить об этом поздно и глупо, но всё же. Я очень виноват перед тобой. Мне следовало не тащить тебя через заросли по бездорожью, а потратиться на место в возке. Или хотя бы нанять проводника до Лисьих Нор. Но нет же, мне захотелось побыть в лесу с тобою вдвоём. — Не печалься зря, я вовсе не жалею о том, что побывала с тобой в Торме. — Нет уж, дай я выскажу свою мысль до конца. Я повёл себя неразумно. Хотел провести тебя короткой дорогой, но непременно сам, понимаешь? Чтобы ты шла только за мной и смотрела лишь на меня. И не подумал о том, что ты — девушка, к тому же княжья дочь, непривычная к пешим переходам и бытованию без удобств. А теперь из-за моей глупости мы застряли в лесу, и тебе придётся возиться с моими ранами и вытаскивать за мною поганое ведро. Вот уж верно говорят: желай тише, не то сила услышит... Ты, я думаю, уже успела налюбоваться на меня вдоволь, до отворачивания... И в лесу, и после, на Дроздовом дворе.

Услада сперва невольно улыбнулась, а потом подумала, что маг может гораздо лучше обычного человека видеть в темноте, и постаралась придать лицу более серьёзный вид.

— Странные вы, мальчишки, — сказала она задумчиво. — Каждый из вас мнит себя самым важным в мире существом. Вот ты опять сам всё решил, что я думать и чувствовать должна, а меня-то и не спросил. Не на верёвке же ты меня в лес увёл, сама, своей волей шла. И за охотниками ты для меня побежал. И положился на меня во всём, а я с перепугу твои вещи в лесу потеряла. Там было что-то важное? — Заряженный силонакопитель. И средство для очистки ран. Увы, без всего этого мне остаётся только отдаться в руки тётке Догаде и уповать на милость Маэля... Услада... Княжна откликнулась не сразу, так её удивило то, что Венсель впервые назвал её по имени. — Да? — Ты вовсе не обязана со мной возиться. Ведё ты — княжна, а я... — Перестань, — мягко перебила его Услада. — Да, я многого не умею и не знаю, но я — дочь князя, и никогда не брошу своего человека в беде. — Тебе ведь было неприятно... — Послушай, Венсель, а если бы это я провалилась в ловушку и поранилась? Тебе было бы неприятно со мною возиться? Венсель удивлённо уставился на неё широко распахнутыми глазами. — Ты что такое говоришь? — А как же кровь, грязь и поганое ведро? — улыбнулась Услада лукаво. — Ну... Это ведь всё равно была бы ты. Если этлова слеза испачкалась в навозе, она от этого не перестаёт быть этловой слезой, верно? — Вот видишь... Но почему же ты тогда так дурно думаешь обо мне? Венсель отвёл взгляд в сторону и пробормотал смущённо — Это совсем другое дело. Я целитель... — ...а не глупая девчонка? — Нет, не глупая. А та, которая мне очень нравится.

Сказав так, Венсель закрыл глаза и отвернулся. Услада с улыбкой покачала головой,

села рядом с ним и осторожно, ласково провела рукой по его волосам.

— Глупый ты, глупый, хоть и маг... Думаешь, княжне могут нравиться только те, которые всегда красивые и чистые, никогда не ошибаются и не болеют? А мне нравишься ты. Потому, что ты к другим отзывчивый. Хотя уж очень стеснительный, где не надо. — Ты слишком хорошего мнения обо мне. На самом деле я просто делаю то, что должен. — Вот именно. И не ждёшь ничего взамен. Ну, хватит разговоров. Знаешь, что? Давай съедим щи, пока не остыли, а потом ты выпьешь Калинкин отвар, и будем ложиться спать. Только погоди: дверь запру. — Душно. Оставь, пусть ветер ходит. — Нельзя. Калинка сказала, тут по ночам уши сильно озорничают. Хотя мне это кажется странно. У батюшки в зверинце ведь есть ухокрыл. Чужих он, ясное дело, к себе не подпускает, но чтоб особо безобразить... Нет, только песни по ночам поёт. — Ухокрылы? Они прилетают прямо сюда, на двор? — неожиданно оживился Венсель. — Ну да, Калинка так сказала. — Оставь всё настезь, не закрывай дверь!

Око скрылось за виднокрай, и под пологом леса скоро сгустилась ночная тьма. Но она не принесла с собой привычного Усладе покоя и тишины. Наоборот, лес наполнился шумной и громогласной жизнью: воздух зазвенел дружным комариным хором; зазвучали голоса ночных зверей и птиц; захрустела под чьими-то ногами трава; затрещали ветки, пропуская торопливого лесного жителя сквозь кусты; вдалеке раздался охотничий клич стаи волков...

Дорого бы Услава отдала, чтобы оказаться сей миг в своём тереме, за надёжной крепостной стеной, в милой горнице, освещённой тёплым пламенем свечей. Или хотя бы просто захлопнуть дверь в клеть и затеплить лучину. Однако даже эта малость была невозможна: принеся светец, Отава не подумала о том, что им нечем развести огня. Венселево огниво вместе с прочей оснасткой осталось лежать на тропе в лесу, просить же своего спутника добыть огонь колдовством Услава не стала, справедливо полагая, что ему следует беречь силу. Утешало её только то, что сам Венсель был совершенно спокоен и даже, вроде, повеселел. Юркнув к нему под одеяло со здорового бока, Услава затихла и стала ждать.

Пригревшись, она сама не заметила, как задремала. В этот раз даже бок о бок с Венселем ей не снилась волшебная страна грёз, только чудилось сквозь сон, будто рядом хлопают флаги, шуршат плащи и звучат незнакомые голоса. А потом Венсель разбудил её, осторожно погладив по щеке. Услава открыла глаза — и не вскрикнула только потому, что пальцы Венселя коснулись её губ. Вокруг их дощатой кровати сидели три ухокрыла, да ещё один возился в тёмном углу. Глаза ночных летунов светились хищной зеленью, и опасно поблёскивали острые белые клыки. Венсель сказал им что-то странное на непонятном наречии. — Чи, элло! — откликнулся ухокрыл, сидевший ближе всего к кровати. Прочие отозвались россыпью звуков, то ясных, пронзительных, то курлычащих и скрипучих, а потом поднялись на свои неуклюжие коротенькие ножки и, помогая себе сложенными крыльями, вышли вон. За порогом каждый из них расправил крылья, подпрыгнул и тут же беззвучно взмыл ввысь.

Тот ух, что копошился в углу, вышел последним. Проходя мимо кровати, он на миг обернулся, и Услава увидела в его зубах здоровенную мёртвую крысу. — Ой! — испуганно пискнула она, натягивая одеяло до самых глаз. — Не шуми, птаха, — шепнул ей на ухо Венсель. — Похоже, я нашёл способ переправить тебя домой. Ты как, боишься высоты? — Нне знаю... Наверное, нет. — Вот и славно. Значит, нынче же полетишь домой по воздуху. Ухокрылы согласились доставить тебя в Ольховец. Они думают, что вшестером вполне

способны поднять тебя в небо и донести, куда надо. Но мне пришлось им кое-что пообещать. — А? — последние слова Венселя прошли мимо Услады, не задев сознания, до того поразила её новость о предстоящем полёте. — Слушай меня внимательно, птаха, это важно! За свою услугу они требуют, чтобы князь отпустил на волю их соплеменника, находящегося в плену у людей. Ты сможешь сделать это? Услава нервно сглотнула в ответ. — Пойми, обманывать этих ребят крайне опасно, они потом жизни не дадут приютившему нас хутору. — Да, да, — с трудом выдавила из себя Услава, — я понимаю. У меня есть ключ, я выпущу Зубастика на свободу. — Тогда готовься в путь. Только нам придётся причинить некоторый ущерб хозяйству почтенного Дрозда. Здесь совсем недалеко есть место, в котором у него поставлена ловчая сеть на косулю. Крылатые покажут тебе, где именно. Надо будет снять её, расстелить на дворе и лечь в середину, чтобы крылатые смогли поднять тебя в ней и унести. — Постой, а как же ты? Венсель легкомысленно пожал плечами. — Останусь пока здесь. А что мне сделается? Я же маг...

На следующее утро, едва ночная тьма сменилась серенькими предрассветными сумерками, тётка Догада растолкала Калинку с Отавой и выпроводила их доить коз. Сама большуха принялась хлопотать у печи: охотников следовало накормить прежде, чем они отправятся проверять вчерашние ловушки, да и тем из домашних, кого ждёт пастбище и покос, следовало подкрепиться.

Вскоре вся семья уже сидела за столом вокруг горшка с кашей, не хватало лишь ушедших доить. Чуть Отава с подойником появилась на пороге, Дроздиха набросилась на неё с упрёками — Долго возитесь. Другая где? — К чужакам пошла. — Мёдом ей там мазано? — Не ведаю, — робко опустив глаза, пробубнила в ответ Отава. Здоровенная и рослая, она была не слишком умна и весьма побаивалась свою строгую мамашу. — Так поди разведай. Снова вылезать на зябкий утренний холод Отаве не хотелось. — Дык это, — сказала она, нахмутив густые брови, — у чужаков с ранья дверь настежь. Вот Калинка и пошла поглядать, не стряслось ли какой беды. Тётка Догада нахмурилась. — Ну, и? Да говори уж, кулёма костноязыкая! Отава торопливо буркнула себе под нос — Горноста́й плох совсем. Кажись, помирает. А тётки евойной — и след простыл... — Ясно, — кивнул ей отец со своего места в красном углу. — Бери ложку, садись есть. А ты, старая, после сходишь, разберёшься.

С большаком не спорят. Накормив всех и проводив из избы, тётка Догада отправилась взглянуть на хворого чужака. В клетки, где его разместили, жужжали мухи, стоял тяжкий дух. Калинка размотала бинты на ноге Горноста́я и пыталась отмыть воспалённую, текущую гноем рану чистой водой. — Отзынь, — строго приказала ей большуха. Калинка поспешно уступила место. Распоров вчерашний шов, тётка Догада острым ножом обновила края раны так, чтобы из надрезов пошла чистая кровь, затем сказала Калинке — Ранника поди нарви. Нажуёшь травы и прям в рану приложишь. Брюхо ему тоже развяжи, там, небось, не краше. Да, ещё лопуховых листьев нарви, обложишь его: вишь, горит весь. — Тётушка, — спросила Калинка, — а ему с того полегчает? Догада вздохнула устало. — Едва ль. Не жилец он, Каля. Сдаётся мне, тётка белозорая, что с ним притащилась — ракшица это была, а никакая не жена. То-то и помогать ничем не помогала, когда мы её мужа лечили, только сидела да волосья ему теребила: силу, видать, пила... Пухлые губы Калинки задрожали и жалобно скривились подковкой. — Жаль его. Басонький такой... — Не о том думаешь, дура, — тут же одёрнула её старшая Дроздиха. — Люди бают, лекарь-то энтот не простой, ведьмак он, а может, даже и колдун. Коль помрёт у нас на подворье, никому здесь нормального житья не станет, помяни моё слово. И шмотьё его, что Вьюн вчерась с тропы притащил, выкинуть

придётся, чтоб мёртвяк за ним к нам не ходил. — А как же быть-то? — испуганно прошептала Калинка. — Ежели к полудню не получшеет, снесём его в Стрынь, к этлу на порог. Глядишь, тогда его душа упокоится с миром, не станет на нас зла держать.

Примечания:

* Чело избы — её фронтон.

** Волоковые окна — совсем небольшие, высотой в одно бревно. Они закрывались изнутри деревянными задвижками и имели очень малый просвет.

***От рождения до года ребёнок у тормалов считался ещё не вполне существом этого мира. Только после года ему давали первое детское имя и шили первую собственную рубаху, принимая таким образом в сообщество людей. Детей не особо стерегли, разрешали им везде бегать и наблюдать за взрослыми, не делая при этом особого различия между девочками и мальчиками. Лет с трёх-четырёх начинали понемногу приучать к посильной работе. С этого возраста мальчиков всему, что понадобится для взрослой жизни, обучал хозяин хутора, а девочек — его старшая жена. Лет с девяти-десяти дети тормалов считались уже не детьми, а юношами и девушками. Они получали взрослые имена, одежду, соответствующую своему полу, и становились вполне значимыми, ценными для хозяйства работниками. Но чтобы считаться невестой, славницей, девушка должна была созреть физически и приготовить минимальное приданое (сундук с комплектом свадебной и повседневной одежды для себя и будущего мужа, пелёнки для первенца, а так же всё тканое убранство для будущего дома). Юноше, чтобы начать считаться женихом, нужно было сходить на первую полностью самостоятельную (и притом успешную) охоту.

****Клеть — неотапливаемое помещение при избе или отдельная нежилая постройка, чаще кладовая.

*****Светец — подставка под лучину. Миску с водой ставили под ним, чтобы туда падал пепел.

Родня

Простившись в зверинце со своей невестой, Идрис был вполне готов отправиться в путь. Старый Якун уже ждал его с последними наставлениями, а мальчишка-конюх — с посёдланной лошастью в поводу.

— Будь решителен и смел, — сказал Якун торжественно, осеняя Идриса знаком Восходящего Ока. — Пусть каждый встречный видит, что перед ним — истинный сын Высоких Грид.

С трудом удержавшись от недовольного вздоха, Идрис кивнул и принялся подтягивать подпруги. Однако помимо напутствий Якун собирался передать своему воспитаннику ещё кое-что.

— Не опасайся трудностей и ищи приключений — только так воином добывается истинная слава. Но помни, что в Диком лесу многое на самом деле не то, чем кажется. Я добавил к твоей поклаже путевой амулет. Если тебе случится заплутать, обратись к нему: стрела всегда укажет жалом на полночь.

— Благодарю тебя, почтенный, да пребудет с тобою милость Небесного Воина, — отозвался Идрис уже с седла и решительно двинулся к распахнутым воротам. Следом за ним из крепостицы выехали провожающие: княжич Благослав и десяток стражей. Идрис старательно стёр тень раздражения с лица. За посадскими воротами все оставят его, наконец, в покое, и тогда можно будет дать волю собственным мыслям и чувствам, не заботясь о том, как они выглядят со стороны.

У выезда на тракт ольховецкая стража простилась с отбывающим гостем. Десятник передал ему карту Приоградья с ближним Тормом, дорожный талисман, а также подписанный князем пропуск в Рискайскую крепостицу и, пожелав доброго пути, повернул отряд назад, в Ольховец. Зато княжич Благослав и не подумал избавить Идриса от своего общества. Вместо этого он, горяча и без того игривого коня, поравнялся с амиразном стремя в стремя и насмешливо предложил:

— Прибавим? Или твоя кляча не способна на галоп?

Идрис сделал над собой ещё одно усилие. Оставив при себе пожелание Благославу провалиться к Нахе в задницу, он ответил спокойно:

— Тот, кто намерен проехать тысячу перестрелов, не должен изматывать коня скачкой в начале пути.

— Всё понятно. Тайная кравотынская мудрость: тише едешь — дальше будешь. Между прочим, если в Срединном посаде сменить лошадей, то ещё до полуночи можно въехать в Рискайский.

— Уважаемый, ты волен поступать так, как подсказывает тебе твой разум. Я же не намерен посещать Рискайский посад.

— А почему я только сей миг об этом узнаю?

— Потому, уважаемый, что о своих планах амиразн сообщает лишь Небесному Воину и своему амиру.

— Ха! — отозвался Благослав зло и весело. — Да ты нагловат, своячок**!

— Миг назад ты находил мою лошадь недостаточно быстрой***. Да пошлёт тебе Небесный Воин лучшего попутчика, чем я.

И Идрис придержал коня, позволяя княжичу выехать вперёд. Однако тот тоже резко натянул поводья.

— Было б из чего выбирать. Тащусь с тобой только ради того, чтоб моя сестрёнка не овдовела прежде, чем наденет кичу.

— Я не нуждаюсь в охране. А так же в указаниях как, куда и каким аллюром мне ехать.

Благослав улыбнулся уж вовсе недобро.

— Только вот ведь незадача: сам князь Приоградья поручил мне тебя сопровождать.

Терпение Идриса лопнуло.

— Сопровождай, — ответил он резко, затем съехал с тракта, толкнул коня каблуками и ослабил повод. Вороной Агат, с виду действительно мелкий и неказистый, сорвался с места резвым галопом. Несколько мгновений Благослав ошарашенно слушал частый перестук его копыт, а потом, спохватившись, кинулся вдогон.

Выглядевший на учебном поле таким неуклюжим, на деле Адалетов сын держался в седле расслабленно и ловко, а конь его летел по бездорожью так, словно под ногами у него была не луговина, а ровная, подготовленная для скачек тропа. Без тени колебаний конь перемахнул изгородь, обегаящую поле под чёрным паром****, и двинулся по бороздам шаткой иноходью. На какой-то миг Благославу даже показалось, что расстояние между ним и упрямым горцем сокращается, однако едва он сам оказался на распашке, лошадь его, привычная к хорошей дороге, принялась спотыкаться, повисла на поводу, взмокла и сбавила ход. А амиразн на своей худосочной кляче пересёк поле, перескочил с него на стравленное пастбище и помчался прочь. Вскоре только оседающая по конскому следу пыль указывала на то, что недавно тут проехал всадник.

«Ну-ну, — сказал Благослав сам себе, выезжая с поля шагом, через ворота. — Думаешь,

влез на хорошего коня, так уж и никто тебя не достанет? Шалишь, своячок, не уйдёшь».

Никакого приказа сопровождать амиразна Благослав не получал. Движимый любопытством, княжич сам пустился в путь, а теперь только голое упрямство не позволяло ему признать, что горский увалень легко обошёл его в скачке. Зато он точно знал, что единственное безопасное место для переправы через Ночь-реку по эту сторону Ограды — брод на Малой Конной Тропе. Решив, что миновать его Идрису не удастся, Благослав вернулся на Ольховецкий тракт и, хлестнув лошадь плетью, заставил её снова подняться в галоп.

Оставив измученного скакуна в Срединном посаде, Благослав на свежей лошади уже в сумерках домчался до брода. Смотритель переправы как раз зажигал огни у начала гати. Конь княжича обдал его брызгами, и смотритель негромко ругнулся:

— Вот Ящеров хвост... Носятся тут, как ошалелые, и настила им не жаль.

Благослав, услышав его слова, тут же вернулся и спросил, замахиваясь плетью:

— Ты чем-то недоволен, мерзавец? Радуйся, что я не искупал тебя в грязи с головой! А ну отвечай: кто тут ещё нынче носится, кроме меня и тех, кто привиделся тебе по пьяни?

Пряча недовольство за торопливым и низким поклоном, смотритель ответил:

— Извиняйте, господин. Вот только до вас промчался какой-то олух на вороной клячонке: нос, как у ворона, а сам в чёрном полукафтанье, и седло не рыцарское, а пастушьё. Из полян, что ли...

Благослав, не слушая дальше, швырнул смотрителю серебряную монету и галопом помчался на другой берег.

Идриса он догнал перестрелах***** в десяти от Рискайского посада. Тот неторопливо бежал по дороге рядом с лошадьёю, держась рукой за седло. Благослав поравнялся с ним, поехал рядом, нарочно заставляя бегущего глотать пыль из-под копыт. Так они миновали посадские ворота и вышли на Изенский тракт.

— Хорошо бегаешь, сразу виден богатый опыт, — насмешливо заметил Благослав. — Не передумал насчёт посада?

Идрис продолжал двигаться молча.

— А то ещё можно в Волковойню заворотить, там полпиво варят приличное. Я угощу.

Всё так же без единого слова Идрис перешёл на шаг, провёл ладонью по груди и шее своего коня, а потом свернул с тракта в поле и просто пошёл в темноту, в сторону, противоположную заманчивым огням ближнего сельца. Благослав, хмыкнув, свернул следом. В паре перестрелов от дороги Идрис вдруг остановился, ослабил коню подпруги и отпустил его пастись. А сам чуть примял высокую траву на взгорочке и улёгся на неё.

— Эй? — несколько встревоженно позвал Благослав, подъехав вплотную и свесившись с седла. Ответа ожидаемо не последовало: Идрис спокойно лежал на траве, расслабившись и закрыв глаза, и отдыхал, словно был один в целом свете. Благослав тоже спешился, присел рядом и сказал примирительно:

— Да ты на меня не дуйся, я ж так, не со зла. Просто помочь хотел.

— Почему ты решил, что я сержусь? — неожиданно отозвался Идрис. Но глаз не открыл.

— А что ещё можно подумать? Улетел, как ужаленный, и не разговариваешь.

Идрис сел и устало, грустно посмотрел княжичу в глаза.

— Не бери это на свой счёт. Мне так редко выпадает возможность побыть в одиночестве, что я ценю эти мгновения больше алмазов.

Благослав кивнул:

— А я, значит, влез, как свинья, и мешался. Понимаю. И из-за этого ты не пошёл в крепостицу на ночлег?

— Не только. Нет смысла ждать открытия ворот. Ограда ведь не бесконечна, я объеду её берегом Изени, и встречу рассвет на Задворках.

— Скажи-ка честно: ты стараешься ради прелестей моей сестрички или из страха перед собственным папашей?

Идрис снова наглухо замолчал.

— Ладно, ладно, понятно, что у вас такое не принято обсуждать. А всё-таки твой папаша — это нечто. Все эти молитвы, ежедневные формы с оружием и в конном строю... Я бы от такого давно смылся, куда глаза глядят.

— А куда? — вдруг спросил Идрис.

— Что «куда»?

— Куда глядят твои глаза, княжич Благослав?

— Просто Благ, хорошо? А то я чувствую себя каким-то напыщенным болваном. Дал же родитель имечко, прости Маэль... Я бы уехал в Элорию и поступил учеником в одну из закрытых школ фехтования. Учиться по-настоящему, понимаешь? Не талдычить изо дня в день одни и те же всем известные формы, а заслужить право узнать древние секреты школы, стать мастером клинка... Но теперь мне по-любому ничего не светит: кому нужен однорукий калека. И так-то пришлось самому переучиваться с азов, разрабатывать левую руку.

— Как это вышло? — спросил Идрис, скользнув взглядом по зашитому правому рукаву Благослава кафтана.

— Пустяки, дурацкая стычка. Ящер бы побрал того докторишку... Кто ж знал, что он окажется столь прытким? А впрочем, я и сам виноват, нечего было лезть под юбки ко всяким загридинским дурам. Все бабы одинаковы: сперва поманит, а потом в крик. Ну, ты знаешь, о чём я, — Благослав многозначительно покосился на Идриса, и, наткнувшись на абсолютно непонимающий взгляд, тут же спросил насмешливо: — Или у вас, в горах, такого до обручения знать не положено? Да ты вообще бабу хоть раз без рубашки видал?

— Видал, и не раз, — ответил Идрис резко, поднялся с земли и свистнул своему коню.

— Ну вот, опять надулся, как мышь на крупу. Кравотынское Высокогорье — край унылых зануд. Эй, ты куда?

Но Идрис не пожелал отвечать. Вскочив в седло, он молча направил коня к темнеющему неподалёку краю Дикого леса.

— Да и Ящер с тобой, — буркнул Благослав и отправился ловить свою лошадь.

Это оказалось не самым простым делом: взятый в Срединном посаде конь не спешил подпускать к себе малознакомого всадника. Благославу пришлось изрядно побегать, прежде чем он сумел схватить хитрую скотину за повод. Наконец, поднявшись в седло, он собрался повернуть к Рискайскому посаду и уже всерьёз раздумывал над тем, какую бы лапшу навесить на уши стражу у ворот, чтобы тот впустил его внутрь до рассвета. Но вдруг из темноты, как раз с той стороны, куда уехал Идрис, раздались звуки боя: свист стрел, заполошный пререстук конских копыт, звон металла о металл...

Не колеблясь ни мгновения, Благослав выхватил саблю из ножен и с громким воплем «Геть, козлы!» ринулся к опушке. Всё оказалось предельно просто. Увидев Идриса, разбойники, спокойно покуривавшие под деревьями в ожидании утра, едва не обалдели от

радости: одинокий путник сам лезет в их логово во время, когда стража видит десятые сны! Правда, кольчуга на незнакомце оказалась куда лучше, чем понадеялись лесные работнички. Вскользь получив охотничьей стрелой по груди, Идрис первым делом спрыгнул с седла и отпустил коня. Агат привычно отбежал в сторонку, а его хозяин вытащил из ножен меч и кинжал и приготовился дорого продать свою жизнь. Однако компания под деревьями тоже была настроена решительно, и кто знает, чем бы закончилась схватка, не подоспей на выручку Благодослав. Врезавшись в свалку, он сразу смёл с ног конём одного из разбойников, зацепил саблей по шее другого, а потом протянул Идрису руку. Тот вскочил на конскую спину позади седла, и через миг они уже мчались прочь по лесной тропе, а за ними с громким ржанием скакал верный Агат.

Их не преследовали. Чуть отъехав от разбойничьей засады, они притормозили, и Идрис, к великой радости Благодослава коня, пересел на собственную лошадь. Уже с седла он поклонился своему спасителю, как старшему, и сказал:

— Отныне я твой должник. Прости мою прежнюю непочтительность, брат.

Благодослав небрежно отмахнулся, поторапливая коня.

— А, не парься, братишка. В лесу иначе нельзя: нелюди по одному сожрут. Кстати, беру назад все свои слова насчёт ваших утренних упражнений. Ты молодец. Кого другого успели бы в лоскуты порвать.

— Позволь не согласиться. Не было там ничего опасного. Пятеро хмельных дураков без доспехов, дубинка, скверный охотничий лук, два кинжала да старая полянская сабля. Не подоспей ты, они, скорее всего, просто оставили бы меня в покое, позволили пройти. И трое из них остались бы живы.

Примечания:

* Подперсье — нагрудник, часть конского снаряжения, ремень, охватывающий грудь лошади спереди и удерживающий седло от сползания назад при езде на подъёмах.

** Свойак — муж сестры.

*** Слово "наглый" прежде использовалось в значении не только "нахальный", "дерзкий", но и "быстрый", "внезапный".

**** Поле под чёрным паром — это земля, свободная от возделываемых культур на сезон, в течение которого её распахивают, удобряют и содержат в чистом от сорняков состоянии.

***** Перестрел — дOMETрическая мера длины, расстояние, примерно равное полёту стрелы (~ 60–70 м).

Игла в стоге сена

С первыми лучами Ока на Задворки из леса выехали два всадника. Кони их еле плелись, повесив головы, да и седоки выглядели не многим лучше: глаза у обоих слипались от усталости, а одежды покрывала дорожная пыль. Возле криницы они остановились, чтобы напоить коней. Младший спешил и начал общим ведром наполнять водопойную колоду.

— От, не было печали: припёрлися из лесу, и сразу им воды подай. А кому другому — жди, покудова не посинеешь, — возмутилась одна из толпившихся у колодца тёток. — В очередь ставать надо, а не лезть дуром!

— Да ладно тебе, Дивовна, не шуми, — тут же подала голос её соседка. — Парнишка, вишь, и так еле на ногах держится, куда ему в очередь.

— По ночам спать надобно, а не у Бодуна ошиваться, тогда и ноги держать будут, — не унималась вредная тётка. — А энтот чего расселся? Молодого, значит, запряг, а сам с седла

поглядывает? Слышь ты, крендель!

— Окстись, — тут же влезла щуплая старушечка с козой на верёвке, — У няго, вишь, с рукой чойто, хворый он...

— Иди сюда, почтенная, напои свою козу, — позвал парень с ведром.

Старушка, стоявшая в самом конце длинной вереницы тёток, аж прослезилась.

— Ах, сыночек... Храни тя Маэль.

Но стоило ей двинуться с места, какая-то могучая бабища ухватила её за шухпан*.

— Куды? Она только пришла, а я туточки с самой зорьки торчу!

Всадник, так и не покинувший седла, повернулся в сторону разгорающейся склоки, погладил рукоять плети и рявкнул резко, тоном человека, привыкшего к послушанию окружающих:

— Цыц, дуры!

Робкие испугались, наглые оторопели, и на миг даже повисла тишина, сквозь которую стал слышен шум с конного торгова. Всадник кинул быстрый взгляд вверх голов и спросил у ближайшей тётки:

— Что у вас там?

— Торгуют, — ответила та.

Всадник поморщился недовольно.

— Да нет же, я не про торг. Что за подворья? Кто хозяйева?

Тётка задумалась, глупо моргая глазами, но стоявшая рядом юркая молодлица с двумя ведрами на коромысле тут же встряла из-за её плеча:

— То Задворный посад, а по простому — Задки**. А уж кто там хозяйвствует, думай сам, красавчик.

Вокруг засмеялись и зашушукались, с интересом ожидая, чем ответит пришлый молодец. Тот хитро улыбнулся, достал из кошеля медную монетку и, метко запустив ею молодке в ведро, заявил:

— А ну, подходи ближе! Какая будет отвечать складно и занятно, не с пустым ведром домой пойдет.

Чужака мигом обступили плотным кольцом.

— Спрашивай, коли не шутишь! — слышалось со всех сторон.

— Вон то что за домина с зелёными воротами?

— Старосты двор, торгового смотрителя.

— А чего ж у его хоромины теремок маловат, да и тот покосился?

— Дык каков большак, таковы и хоромы: тушу наел знатную, а судит-то криво!

— А вот там чейное подворье, с козьей башкой на воротах?

— Прокла Дерюжки, — бодро откликнулись из толпы. — Он у нас мужик ушлый, свою выгоду понимает: башка козья на проулке, зато вымя во дворе.

— И много у этого хитреца коз?

— Да одна, та самая, что на воротах. Уж три круга, как издохла.

— А что за двор с колесом над калиткой?

— То Глузда Колёсника подворье. Он у нас мастер знатный: одно колесо починит, да два поломает.

— А на синих воротах что за драная кошка изображена?

— Да ты, сударь, никак, глазами слаб? То не кошка, а горноста́й! Так лекаря нашего кличут.

— И что, хороший лекарь-то?

— Да как тут враз обскажешь? Ума-то у него палата, да ключ, вишь, потерян.

— А звать вашего лекаря как?

— У него имя не нашинское, такое, что без полгуся*** не упомнишь.

— Как же его хозяйка обходится?

— А она у него сама тоже пришлая, и вообще, оборотница!

— Ведьма!

— И глазищи у ней бесстыжие, белозорые!..

Пока Благослав забавлялся злыми шуточками языкатых задворных тёток, Идрис терпеливо работал. Напоив своего коня и козу старушки, он снова наполнил колоду для мальчонки с пятью козами, налил воды в кувшин тихой пожилой тётке из полян, потом — в вёдра девушкам, наряженным по-тормальски. В благодарность каждая украсила рукав его чекменя косицей из разноцветных нитей. После к колоде подошла молодая женщина в простенькой кичке и сером запоне. На коромысле у неё висели два непомерно больших ведра. Настороженно косясь в сторону Благослава сборища, она принялась торопливо набирать из криницы воду собственным ковшом.

— Не спеши, уважаемая, — с почтительным поклоном сказал ей Идрис, — дай воде подняться, а мути — осесть.

— Мне ждать несподручно, — хмуро ответила молодка, — успеть бы раньше, чем те сороки налетят. Муть-то и дома отцежу...

Идрис не стал спорить. Он помог тётке наполнить её огромные вёдра, а потом спросил:

— Где тот, кто понесёт для тебя воду?

— Сама справлюсь. У меня слуг нема: муж в лесу, а на подворье один старый дед, что от ветхости уж о собственные ноги запинается.

— Плох дом, где женщине приходится работать хуже осла, — серьёзно заметил Идрис, взял у тётки коромысло и с трудом поднял себе на плечи. — Показывай, куда нести, уважаемая.

Тётка пару мгновений смотрела на него изумлённо и недоверчиво, а потом, сообразив, что это не обман и не шутка, всплеснула руками:

— Идём скорее! Тебе ж тяжело!

Узнав всё, что хотел, Благослав обернулся — и не увидел Идриса возле криницы. Покрутив немного головой, княжич обнаружил свою пропажу в проулке посреди Задворного посада: амиразн тащил коромысло с полными вёдрами, его конь послушно плёлся следом за хозяином, а какая-то тётка, видимо, хозяйка вёдер, шла рядом и без устали что-то лопотала. «Во даёт, шельмец, — подумал Благослав. — Стоило отвернуться — уже бабу подцепил, и девки его всего обережками увешали. Ну и кто говорил, что кравотынцам что-то там вера запрещает?»

Он кинул тёткам горсть медяшек, подхлестнул усталого коня и поехал догонять своего попутчика. А тот уже добрался до ворот с кошкообразным горностаем, и тётка торопливо стучала ковшом о калитку.

— Поехали отсюда, я всё выяснил, — бросил Благослав, подлетев к отворяющимся воротам. Идрис, не обратил на его слова ни малейшего внимания, молча шагнул на лекарев двор.

— Эй, оглох? — возмущённо крикнул ему вслед Благослав. Но тут вдруг из-за створки ворот показался сухонький седой дедок в виды видавшем, но до сих пор узнаваемом

подколыужнике Пригородного гарнизона. Подслеповато прищурившись на всадника у ворот, он охнул тихонько, а потом браво выпрямился и поприветствовал Благослава почти по-строевому:

— Здравия желаю, светлый княжич!

Гостеприимство отставного гарнизонного стрелка оказалось очень даже кстати. Хоть Благослав и выяснил у тёток, что загридинский лекарь вместе с женой ещё вчера ушли в Рискайскую крепостицу, никто не мог указать точно, каким путём они туда направились. Зато старик Серый Гусь сразу выложил всё, что знал, без утайки.

— Вчерась Лад проводил хозяев до Грязнопольской вешки. Стал быть, они ночевать должны бы нынче у Лисьих Нор, а ко второй утренней склянке — зайти в Рискайские ворота.

— Вот видишь, — заявил Благослав Идрису, — я же говорил: надо было ехать в Рискайский посад. И выпались бы, и Красу перехватили. Теперь лови её по всему Приоградью...

— Ну, это-то ещё бабушка надвое сказала, — заметил, нахмурившись, дед Мирош. — Торм место непростое, любые планы смешать может.

— Тем более. Значит, ещё не всё потеряно. Надо как можно скорее ехать к Рискайским воротам, и если Нортвуды там не появлялись, ждать их на месте.

— Нет, — твёрдо сказал Идрис. — Я должен идти по их следу. Что если они передумали идти в Рискайский посад или просто сбились с пути? Почтенный, как добраться до этой Грязнопольской вешки?

— Эх, грехи мои тяжкие... Круг назад я б с вами сам пошёл, а теперь уж ноги не держат... Карта-то есть? Давай сюда.

Хоть ноги и глаза, и впрямь, уже не слишком хорошо служили старику, память у него оказалась просто кристальная. Пока Радка щедро заворачивала путникам в дорогу олады и пироги, дед Мирош вывел на карте Идриса нужные стёжки и отметил основные развилки. Заодно он каждому из парней выдал по рогожному башлыку, объяснив необходимость их просто и понятно: «Время самое зубаточье. Набьются под одёжу да в волосья — заколдобисься выбирать». А ещё, заметив, как Идрис, сидя на лавке, клюёт носом, он настоял на том, чтобы перед выходом в дорогу тот прилёт хоть на склянку**** отдохнуть. И пускай отдых этот был совсем незначительным, всё же благодаря ему и Идрис, и Благослав, и их лошади чувствовали себя, выходя из посада, куда лучше и бодрее, чем при въезде в него.

К полудню дошагав до Лисьих Нор, они выяснили, что целитель с женой там не появлялись. Было решено оставить лошадей под присмотром хуторян и вернуться в лес для поисков: по дороге от Грязнопольской вешки до Лисьих Нор имелось по крайней мере три развилки, на которых Нортвуды могли свернуть с намеченного пути. Первая развилка имела всего два ответвления. Разделившись, Благослав с Идрисом проверили оба, и при встрече обменялись неутешительными новостями: лекаря с женой никто на этих стёжках не видел.

Вторая развилка «порадовала» сразу четырьмя неразведанными стёжками. Все они начинались от пары высоких сосен, красиво раскинувшихся на взгорке. Уговорившись в случае неудачи устроить под этими сосенками привал, стали выбирать, которую из стёжек исследовать первой. Благослав подобрал с земли сосновую шишку, пометил её бок ножом, подкинул, но посмотреть, куда укажет метка, не успел. С одной из стёжек вдруг донеслось отдалённое пение. «Там люди! Туда!» — воскликнул Идрис, вскочил на ноги и почти бегом устремился на звук.

Несколько раз Идрис сворачивал на мелкие стёжки, ответвляющиеся от их тропы, и

Благослав едва успевал оставлять заломы на ветвях кустов, чтобы после по ним отыскать дорогу назад. Чем ближе они подбирались к неизвестным певцам, тем яснее делалось, что песня их вовсе не из тех, что поются для радости и дружной работы. Мотив был нетороплив и тягуч, а слова походили бы на провожальные, если бы не было в голосах нарочитой печали.

— Укатилось красное солнышко

Да за горы за высокие,

Да за лёсушка дремучие,

За облачка оно да за ходячие,

Часты звезды за поднебесные, — выводил тоскливо высокий женский голос, а другие подхватывали его стройным хором.

— Что это? — спросил Идрис, напряжённо вслушиваясь в доносящиеся из леса слова.

— Хоронят кого-то, — тихо пояснил Благослав. — И ведь навстречу к нам идут. Дурная примета, надо сказать. Да и спрашивать у плакальщиков что-либо не получится, всё равно не ответят.

Похоронная процессия неожиданно показалась из-за поворота. Впереди шла рослая, немолодая уже женщина в тёмном платке. Именно её голос, высокий и чистый, вёл плач. За ней следом тащили носилки и гурьбой шли девушки, тоже одетые в тёмное, с маленькими букетиками из колосьев и лесных трав в руках. Они хором подхватывали за плакальщицей и повторяли каждую строку:

— Уж последний я разок тебя да омываю,

Уж последний разок я тебя да снаряжаю,

И последний раз я тебя да одеваю,

Черну голову тебе да зачёсываю,

Уж кладу я тебе да в праву рученьку,

В праву руку да я белой платок.

А во леву руку да расчѣсточку:

Умываться тебе там да причѣсываться,

А чесать тебе кудри чѣрныя,

Чѣрны кудри тебе да укладывать,

Не для красной девушки да не для милой жѣны...

Благослав поспешно отступил с тропы, освобождая путь. Идрис последовал его примеру. Но если княжич, много раз видевший подобные сцены, привычно опустил взгляд и зашептал молитву Благих Земель, осеняя себя охранными знаками, то его спутник не сдержал любопытства и продолжил разглядывать поющих людей. Когда мимо пронесли носилки с телом, Идрис вдруг толкнул Благослава в бок и спросил встревоженно:

— Что они собираются делать с этим юношей? Куда его несут?

— Тише ты. Скинут в какое-нибудь озеро или болото поблизости.

— Послушай, а ведь он ещё жив. Я видел, он дышал.

— Что тебя удивляет? У лесного отребья вполне в обычае так избавляться от стариков, лишних детей и безнадёжно больных.

— Знаешь, что? Так быть не должно. Это неправильно. Я пойду с ними.

И Идрис решительно пристроился к хвосту процессии. Благослав, ящерясь про себя, побрёл следом.

Шествие закончилось возле маленького лесного озерца, затянутого ряской и окружённого старыми плакучими ивами. К ужасу Идриса, тормалы сделали именно то, о чём

говорил Благослав: носилки с умирающим опустили на воду. Девушки принялись по очереди подходить, высоко подбирая подошвы, и класть рядом с ним свои букетики, а потом главная плакальщица оттолкнула носилки от берега длинной жердью и просто пошла прочь. А остальные, не оборачиваясь, молча двинулись за ней.

Не раздумывая больше ни мига, Идрис кинулся в озеро. Вода в нём, несмотря на травостав и жару, оказалась холодной, словно горный лёд. Ухватив уже начавшие тонуть носилки, Идрис изо всех сил потянул их к берегу. Плеск стоял такой, что не слышать его было невозможно, но никто из тормалов не вернулся посмотреть, что произошло.

Носилки пришлось бросить. Кое-как выбравшись на пологий, топкий берег, Идрис выволок за собой и несостоявшегося утопленника. Благослав хоть не полез помогать ему в озере, но времени тоже даром не терял: он уже собрал на сухом месте кучку хвороста и затеял костёр. Но прежде чем греться и сушиться, следовало выяснить, можно ли чем-нибудь помочь тому, кого Идрис избавил от водяной могилы.

Неизвестного уложили на сухое и ровное место. Он, действительно, дышал, но редко и слабо, и руки у него были холодные, словно лапы лягушки.

— Странно, — сказал Идрис, внимательно рассматривая узкую и нежную кисть незнакомца, ощупывая его изящные длинные пальцы. — Эти руки никогда не знали тяжёлой работы.

— Ничего странного, — уверенно заметил Благослав, разглядывая спасённого через плечо Идриса. — Этот парень — не тормал, а загридинец, причём из благородных. Это у них принято чисто брить лицо и отращивать патлы ниже плеч. Тьфу ты, впору с девкой перепутать... А ещё мне кажется, что вряд ли так уж много загридинцев нынче шляется по Занорью. Это Нортвуд. Но тогда спрашивается: где его жена? У меня зреет ощущение, что мы ищем иголку в стоге сена. Причём была ли она в этом самом стоге — большой вопрос.

Примечания:

* Шушпán — старинная верхняя туникообразная женская одежда в виде широкой рубашки с короткими рукавами. Носился в основном с понёвным комплексом (рубаха, передник или запон, понёва) — надевался на рубаху сверху для тепла и красоты.

** Задок — просторечное название отхожего места.

*** Гусь — примерно 3 литра. У тормалов полгуся — обычная тара при продаже самогонки.

**** Склянка — название песочных часов с двухчасовым ходом, используемых в крепостицах Приоградного гарнизона: каждый второй поворот часов дежурный по крепостице сопровождал ударом в колокол.

Козлиный нрав удачи

Мало было вытащить мага из воды, теперь следовало его ещё и отогреть. Прежде всего с него сняли мокрую одежду, размотали повязки. Едва глянув на то, что скрывалось под ними, Благослав скривился:

— Фу, ракш возьми! Ну и вонища... Зря возимся, с такими дырами он всё равно сдохнет.

Идрис в ответ пожал плечами и с невозмутимым видом отправил измаранные кровью и гноем бинты в костёр. Однако заменить их было нечем, так же, как и одежду. К тому же Идрис сам промок до нитки.

— Давай, скидывай всё, отожмём да подвялим над костром, — предложил Благослав. — И нечего на меня делать вот такие глаза. Уж лучше коротко побыть голым, чем долго — сопливым.

— Сперва надо с загридинцем разобраться, — хмуро ответил Идрис, кивая на Венсея. Благослав с тяжким вздохом стащил с себя кафтан и рубашку.

— На, возьми для него.

Венсея кое-как завернули в сухое и уложили у костра на кучу ивовых веток. Идрис помаялся ещё немного и тоже решил раздеться. При этом он явно чувствовал себя неловко и настороженно косился на Благослава. Тот только посмеивался над такой неуместной стеснительностью. Сам он не находил ничего предосудительного в том, что кто-то увидит его без рубахи. Однако стоило Идрису выпутаться из подштанников, в ближайших кустах зашуршало. Послышались голоса и тихие смешки, а потом к костру вышли две женщины. Одна, рослая, нескладная, густобровая, носила под платком девичью повязку. У другой, маленькой, кругленькой и курносой, на голове была кичка с невысокими рожками. Идрис, невнятно ругнувшись, поспешил обернуть вокруг бёдер свою мокрую рубаху, а Благослав спрятал за спину искалеченную руку.

Увидев парней, обе тормалки радостно заулыбались. Та, что в кичке, подошла к Идрису и сгрузила ему под ноги две войлочные скатки, два плотно увязанных плаща и заплечный мешок.

— Вот, это всё Горностаева поклажа, — сказала она с весьма довольным видом. — Тётка Догада велела в Стрынь кинуть, но вы ведь и так возьмёте, верно?

Идрис, вздохнув с явным облегчением, схватил один из плащей. Однако, исполнив поручение неведомой Догады, настырная тётка и не подумала уйти. Вместо этого она принялась внимательно рассматривать с ног до головы сперва Идриса, чем живо вогнала его в краску, а потом Благослава. Тот в свою очередь с удовольствием разглядывал её: она была совсем молоденькая, румненькая и пухленькая, как свежий оладушек. На тётку, похоже, тоже произвёл впечатление Благославов поджарый и мускулистый торс. Наивно таращась на него во все глаза, она спросила:

— Вы ведь этлы, да? — и, не дождавшись ответа, уверенно заключила: — Ну конечно, а кто ж ещё. Миленькие, поцелуйте Отавку! Ну пожалуйста, что вам стоит! Она хорошая, вот Свят Маэль, только ей чутка удачи надо, а то замуж совсем не зовут.

Отавка согласно закивала головой, показав в улыбке крупные кривые зубы. Благослав покосился на неё с сомнением. Не то чтобы ему было жалко поцелуя для хорошей девушки, но в привлекательности она явно уступала своей замужней товарке. Посчитав молчание за согласие, та схватила подругу за руку и подтащила вплотную к Благославу. Отавка зажмурилась и смешно вытянула губы трубочкой. Благослав сделал над собой небольшое усилие, осторожно обнял это неуклюжее костлявое создание и шепнул ей на ухо: «Не так, малышка. Идём-ка за ракиту, я тебя научу».

Пока Благослав восполнял пробелы в образовании Отавки, её подруга с интересом наблюдала за Идрисом. Тот, как следует завернувшись в плащ, исследовал содержимое Венселевой котомки.

Свёрток с протухшими пирогами немедленно отправился в озеро. Остальные вещи Идрис разложил на траве. Четыре флакончика с разноцветными жидкостями не были подписаны, поэтому их он сразу отодвинул в сторонку. Зато крупный кристалл, упакованный в отдельную шкатулочку, весьма его заинтересовал. Камень был прозрачен и чист, словно ключевая вода.

— Ой, что это? — робко спросила тётка.

— Лёд-камень*. Говорят, он способен ускорить заживление раны и унять жар, — Идрис

осторожно провёл своей находкой над раненой ногой Венселя. Кристалл вдруг ожил, наполнился изнутри мягким серебристым светом. Тормалка ахнула и испуганно прижала ладошки к румяным щекам. Амираэн же ничуть не удивился: в мастерских Кравотыни гранили и полировали самоцветы, в том числе по заказам магов, так что ему случалось прежде видеть «заряженные» силой камни и наблюдать, как они работают. Светящийся кристалл он вложил в руку Венселю и пристроил у того на груди. Сперва казалось, что ничего не происходит, потом дивное сияние стало понемногу убывать, и наконец, совсем исчезло, а сам камень рассыпался в мелкий серый песок. Зато Венсель слегка порозовел и задышал спокойно и ровно. Тень близкой смерти исчезла с его лица, теперь он больше походил на спящего глубоким сном.

— А я знала, что вы его обязательно спасёте, — сказала тормалка, осторожно погладив Венселя по щеке кончиками пальцев. — Ему помирать никак нельзя, его жена ждёт.

— А где же она? — спросил Идрис с тайным трепетом, боясь вспугнуть свою удачу.

— Улятеля с ухокрылами. Она ведь не хотела, но муж велел, я слышала. Утречком села в сеть, а уши её хватать за края — и в небо.

«Бесполезно, — подумал Идрис. — Или это какая-то шутка, или я неверно понимаю то, что говорит эта женщина. Придётся всё-таки довести беднягу Нортвуда до лекаря. Возможно, вскоре он сам расскажет, где искать его жену».

Когда обе тормалки убрались, наконец, восвояси, Идрис поспешно натянул на себя ещё влажную одежду, а вещи Венселя вывернул наизнанку и снова развесил вокруг костра. Потом переложил раненого на войлок и прикрыл вторым плащом. Исполняя всё это, он уже который раз подивился хилому сложению загридинца. Не то чтобы тот выглядел тощим, голодать этому парню явно никогда не приходилось, но он был довольно узок в кости, и особой крепостью мышц не отличался... Впрочем, это наводило на мысли, что его будет не так уж тяжело тащить на себе до Лисьих Нор.

У Благослава, как ни странно, после ухода Отавы заметно испортилось настроение. Он достал из сумки гребень, уселся на берегу озера и в мрачном молчании принялся тщательно вычёсывать свою густую шевелюру. Потратив достаточно времени на раздумья о том, уместно ли отвлекать его от этого занятия, Идрис всё же решился и впервые со дня знакомства заговорил с Благославом сам:

— Женщина из леса назвала нас этлами. Что это значит?

Благослав откликнулся не сразу.

— Ничего особого, просто тормальские байки. Этлами здесь зовут духов-хранителей леса. Считается, что от их благосклонности зависит урожай и приплод скота. Заодно среди лесных дур ходит поверье, будто поцелуй этла добавляет красоты и удачи.

— Но ведь мы с тобой — обычные люди...

— В том-то и дело, что, показываясь людям, этлы принимают вид таких же обычных людей. Ну, разве что красивых и очень удачливых.

Идрис недоверчиво поджал губы. Благослав спросил насмешливо:

— Думаешь, не тянем?

Сам он находил свою внешность весьма привлекательной, хоть далеко не все встречные барышни разделяли это мнение. А вот Идрис не был столь самоуверен, и потому кивнул в ответ на вопрос.

— Ну и зря. А, ракш подери! — сняв что-то с гребня, Благослав поспешно сбросил свою добычу в воду. — Вот стоило оно того? Удовольствия чуть, зато вшей нацеплял... Так я о

чём? Эти две курицы — они же кроме своего хутора и работы на износ ничего не знают. За всю жизнь хорошо, если хоть по разу сходили на ближайший торжок. Что они видят вокруг? Дикость да нищету. Им парни из стражи все красавцами кажутся по сравнению с лесными недокормышами. А тут ты такой: чистый, гладкий, да ещё и амулет включил. Как есть — этл.

— Хм... Не хотелось их обманывать.

— Да ладно, пускай радуются. Тебе жалко, что ли? Эта пышечка, которая с тобой оставалась, между прочим, миленькая. Ты её хоть потискал? Нет? Напрасно. Молоденькая совсем, ей кругов пятнадцать, не больше. К двадцати они уже обычно заморёные тётки со стадом детей, а к тридцати — уродливые старухи. Это кто дожил.

— Жуть какая, — сказал Идрис, поёжившись.

— Ага. Так что по уму лесовики должны были бы молиться на этого чокнутого Нортвуда за то, что он шляется по их хуторам, лечит... А они его — в Стрынь.

— Стрынь?

— Озеро так называется, мне Отавка сказала. Лесовики считают, что здесь живёт хранитель Занорья.

Идрис сразу нахмурился и заозирался по сторонам:

— В таком месте костёр жжём... Хранитель не рассердится?

— Э, да ты не заморачивайся всякими глупостями. Просто на дне озера бьёт холодный ключ, а местные заметили и напридумывали всякой чуши. Дикари...

Око начало клониться к виднокраю, стало заметно прохладнее, а одежда Венсея так и не высохла до конца. Поэтому было решено тащить его в Лисьи Норы как есть, завёрнутым в плащи, привязав за края к палке, словно тушу убитого оленя.

До места добрались довольно ходко. От Лисьенорского торжка дело пошло ещё лучше: Торговая Тропа позволяла ехать верхом, а жердь с привязанным к ней Венселем подвесили между лошадьми.

К Рискайской крепостице подъезжали уже в сумерках, без особой надежды попасть в посад до закрытия ворот. Однако, несмотря на позднюю пору и надвигающуюся ночь, ворота оказались нараспашку, а вокруг них недовольно шумела целая толпа. Народ ворчал и ругался, фыркали кони, плакал чей-то младенец, блеяли козы...

— А ну поберегись! — гаркнул Благослав, прокладывая конём дорогу через эту людскую реку. — Освобождай проезд, чтоб тебя!

— А некуда там проезжать, уважаемый, — спокойно заявил мужик с котомкой, и не подумав сдвинуться с места. — Не пуцают.

— Это всякую голь вроде тебя «не пуцают», — отрезал княжич, подтверждая свои слова кнутом, — и правильно делают. А у меня — подписанный князем пропуск. Дорогу!

У случившегося рядом торговца шарахнулся конь, впряжённый в возок.

— Куды кнутом машешь, злодей! — возмутился он. — Люди ж вокруг!

— Куда надо! Держи свою клячу, бездельник! Княжья сыскная служба! В сторону, ракшасьи дети, в сторону!..

Идрис ехал следом и не знал, куда глаза девать: с одной стороны, вести себя так совсем не годилось, но с другой... Благославова вопиющая наглость расчищала путь быстрее и надёжнее любых вежливых посулов и уговоров. Стоявшие впереди ворчали, но расступались, а сзади даже давали советы:

— Народ! Пропустите вы уже этого ненормального, пусть ему служаки по щам навесят!

Наконец, конь Благослава оказался у ворот. Проезд, и впрямь, был наглухо перекрыт: между створами стояли четверо стражей. Благослав направился к ним, но пропустить его никто и не подумал.

— Поворачивай, закрыто, — спокойно сказал старший поста.

Благослав сунул ему под нос пропуск Идриса и двинулся было вперёд, но конь его тут же наткнулся грудью на древко копья, перекрывающее въезд, и остановился.

— Какого Ящера?

— Въезд в город временно закрыт, — устало сообщил страж. — Распоряжение княжича Милослава.

— А у меня пропуск, подписанный самим князем Радогостом.

— Ваш пропуск разрешает въезд в любое время со стороны посадских ворот. Вот и езжайте к посадским.

Благослав, никогда не отличавшийся терпением, рывкнул, напирая на стража конём:

— Одар, собака страшная, нечего делать вид, будто ты меня не признал! Пропусти, а то пожалеешь!

— Да признал конечно, господин княжич. Только как по мне, так вам в Торме самое место: свежий воздух, простор, никаких мостовых**... А в посад нельзя, закрыто.

— Уважаемый, — подал голос Идрис, — позволь узнать, с чем связан запрет?

— Беспорядки на въездной площади. Княжич Милослав ведёт переговоры с нарушителями. Как только будут даны соответствующие распоряжения, всех впустят. А пока извольте ждать, господин. И освободите межстворное пространство.

За спиной начали злорадно похихикивать.

— Дело в том, — терпеливо объяснил Идрис, — что у нас при себе раненый в очень скверном состоянии. Может ли его осмотреть гарнизонный целитель?

Одар скользнул по висящему на жерди свёртку кислым взглядом.

— Разворачивайте. Если и впрямь что-то серьёзное...

Но стоило ему увидеть, кого именно привезли в нелепом свёртке из плащей, всё изменилось, словно по волшебству.

— Барышня? — воскликнул он удивлённо. И сразу же позвал через связной браслет: — Рискайская Торм — перевязочной!

— На связи, — отозвались ему.

— Пригляд, вали к воротам, и короб свой прихвати. Живо, бегом.

Примечания:

* Лёд-камень — горный хрусталь.

** Одар намекает на то, что княжич Благослав неоднократно нарушал запрет на езду вскачь: деревянные мостовые легко разбиваются кованными копытами, и потому в городах Приоградья для всех, кроме срочных посыльных, действует предписание передвигаться по мощёным улицам не резвее шага.

Адалетова тайна

Травостав незаметно подобрался к середине. Стояла тёплая и светлая ночь, из тех, что в народе зовут воробьиными: ещё не потускнели последние отсветы заката, но светлая полоса на восходе уже предвещала зарю, и птичий хор приветствовал её на разные голоса. Вскоре должен был народиться новый погожий и жаркий день.

По Ольховецкому тракту неторопливо двигался княжий поезд: пять повозок и отряд верховых. Княжичу Милославу было привычно так странствовать по своим владениям,

ночная прохлада и отсутствие на дорогах дневной суеты делали, на его взгляд, путь приятнее и проще. От обычной поездки нынешнюю отличало лишь одно: людей в эту ночь сопровождали ухокрылы. Целая стая крылатых тварей вилась над поездом, оглашая окрестности пронзительными, резкими воплями, а самый крупный, тёмно-бурый, щедро присыпанный сединой и украшенный множеством шрамов, неподвижно замер на крыше одной из повозок. Вождь клана, сам Инукай.

Внешне он выглядел таким спокойным, почти не опасным... Только чутко трепещущие ноздри да уши, ловящие каждый звук, говорили о том, что Инукай не спит. Одно неосторожное движение, опрометчивый взгляд или звук — и острые, как кинжалы, когти, пробив полог, вонзятся в тело пленницы.

Княжич Милослав ехал верхом рядом со своим странным гостем и обдумывал про себя сложившееся положение дел. Прошедшие два дня принесли ему много хлопот. Когда срочный гонец сообщил, что Рискайскую крепостицу захватили неведомые крылатые твари из Торма, Милослав не сразу поверил донесению. Сперва он решил, что парень что-то напутал сгоряча или просто пьян. Потом — что рискайский взводный повредился рассудком. Но уже к полудню в Городец толпой привалили беженцы из пострадавшего посада и ближних к нему сёл. Каждый рассказывал о нашествии гигантских летучих мышей, за единое утро уничтоживших всё живое в крепостице. Слухи множились, обрастали завиральными подробностями, и вскоре сделалось ясно, что без личного посещения невозможно отделить правду от домыслов перепуганных беглецов.

Истина оказалась невероятнее любых слухов. Из докладов вполне трезвых и здравых разумом взводного и дежурного по крепостице следовало, что на рассвете в их внутренний двор внезапно опустилась стая крылатых нелюдей числом в пятнадцать морд. Стража видела их и даже пыталась отпугнуть, но расстрелять незваных гостей на подлёте не рискнула, потому что они несли с собой человека, завёрнутого в охотничью сеть. Спустившись на землю, крылатые подняли невероятный галдёж, но нападать на людей не спешили, поэтому взводный на всякий случай приказал закрыть ворота крепостицы и попытался выяснить, с чем к нему пожаловали столь необычные посетители.

Сделать это оказалось не так уж просто. Крылатые размахивали когтями и орали все разом, причём понять что-либо из их выкриков было решительно невозможно, а единственное существо, способное изъясняться по-человечески, принесённая в сети девушка, только плакала и твердила, что кому-то в лесу срочно нужна помощь. Оценив обстановку, взводный отправил в Городец вестового, а потом распорядился вытащить для ухокрылов на двор водопойную колоду и разделать несколько кур. Пока крылатые ели и пили, установилось хоть какое-то подобие тишины, и это позволило поговорить с девушкой без помех. Она рассказала, что ухокрылы вовсе не хотят людям зла, но ей не подчиняются и не понимают человеческих слов. Они просто должны были доставить её в Ольховец, но ошиблись крепостью, и теперь нет никакой возможности объясниться с ними, чтобы продолжить путь. К сожалению, единственный гарнизонный маг, целитель Пригляд*, не обладал способностью понимать речь нелюдей, и потому дальнейшие переговоры пришлось отложить до прибытия в крепостицу княжича и сопровождающего его господина дэль Ари.

Мастер Мерридин вышел к крылатым гостям. Вернувшись, он рассказал историю, больше напоминающую тормальскую сказку, чем творящиеся сей миг под Маэлевым Оком дела. Девушка, странствующая по воздуху с кланом крылатых, оказалась небезызвестной Красой. Уже одного этого Милославу хватило, чтобы насторожиться: где бы ни появлялась

беспокойная Гардемирова дочь, вокруг неё неизменно начинало пахнуть неприятностями самого скандального толка. Но главное известие заключалось в том, что крылатые не отпустят девушку к людям до тех пор, пока им не будет возвращён живым и невредимым их сородич, захваченный в плен людьми.

Выслушав мага, какой-то миг Милослав даже размышлял шутки ради, не предоставить ли Красу её собственной судьбе, однако пришёл к заключению, что это было бы жестоко по отношению к ухкрылам. Поэтому, отдав своим людям распоряжение готовиться к новой поездке, он поручил господину дэль Ари донести до предводителя крылатых, что для исполнения их требования придётся проследовать в другую крепость. Всего пол склянки диких воплей с размахиванием крыльями — и крылатые согласились освободить Рискайскую крепостицу. Правда, лететь куда-либо они наотрез отказались, опасаясь обмана со стороны людей, и потому княжий поезд должен был проследовать в Ольховец вместе с ними.

Пока княжьи люди собирались в дорогу сами и готовили лошадей, ухкрылы ждали их, расположившись на привратной площади. Однако в посаде жили тормалы, и многие, будучи выходцами из Дикого леса, видели в ухкрылах добычу либо смертельных врагов. Во избежание безобразий княжич приказал оцепить площадь, закрыв проход на неё со всех сторон вплоть до отбытия его поезда в Ольховец.

Не даром тормальская пословица гласит, что незваные гости ходят гуртом. Мало было одной Красы, не успев тронуться в путь, княжич получил известие, что в посад ломится его вздорный брат Благослав, вечно тянущий за собой хвост из дурных слухов и беспорядков. В этот раз он заявился из Торма, притащив с собою вооружённого до зубов горца и полумёртвого мага с сомнительной репутацией. Избежать встречи с ними не удалось: гарнизонный целитель распорядился нести раненого в перевязочную, и добровольными носильщиками, конечно же, вызвались Благослав и его горец. Кстати, при личном знакомстве выяснилось, что это не какой-нибудь гридский абрек**, а единственный сын амира Кравотыни.

Естественно, братец Благ пожелал ехать домой вместе с поездом, и безусловно, он тут же завалился спать в возке Милослава, заняв там всё свободное место и отравив воздух крепкой вонью застарелого пота. В отличие от Благослава, амиразн оказался человеком воспитанным, он навязываться не стал, просто пристроился к поезду и ехал вместе со стражей на своём мелком вороном иноходце. Но, как видно, скитания в Торме вымотали и его: очень скоро парень крепко заснул на ходу, рискуя свалиться под копыта. Заметив это, Милослав велел снять его с седла и уложить в одну из повозок.

Раненого мага Меридин попросил тоже взять с собой, объяснив это желанием лично проследить за его выздоровлением. К добру или к худу, тот так и не пришёл в себя, и его тоже погрузили в повозку. Рядом с ним разместили завёрнутую в сеть Красу. Теперь она спала, нежно обняв своего непутёвого мужа, и сон их сторожил ухкрылий вождь. И весь этот передвижной зверинец неторопливо двигался по тракту, чтобы вскорости обрадовать своим появлением всех ольховецких зевак.

— Меридин, — тихо позвал княжич своего советника, — раз уж эти... гм... создания ночи и впрямь разумны, почему никто до сих пор не заключил с ними союз? Крылатые воины могли бы стать весьма грозной силой на службе у правителя, который сумел склонить их на свою сторону.

— Пусть вас не обманывает их грозный вид, — ответил старый маг, до этого безмолвно

ехавший рядом. — Крылатые не способны служить. Они вспыльчивы, свободолюбивы и не переносят принуждения. К тому же разговоры с ними — опасное дело. Полагаю, лишь крайняя нужда заставила господина Нортвуда прибегнуть к помощи столь ненадёжных существ. Хотел бы я узнать, для чего он сделал это.

Милослав едва заметно улыбнулся.

— Так вот зачем мы тащим его с собой вместо того, чтобы оставить в гарнизонном лазарете? А я уж было подумал, что ты не чужд милосердия.

— Не чужд я и любопытства. Полотно вероятностей нынче складывается в весьма необычный узор... И жизнь целителя Нортвуда вплетена в него яркой нитью.

— По правде говоря, я не уверен, что он очнётся. Раны выглядят скверно даже после того, как гарнизонный целитель их закрыл.

Теперь настала очередь улыбаться старому магу.

— Пути силы прихотливы. Много в этом мире выглядит не тем, чем является. Однако не будем торопиться, желая до срока узнать ответы на все вопросы: пусть сперва подадут обед, а потом кальян.

В то же самое время в Ольховце князь Радогост имел весьма любопытную беседу с магом из собственной охраны, господином Гардемиром. Явившись в приёмную князя с докладом, тот замер на пороге безмолвной тенью. Заметив его, князь кивнул на кресло против себя:

— Проходи, Гардемир, садись. Если у тебя плохие новости, узнать мне их всё равно придётся, так что не будем растягивать ожидание. Где Адалет?

— Он сей миг находится в храме, и пребывает не в том состоянии, чтобы причинить кому-либо беспокойство.

— Что ты с ним сделал?

— Почти ничего: дал успокоительное и оставил наедине с Небесными Помощниками. Надеюсь, завтра ему станет лучше. Но дело вовсе не в нём.

— Сядь ради Маэля, не маячь в дверях, — перебил его Радогост. — И рассказывай уже, рассказывай. Что это была за выходка с подарком?

Гардемир опустил на край кресла и положил на стол перед собой Адалетову брошь. Камень в ней погас, почернел и утратил прозрачность, превратившись из благородного лала в плеонаст***.

— Амир сказал вашей дочери правду, эта вещь, действительно, является важным талисманом его семьи. Но кое о чём он предпочёл умолчать: в этот раз хранильницей артефакта непременно должна была сделаться девушка с даром силы.

— Здесь какая-то ошибка. Моя дочь никогда не отличалась способностями в силе, и едва ли они могли внезапно прорезаться накануне свадьбы.

— Проявите терпение, мой князь, вскоре вы всё поймёте. Знакома ли вам история возникновения Кравотынского амирата?

— В общих чертах.

— Тогда вы, несомненно, помните, что первым правителем этой страны был Ахлиддин, единственный амир Тивердыни, нарушивший клятву верности своему каану. Светские хроники говорят, что после покушения на каана приближённые Ахлиддина возмутились таким бесчинством и выгнали амира вместе с семьёй, приспешниками и слугами вон из земли Тивера. Изгнанники пересекли Дикое поле и после долгих скитаний нашли себе пристанище в закатной части Грид. Места эти, прежде никому не интересные, внезапно

оказались сокровищницей гор: поселенцы открыли в них богатейшие залежи золота, самоцветов и железной руды.

Храмовые книги несколько щедрее на подробности. В них упоминается, что амир Ахлиддин, покидая родину, увёз с собой весьма ценную вещь: талисман, притягивающий к поверхности драгоценные жилы земли. Единственным условием безупречной работы артефакта было то, что его не должна касаться женская рука. Всё это я выяснил из книг. Остальное мне поведал наш уважаемый гость.

В течение многих поколений талисман переходил от отца к сыну вместе с титулом и мечом их далёкого предка. Амират процветал, и ничто не предвещало беды. А потом к власти пришёл Адалет. Трудно сказать, отчего так произошло, но жёны, наложницы и рабыни исправно рожали амиру крепких, здоровых дочерей, и ни одна из них не подарила ему сына. Адалет приводил в свой дом новых женщин, посещал храмы, приглашал целителей...

Время шло, долгожданный наследник всё не появлялся на свет. Передача же артефакта в руки правителя другой крови грозило разрушением благополучия страны. Естественно, амир искал любых путей к тому, чтобы исправить дело, а кто ищет, тот непременно находит.

Однажды в его замок приехал весьма необычный юноша. Он был молод, очень хорош собой и притом могуществом превосходил всех известных Адалету магов. Этот дивный кудесник взялся помочь там, где прочие были бессильны. Он внёс изменения в древний талисман, искавил линии судьбы и телесные контуры одной из амировых дочерей — и девушка двадцати кругов от роду превратилась в юношу тринадцати кругов. Но чтобы поддерживать действие заклятья, следовало постоянно подпитывать повреждённый талисман жизненной силой. Маг предложил привязать к талисману жизнь младшей жены Адалета, амир без тени сомнения согласился, и уже на следующий день смог представить воинам своего наследника.

Чтобы избежать пересудов и сплетен, людям было сказано, что амиразн столь долго не покидал женской половины замка из-за слабости здоровья. Казалось бы, амир получил желаемое, но совершённое колдовство не принесло ему счастья. С детства приученная к скромности и смирению, привыкшая к тихой жизни за высокими стенами замка, Идрис изменилась телом, но не нравом. Амир Адалет был весьма разочарован жалким подобием сына, которое получил в результате тёмного колдовства.

Между тем оказалось, что жизнь хранительницы талисмана стораёт, как свеча на ветру. За каждый круг жизни заколдованного сына она расплачивалась десятком своих собственных кругов. Это мало заботило Адалета до тех пор, пока хранительницей не была вынуждена стать его старшая и любимая жена. Не желая потерять и её, Адалет велел разыскать и привести к нему мага, изменившего талисман. Тот явился, но сказал, что колдовство уже свершилось и остановить действие проклятия нельзя. Можно лишь передать его другой женщине, например, жене самого амиразна. И лучше, если эта несчастная будет обладать даром силы: тогда она не умрёт, а просто будет вытягивать силу жизни из всего, к чему прикоснётся.

— Какая трогательная забота, — промолвил Радогост тоном, не предвещающим ничего хорошего. — Только Адалет ошибся, моя дочь не маг. И я не позволю ей принимать подобные подарки.

— Да это уже и не требуется, — ответил ему Гардемир совершенно спокойно. — Талисман больше не работает, госпожа старшая амирани умерла.

Примечания:

* Строго говоря, Пригляд — не маг, а человек с даром силы: он может только лечить, зачастую даже не понимая, как у него это получается. Маг — это тот, кто не только имеет дар, но способен к тому же управлять им и контролировать его проявления.

** Абрек — человек, ушедший в горы, живущий вне власти и закона, ведущий партизанско-разбойничий образ жизни; первоначально — кавказский горец, изгнанный родом из своей среды за преступление, обычно убийство.

*** Плеонаст — устаревшее название железосодержащей шпинели, чёрный непрозрачный камень, не являющийся драгоценным.

Каждому своё

Князь Радогост поднялся со своего места, сложил руки на груди и принялся мерить приёмную неторопливыми шагами.

— Рад слышать, что талисман отныне безопасен, — сказал он наконец. — Но послушай, Гардемир, верно ли я понимаю, что моя дочь была благополучно обручена с другой девицей, да ещё и зачарованной? Я хотел бы по возможности убереечь свою семью от лишних пересудов и сплетен, эта история не должна выйти за околицу Ольховца. Кроме того, мне хочется быть уверенным, что Усладе не грозит опасность. Думаю, до прояснения отношений с кравотынцами её следует отослать в монастырь при храме Небесных вод.

— Людьми амира это может быть воспринято, как оскорбление, — отозвался Гардемир. — Обручальный обряд был проведён по всем правилам, хоть и не получил должного завершения, и девушка уже обещана семье Адалета. Служители храма заверили клятвы, принесённые в присутствии высших сил...

— Уверен, высшим силам безразличны клятвы, которые даются в наших храмах, — заметил князь, — а меня в свою очередь мало беспокоит мнение жрецов. Прежде всего я хочу, чтобы моя дочь осталась жива, а страна — избежала войны. В конце концов, даже постриг лучше могилы, так что если другого пути расторгнуть обручальный обряд нет...

— Не торопитесь, мой князь. Обручение в любом случае не навредит княжне. Мы пока не знаем, как отразилось разрушение талисмана на состоянии амираэна Идриса. Если завершение свадебного обряда возможно, то пусть всё идёт своим чередом. Если же нет, будет легко доказать, что ваша дочь свободна от обязательств и чиста перед высшими силами. Она не приносила никаких клятв. Из соображений безопасности на церемонии в храме её подменяла другая женщина.

— То есть ты знал заранее, что Усладе грозит опасность? И помалкивал?

— Скажем так: подозревал. И поэтому поручил своей дочери на время занять её место, воспользовавшись заклятием Лунной двери, — не моргнув глазом, соврал Гардемир. — В клетке с ухокрылом сидит Краса, а госпожа княжна находится на Задворках, в доме целителя Нортвуда.

— Прекрасно. В таком случае, пусть там и остаётся до тех, пока ситуация не прояснится.

— Боюсь, что это слишком опасно. Есть некоторые проблемы...

— Вот как? В последние дни я чувствую себя в собственном доме, словно в Диком лесу. О чём ещё мне позабыли доложить?

Гардемир неловко заёрзал в кресле.

— Заклятье Лунной двери требует своевременного и грамотного завершения. В противном случае будет нанесён непоправимый вред высшим силовым контурам как

источника, так и временного носителя. В силу некоторых обстоятельств завершение заклатья на расстоянии сделалось невозможным, а срок безопасного перехода истёк. Заклатье необходимо завершить как можно скорее.

— Когда именно?

— Нынче, а лучше бы уже вчера.

— Так сделай это.

— Непременно, как только Идрис доставит в Ольховец вторую участницу обмена, носительницу личностных контуров княжны.

— Кто знает, сколько ещё времени эта девчонка будет шастать по Торму... Чем именно грозит моей дочери промедление?

— Без должной подпитки контуры тонкого тела теряют силу и утрачиваются навсегда.

Радогост нахмурился.

— Объясняйся по-человечески, так, чтобы тебя было возможно понять! Что станет с моей девочкой, если действие чар не прекратит в самое ближайшее время?

— В худшем случае она лишится рассудка.

— Гардемир... Надеюсь, ты понимаешь, что в твоих интересах очень постараться, чтобы этого не произошло?

— Вполне, мой князь. Поверьте, я заинтересован в хорошем исходе не меньше вашего.

— Тогда пошевеливайся, делай что-нибудь.

— Я уже сделал всё, что мог: дал наставнику Идриса путевой амулет, настроенный на след, оставляемый в силе телом моей дочери. Даже просто находясь в поклаже Идриса, он притянет нужные вероятности и выведет молодого человека на верный путь. А ещё — я отправил письмо к господину дэль Ари с просьбой как можно скорее прибыть в Ольховец: вполне вероятно, что после завершения действия заклатья нам потребуется целитель. А теперь прошу простить меня, я отправляюсь в зверинец. Возможно, находясь рядом с телом госпожи княжны, мне удастся вовремя заметить и затормозить распад личностных контуров.

— Ступай, да поможет тебе Пресветлый Маэль.

Гардемир поклонился и вышел в тёмную галерею. Проводив его тяжёлым взглядом, князь подумал: «Что должно сделаться с человеком, чтобы он так легко решился распорядиться чужими душами и телами? И я никогда не узнаю, действительно ли это жуткое существо служит мне, или оно преследует свои собственные цели, неясные для обычных людей. Впредь будет разумнее отказаться от услуг магов в охране. Меч надёжнее: даже если его владелец обратится против меня, ему можно противопоставить такую же сталь».

А Гардемир, беззвучным шагом двигаясь через пустые хоромы, горько размышлял про себя: «Служить богатым и знатным — вечно быть пылью под их ногами. Князь любит свою дочь, но ему и в голову не приходит, что слуга его может точно так же любить своё дитя. Как просто: иди, маг, изволь немедленно сделать, чтобы княжна осталась здоровой и невредимой, притом избежав позора перед людьми и гнева богов... Грозить мне вздумал... Конечно, я сделаю всё возможное и невозможное, но вовсе не из страха перед твоим гневом, князь».

Незадолго перед рассветом поезд княжича Милослава прибыл в Ольховец. Идрис проснулась — и сразу поняла, что случилось непоправимое. Поток силы, однажды изменивший её тело, исчез без следа. Нет, она не сделалась той, что была пять кругов назад. Её руки по-прежнему помнили конские поводья и рукоять меча, тело осталось крепким и

сильным, не изгладились из памяти языки чужих народов, изученные в странствиях с войском отца. Только теперь всё это не имело ни малейшего смысла. Кому нужны её сила, сноровка и ум?

«Пожелали они узнать о женщинах, и Небесный Воин сказал им: хорошие женщины — целомудренны и покорны. Лучшей же будет та, что станет спрашивать у своего мужа, чем заслужить его довольство, выполнять, что будет он просить, а с мнением его — соглашаться».*

Она ли не была покорной, когда, повинувшись воле отца, подверглась действию изменяющих чар? Награда оказалась огромна: двери дома впервые открылись для юного Идриса, ему стало дозволено выйти на улицу без сопровождения, говорить с людьми, заводить знакомства, иметь личные деньги, носить оружие... Однако и плата за всё это оказалась весьма высока.

«Выпрямись! Воин ты или мешок с кизьяками?»

«Смотри прямо, не отводи взгляд, червяк!»

«Мужчине следует быть смелым!»

«Терпи, нельзя показывать слабость!»

«Что ты мямлишь, нерешительный тупица?»

«Сопли следовало оставить на женской половине, вместе с покрывалом и прялкой!»

Сколько раз довелось слышать всё это из уст отца... Порой слова дополнялись увесистыми тумачами. Да, на женской половине Адалет хоть и бывал иной раз строг, но голоса ни на кого не повышал и тем более не поднимал руки. За пределами же дома это был совершенно другой человек: резкий, требовательный, не знающий жалости. Впрочем, не даром Идрис-девушку двадцать кругов учили безропотно исполнять всё, что велит отец. Идрис-юноша скоро смирился с новым течением жизни, привык к бесконечной череде молитв и тренировок, походам, редким встречам с матерью, строгому подчинению старшим... А ещё он научился сдерживать вихри чувств и принимать свои собственные решения, не ища одобрения и не ожидая ничьей похвалы. Именно это позволило Идрису, отбросив лишние мысли, спокойно выйти из повозки, отвести на конюшню Агата и отправиться за казармы, к учебному полю. Правда, в последний миг она прихватила из собственной седельной сумки подаренный дедом Мирошем башлык и надела его, спрятав лицо от лишних глаз.

Поле было ещё пусто, амир Адалет обычно собирал своих верных для служения Небесному Воину чуть позже, ближе к рассвету. Обернувшись лицом на восход, Идрис замерла на миг неподвижно, прикрыв глаза. Поклон земле, приветствие небу. Лезвие с мягким шелестом покинуло ножны. Совместное служение угодно Небесному Воину, но не отвернётся Он и от одинокого верного, взявшего в руки меч.

Фигура первая, «Неотвратимость». Парировать первый удар тени противника, затем, слегка отступив, уклониться от второго, и тут же, шагнув вперёд, атаковать. Неотвратимость: жизнь напавшего прерывается. Возврат в позицию.

Фигура вторая, «Милосердие». Уступить, мягко отводя клинок противника в сторону, и тут же атаковать. Тень противника поражена в запястье правой руки. Милосердие: у противника отнята возможность сражаться, но не жизнь. Возврат в позицию...

Давненько Благодлаву не спалось так хорошо. Он не услышал ни скрипа ворот при въезде в посад, ни переклички людских голосов, не заметил, как прекратилось движение поезда. Разбудил его слуга: заглянув в возок, парень поинтересовался, не желает ли господин

княжич перейти отдыхать на постель, в гостевые покои. Господин княжич не желал. Сладко потянувшись, он вылез на предутренний холодок, зевнул и поёжился, торопливо оправляя на себе одежду. Конюхи уже распрягли лошадей, слуги таскали в хоромы поклажу. Не торопились разбирать только повозку, на пологе которой сидел здоровенный бурый ухокрыл. Зато ни Идриса, ни его вороной клячи нигде и близко не наблюдалось. «Интересно, куда подевался этот кравотынский упёртыш, — подумал Благослав. — К Уське помчал?»

Между тем двое слуг, опасливо косясь на ухокрыла, подошли к повозке, взяли впряжённых в неё лошадей под узцы и повели их за княжьи хоромы, в дальнюю часть двора, к Девичьему крыльцу.

Благослав пристроился следом, вскочив повозке на запятки. Внутри, как ни в чём не бывало, дрыхли, обнявшись, доходяга-маг и его ненормальная жёнушка. Оба безмятежно улыбались друг другу во сне. Полубовавшись немного на эту сладкую парочку, Благослав хмыкнул и задёрнул полог: подумать только, когда-то он сам имел дурость подбивать клинья к Красе...

Отвернувшись, Благослав вдруг столкнулся взглядом с сидящим на пологе ухокрылом. Огромные глаза нелюдя смотрели насмешливо и недобро, а крыло свисало с дуги столь ловко, что длинные, острые когти указывали напрямик на открытую Благославу шею. И расстояние до них, надо сказать, было совсем не таким, чтобы счесть себя в безопасности. «Вот зараза», — буркнул Благослав себе под нос и поспешно соскочил на землю.

Несмотря на раннюю пору, в зверинце оказалось на редкость оживлённо. Сам князь в парадном облачении стоял на Девичьем крыльце (будто элорийского посла принимает, а не стадо вонючих ухокрылов), рядом с ним не менее торжественный братец Милош (бледный и помятый с дороги), сотник Брезень (морда хмурая, волнуется, как бы амир опять учебное поле не занял), прочие ближники (из постелей их вынули, а разбудить забыли). У окон в галереях, привлечённый небывалым зрелищем, толпился народ попроще, стражники и сенные девки (ну, этих хлебом не корми — дай глаза потаращить). А на площадке между прудиком и вольерами Ельмень под присмотром господина дэль Ари раздавал ухокрылам угощение. «Это правильно, — подумал Благослав, — они пока жрут, хоть не вопят все разом. Так, а где у нас Уська?»

Сестрица обнаружилась в вольере, вместе с папашиним ухокрылом. Её обручальный наряд был изрядно помят и засыпан соломой, глаза лихорадочно блестели. Рядом с ней, по другую сторону решётки, незаметной тенью притулился Гардемир.

Повозка с ухокрылом на пологе остановилась. Князь, внимательно оглядев её крылатого ездока, произнёс совершенно серьёзно и даже торжественно:

— Господин дэль Ари, передайте вождю крылатых, что я рад приветствовать его в землях людей. Я уже ознакомлен с причинами, по которым его отряд покинул Торм, и надеюсь, что вместе нам удастся уладить возникшее недоразумение.

Маг подошёл к повозке и принялся переводить слова князя на смешное ухокрылье наречие. Инукай что-то глухо проворчал в ответ. Услышав его, остальные крылатые разом насторожились, прекратили жевать и сгрудились вокруг повозки.

— Что-то не так? — тихо спросил князь.

Мерридин мягко отшагнул назад, не поворачиваясь к крылатым гостям спиной, и объяснил:

— Да простит меня светлый князь, вождь Инукай несколько... хм... резок в речах. Он говорит, что не испытывает никакой радости от посещения страны бескрылых, и предлагает

как можно скорее обменяться пленниками. Однако в этом его можно понять, на протяжении многих поколений люди Торма враждуют с крылатым народом.

Князь молча кивнул. Не дожидаясь объяснений мага, Инукай перебрался поближе ко входу в возок, запустил внутрь крыло и, зацепив когтями сеть, потянул её наружу. За пологом вскрикнули, завозились. Через миг глазам всех собравшихся на дворе предстало содержимое сети: взъерошенная, заспанная, простоволосая женщина в пыльном и грязном кубельке.

— Да, — произнёс Радогост задумчиво, — вид весьма поучительный: рождённому на земле полёты не идут впрок. Но и рождённому летать не место на земле. Теперь выпустите ухокрыла.

Ельмень открыл замок, настезь распахнул дверь вольера. Ещё несколько мгновений Зирран, не веря собственному счастью, стоял посреди своей клетки, а потом двор крепости огласился громким, пронзительным воплем. Бывший пленник расправил крылья, взмыл в небо, и следом за ним поднялась на крыло вся ухокрыльях стая.

Примечания:

*Фрагмент из главного священного текста, почитаемого народами тивердинской веры "Наставления Небесного Воина", раздел "О женщинах".

Особый дар

Только трое из толпящихся на дворе людей не стали провожать взглядами ухокрылий клан. Князь Радогост вместо этого сразу обернулся к магам. Те не теряли мгновений зря. Гардемир присел на лавочку, развернул на коленях берестушку и приготовился записывать. Господин дэль Ари достал из поясного кошелька деревянные щипчики и коробочку с прозрачным плоским кристаллом. Ухватив кристалл щипцами, он посмотрел сквозь камень на девушку в обручальном наряде и произнёс:

— Колодец высших сил — шестьдесят две части и угасает, колодец прямого знания — восемьдесят девять и угасает, колодец сотворения — девяносто три устойчиво, далее — норма.

— Не самый плохой расклад, — деловито заметил Гардемир. — Вторая?

Мерридин навёл свой кристалл на девушку в замурзанном кубельке.

— Колодец высших сил — девяносто четыре устойчиво, остальное норма.

— Прекрасно. Поспешим!

Гардемир сунул берестушку в кошель, схватил за руки обеих девушек и резво потащил их в сторону своего придела, к малому крыльцу. Мерридин проследовал за ним, не переставая смотреть сквозь кристалл. Только проходя мимо «ухокрыльей» повозки он чуть замедлил шаг и сказал одному из слуг:

— Любезный, проследите, чтобы господина Нортвуда отнесли в храм. Пусть его разместят в приделе Земных Вод.

Князь знаком приказал всем разойтись, а сам, стараясь не срываться на рысь, устремился вслед за магами. Обе девушки тянулись за Гардемиром, словно куклы, безвольно переставляя ноги. Мерридин шёл за ними по пятам и чётко проговаривал почти без остановки:

— Первая: высшие силы — сорок девять и угасает, прямое знание — восемьдесят и угасает, сотворение — восемьдесят девять и угасает, сердце — девяносто восемь, остальное — норма. Вторая: высшие силы — девяносто и угасает, прямое знание — девяносто пять стабильно, остальное — норма. Первая: высшие силы — сорок пять и угасает...

Двери на малом крыльце распахнули настужь, открытой ждала и зеркальная каморка. Затащив девушек внутрь, Гардемир заставил их взяться за руки и вместе прикоснуться к поверхности тивердинского стекла, а потом произнёс чётко, без торопливости:

— Луна уха, поарта луи Маэл, ынчидэ, лазац сэ ынторк сэ тяка карэ ну сэ скуфунда ши ну ардэ! *

На миг зеркало озарилось ярким светом полудня, раскидало по стенам радужные блики, а потом снова погасло. Каморка погрузилась в полумрак.

Едва опамятававшись в собственном теле, Краса выдернула руку из ладони Услады, поднесла её глазам и воскликнула возмущённо:

— Фу, Уська! Всё в цыпках!

Услада моргнула, словно замороженная, медленно подняла собственные руки, провела ладонями по щекам... На лице её по очереди отразились и радость, и волнение, и внезапное беспокойство.

— Прости, душечка, не о красе рук печься пришлось, — мягко ответила она подруге, а потом, обернувшись ко всем, кто с тревогой наблюдал за девушками от двери, спросила: — Что ухокрылы, получили своё? И где же Венсель? Мне хочется быть уверенной, что ему оказана должная помощь.

— Чудо Маэлево, даже ближняя память почти не повредилась, — заметил Гардемир. Мерридин, согласно кивнув ему, убрал кристалл в коробочку и с почтительным поклоном ответил Усладе:

— Не волнуйтесь, драгоценная, соглашение с крылатыми исполнено, и они покинули крепость. А о господине Нортвуде позаботятся служители храма.

— Я желаю видеть его.

— Госпожа моя, боюсь, сей миг это невозможно.

Заметив, как огорчили княжну его слова, Мерридин поспешил добавить:

— О, не подумайте дурного. Жизнь господина Нортвуда вне опасности, но теперь ему требуется отдых.

Услада поблагодарила мага кивком и решительно направилась к двери: она была намерена убедиться собственными глазами, что с Венселем всё в порядке, и к тому же отлично знала, где находится храм. Однако стоило ей переступить порог зеркальной каморки, оказалось, что идти дальше совершенно некуда: её отец сидел в Гардемировом кресле прямо посреди галереи, а за спиной его толпилась любопытная челядь. Слегка оробев, Услада приблизилась к отцу, поклонилась и замерла, не поднимая глаз. Князь Радогост встал ей навстречу. Аккуратно приподняв своей рукой подбородок девушки, он некоторое время внимательно изучал её лицо, словно желал убедиться, что перед ним действительно его дочь, а потом ответил на её недоуменный взгляд тёплой улыбкой и сказал:

— Рад видеть тебя в добром здравии, Услада. С возвращением домой.

— Благодарю, батюшка, — ответила она тихо и смиренно. Князь довольно кивнул и продолжил:

— Ныне изволь явиться к вечерней трапезе в малую приёмную залу: Милослав привёз тебе подарки.

— Благодарю, батюшка, — повторила она. — Я могу идти?

— Безусловно. Отправляйся теперь к себе и займись приготовлениями к отъезду в монастырь. Так как амиразн Идрис не выдержал условленного испытания, ваше обручение

не имеет силы и будет расторгнуто, а тебе надлежит, пройдя положенное очищение, сделаться служительницей храма.

— Но я... — начала было Услава. Только никто её не услышал.

— Ступай, дочь, — благосклонно кивнул князь, уже даже не глядя на неё. — Стина! Проводи госпожу княжну в её покои.

Тут же, словно вихрь на одинокого путника в поле, на Усладу налетела нянюшка: укутала в парчовую накидку, обняла за плечи и почти силком повлекла прочь, уверенно прокладывая путь через толпу любопытных.

— Бедная моя ясочка, — причитала она ласково на ходу. — Охудала-то вся, с нелюдем в клетке сидючи... А всё по милости этой засранки Красы, всё через неё! Да и Маэль с ней, окаянной. И с кравотынцами этими тож. С ними свяжись — не оберёшься греха...

Когда посторонний народ разошёлся, наконец, по своим делам, и галерея опустела, Гардемир плотно прикрыл дверь зеркальной каморки и обернулся к Красе. Теперь мага трудно было назвать тихим и неприметным: глаза его грозно сверкали из-под нахмуренных бровей, ноздри раздулись, сжатые губы, казалось, с трудом скрывали свирепый оскал.

— Ну? — сказал он, пристально разглядывая собственную дочь. — И как всё это следует понимать?

Краса ответила ему прямым нахальным взглядом в упор.

— Зачем ты это сделала, несчастная? — заорал на неё Гардемир, заводясь всё больше. — Мало показалось позорища в Мостовом? Мне до сих пор в лес, к родне на глаза показаться стыдно! Тебя пожалели, пристроили замуж! Нортвуд из хорошего рыцарского рода, не пьянь, не голодранец какой-нибудь, тебя, дуру, не бил, хоть, верно, и следовало... Чего ещё? Сиди, не чирикай! Но нет же, на приключения потянуло! Ты хоть в состоянии понять, что своими выходками бросаешь тень на мою репутацию?

Краса грозно упёрла руки в бока, сразу сделавшись похожей на взъерошенного воронёнка, и заорала в ответ:

— А тебя только это и заботит, да? А меня спросили, хочу ли я замуж за Венсея? Да и вообще, хочу ли я замуж?

— Раскрой глаза! Нормальная женщина почитает замужество за счастье!

— Почему же тогда моя мать предпочла этому счастью свободу? Да уж скажем честно: она сбежала от тебя! Почему?

— Потому, что дура. Мир принадлежит мужчинам, нравится это кому-то или нет. Ты всерьёз полагаешь, что женщина может выжить в нём одна?

— А ты, значит, полагаешь, что один человек ценнее другого лишь от того, что носит портки? Мудро, куда мне такое постичь... Только теперь я лучше понимаю выбор моей матушки!

Гардемир рванулся было схватить дерзкую, но Мерридин удержал его за плечо и сказал мягко, примирительно:

— Тише, уважаемый, тише. Не время теперь выяснять отношения. У твоей дочери опустел колодец связи с высшими силами и колодец прямого знания тоже близок к опустошению. Её устами говорит сей миг не разум, но обиженное сердце, ты же вместо вразумления отнимаешь у неё жизненную силу, ибо твой колодец сердца растревожен не меньше, и движет тобой не любовь, а пережитый страх.

Несколько мгновений понадобились Гардемиру, чтобы чуть остыть и взять себя в руки. Взглянув на разъярённую Красу внимательно, но уже без гнева, он сказал:

— Благодарю, Мерридин, ты, как всегда, прав. Нужно восполнить потерю силы, пока эта несчастная не натворила новых бед. Последи за ней, а я принесу накопители.

— Не поможет, друг мой. Давно заметил я, что вливания внешней силы внутренний поток исправляют мало, но могут увеличить разлад. Настоящее исцеление приносят лишь дары доброй воли от тех, кто близко знает и любит человека, да ещё — вмешательство высших сил. Нам будет благоразумнее отвести девочку в храм. Там находится тот, чей дар позволяет именно исцелять повреждённое, не искажая сути.

— Венсель Нортвуд, — сказал Гардемир, невольно хмурясь.

— Так и есть. Пути силы неисповедимы, ныне ключ к исправлению зла в руках этого нелюдимого и обидчивого юнца. Правда, теперь он и сам нуждается в помощи храма: колодцы выживания у него почти пусты, а колодец сердца нестабилен. Зато высшие колодцы развития и внешний поток — безупречны. Помни об этом, друг мой, когда настанет пора говорить с ним: это существо весьма могущественно, но не вполне относится к миру людей.

Ольховецкий храм Животворящей Силы, довольно неприметный снаружи, внутри был величественно прекрасен. В отличие от большинства малых храмов, кроме центрального алтаря, посвящённого самому Творцу, он имел все четыре придела стихий. Придел ветра принадлежал Дарящему Дождь: с потолка свисали гирлянды из кусочков чистейшего лёд-камня, а в глубине его, над малым алтарём, украшало стену большое витражное окно с образом белокурого и голубоглазого мужчины, сдувающего с чаши клубы пара, превращающиеся в дождевые облака. В приделе земли среди нарисованных на стенах цветов и трав стояло изображение Земли Первозданной, стройной женщины, волосы которой переплетались с колосьями злаков и нежными нитями ковыля. Потаённый Огонь, скрытый в глубине гор, олицетворяла собою фигура могучего кузнеца в мастерской, озарённой отсветами из горна. В приделе же Земных Вод всюду стояли причудливые, широкие чаши, сообщающиеся между собой: вода медленно текла по ним, отражая пламя множества свечей, и над ней склонялось изображение смуглой, высокой женщины с длинными чёрными волосами.**

В тот день именно водяной придел был богаче всего украшен свечами. Под изображением хозяйки земных вод стояла широкая и низкая лавка, а на ней неподвижно лежал человек, с головой прикрытый тонким синим полотном.

— Почему его накрыли, как умирающего? — встревоженно спросила Краса.

— Не терпится стать вдовой? — проворчал Гардемир, подталкивая её ко входу в придел. — Не дождёшься, уверяю тебя. Покров нужен исключительно затем, чтобы принесённого в храм для исцеления не беспокоили любопытные.

Резко сбросив руку отца со своего плеча, Краса возмутилась:

— Нечего приписывать мне собственные тёмные мыслишки! Я вовсе не желаю Венселю зла.

— Однако относишься к нему без почтения, которое пристало доброй жене.

— Да я и не была ему женой по-настоящему!

— Данные в храме клятвы для тебя пустой звук?

— Обещать — ещё не значит исполнить! Нет, ну конечно, если считать соединением тел то, что мы изредка спали в одной кровати... Причём кое-кто даже не всегда трудился снять чугу*** и провонявшие конём портки!

— А вот это уже поклёп****, — раздался спокойный голос Венселя из-под полотна. — В остальном девица Краса из рода Чёрных Воронов совершенно права, наш брак можнс

считать не состоявшимся, и я готов отпустить её с возвратом приданого и выплатой отступного.

— Вы находите мою дочь настолько непривлекательной? — резко спросил Гардемир.

— Я нахожу недостойным мага и сына рыцаря принуждать женщину к телесной близости против её воли. Буду признателен, если все вы оставите меня в покое и прекратите возмущать здесь течение силы.

В тот же миг воздух словно сгустился, и Гардемир почувствовал впереди себя невидимую упругую преграду, заслонившую вход в придел воды.

— Увы, друг мой, — вздохнул Мерридин, — вести подобные речи было крайне неосторожно: целитель Венсель пользуется особым расположением Речной хозяйки. Теперь остаётся лишь просить помощи у стихий. Твоя дочь родилась под знаком ветра. Так оставим же её в ветренном приделе, и будем надеяться на бесконечную мудрость Творца.

Храмов Краса никогда не любила, но на сей раз едва не захлопала в ладоши, услышав предложение старого дэля Ари. Без сомнения, покой храма привлекал её куда больше неизбежных, но от этого не менее неприятных разборок с отцом. Оставшись в одиночестве, она первым делом погасила свечи в ветренном приделе, уселась, поджав ноги, на алтарь и принялась раздумывать о том, как ей распорядиться внезапно замаячившей на виднокрае свободой. Ведь если Венсель не пошутил насчёт приданого и отступного, она вполне может, получив развод, не возвращаться в дом отца. И всё же опыт, приобретённый на Задворках подсказывал ей, что во многом Гардемир прав: одиночка подобен солоmine на ветру, скверно жить, не имея, на чьё плечо опереться в тяжёлый миг. А ещё она с тихим сожалением признала, что их детская дружба с княжной Усладой, увы, осталась в прошлом. То, что было меж ними, она сама разрушила из глупого озорства, а новому уже не из чего возникнуть.

Однако Краса была не из тех, кто способен долго предаваться раскаянию и печали. Вспомнив песню, услышанную от запертого в зверинце ухокрыла, она сперва размазала по камню воск свечи и нацарапала булавкой на нём по памяти перевод, потом принялась рифмовать строки на языке людей, и наконец, когда результат обрёл строй и ритм, начала искать подходящую к словам мелодию. Человеческий вариант песни вышел на её вкус неплохим, но ему не доставало пронзительных интонаций, присущих крылатым. Поэтому, пропев ухокрылью песнь***** пару раз по-людски, Краса повторила её и на языке автора.

Мерридин дэля Ари стоял в это время с конём в поводу по другую сторону храмового окна. Услышав песню, он улыбнулся и тихо произнёс:

— Ты видишь, Самум? Это маг, не только обладающий умением принимать облик любого знакомого человека и зверя, но и способный обращаться частично. Теперь понимаю я, почему открылась ей Лунная Дверь: хитрая дева скопировала часть тонких контуров своего отца столь искусно, что Зеркало обманулось. Не находишь, что столь редкий алмаз требует особой огранки?

Конь с тяжким вздохом кивнул в ответ. Мерридин снал с него узду.

— Тогда ступай. Но не увлекайся, помни: лишь только дозволенные дела будут завершены, нам с тобой надлежит вернуться в земли Хранителя Тивера.

Конь покосился на владельца чуть укоризненно, затем тряхнул гривой, вздохнул глубоко, тело его вдруг задрожало, уменьшилось и изменило очертания. Через миг на месте благородного степного скакуна сидел ухокрыл, как две капли воды похожий на недавнего жителя княжьего зверинца.

Закончив петь, Краса приблизилась к окну. За украшавшем его изображением Хозяина ветров вдруг появилась тёмная тень и раздался тихий скрежет, будто кто-то провёл по стеклу лезвием ножа. А потом нечеловеческий голос тихонько позвал:

— Крайса? Это ты?

— Зирран, дурень летучий! — воскликнула Краса по-ухокрыльи, торопливо распахивая окно. — Ты что здесь делаешь? Стрелу в зад захотел?

Крылатый пролез внутрь и уселся рядом с Красой, демонстрируя в улыбке два ряда великолепных острых зубов.

— Я услышал, как ты поёшь. Почему тебя заперли одну в этой затхлой норе?

— Это довольно сложно объяснить. Понимаешь, мой отец надеется, что посидев здесь, я образумлюсь.

— Похоже, в клетке я малость поглупел. Что ты сделаешь, посидев здесь?

— Образумлюсь. Ну, понимаешь, опять стану послушной, такой, какой отцу хочется меня видеть.

— Надо же, какие странные обычаи у бескрылых... А тебе самой-то это нужно?

— Не очень. Вот даже скажу тебе честно: вовсе нет!

— Тогда почему же ты тогда тут сидишь? Ты говорила мне, что умеешь превращаться, менять облик. Так превращайся скорее в крылатого, и летим! Ты даже представить себе не можешь, как прекрасно свободно парить в ночной вышине... За все ночи и дни, что я просидел в клетке, мне много довелось наблюдать за твоими сородичами. И, признаюсь, я удивлён: вы во многом похожи на нас. Только мы свободны, а бескрылые сами себя окружили множеством глупых правил и лишних вещей. Но я уверен, что если бы у любого из бескрылых был выбор, он предпочёл бы стать крылатым.

— Ох, Зирран... Стыдно признаться, но я сказала тебе не совсем правду. Я могу превратиться в собаку — таков мой врождённый дар. Могу стать другим человеком, изменить свой возраст и внешний вид. Но существо иной расы? Такого мне даже в голову не приходило.

— Может, пора решиться и попробовать? Ты ведь разговариваешь, совсем как крылатая, даже ругаешься и шутишь. Бескрылые так не могут, даже те, что понимают наш язык.

Краса задумалась ненадолго, потом сказала:

— Может, ты и прав. Меня всегда удивляло то, что маги вроде Венселя или наставника Мерридина тратят такую прорву силы, когда им надо пообщаться с теми, чей язык непонятен. А мне и моему отцу это вовсе не сложно. Теперь думаю, что для этого просто нужно быть оборотнем, ведь сделать незнакомую речь своей — это тоже трансформация, только не внешности, а ума.

— Значит, ты попробуешь?

— Да. Только отвернись, и не подсматривай: мне нужно раздеться.

Зирран усмехнулся, однако просьбу выполнил, спрятав голову под крыло. Некоторое время он слышал, как Краса шуршит одеждой, топчется по полу, затем надолго повисла тишина. Растеряв терпение, он осторожно высунул из-под крыла сперва ухо, затем один глаз... На полу посреди уютной норы бескрылых сидела молоденькая крылатая, такая хорошенькая, что у него захватило дух! Огромные глаза её были плотно закрыты, длинные перепончатые ушки подрагивали, словно на ветру, а шелковистая шерсть отливала чистым лунным светом!

— Крайса, — осторожно позвал он, — это ты?

Крылатая приоткрыла один глаз и неуверенно ответила:

— Наверное...

— Какая же ты красавица!

— Ха! — воскликнула она улыбаясь. — А ты смел сомневаться? А теперь — прочь отсюда! Всегда мечтала научиться летать!

Примечания:

* Лунная дверь, Маэлевы врата, закройте, дайте вернуться домой тому, что не тонет и не горит!** Что бы ни думали жители Ольховца, древние строители храма изобразили на стенах этлов — хранителей окружающих мест: Изена, с залива которого чаще всего ветер приносит дожди, хранительницу Дикого Поля Полину, хранителя гор Грида и Ночну, река которой течёт через Приоградье и Торм.

*** Чуга — верхняя мужская одежда, приспособленная к верховой езде, узкий укороченный кафтан с рукавами по локоть.**** Поклёп — несправедливое, намеренное искажение фактов о ком-либо, ложное обвинение в чём-либо.

***** Песня, сочинённая крылатым, содержавшимся одно время в княжеском зверинце, и переведённая на тормальский язык некой девицей Красой из рода Чёрных Воронов:

О чём свежий ветер поёт под крыломИ нежно шумит в перекатах вода? О жизни привольной в Поречье родном, О крае, что в сердце моём навсегда.

Из норки уютной на тех берегахОднажды увидел я первый рассвет, И утром погожим в густых камышахНа глине оставил я первый свой след.

Узнал, как прекрасно парить в вышине, Закаты встречать на порогах у скал, Но земли иные я видел во сне, О странствиях дальних беспечно мечтал.

Окрепшие крылья так звали в полёт, И в небо манила ночная звезда...Я верил: кто смел, своё счастье найдёт. Как был я наивен и молод тогда!

Скитался по миру, искал тех чудес, Что виделись прежде мне только в мечтах, А истинным чудом был древний наш лесИ берег родимый в густых камышах,

И песни крылатых в ночной синеве, И в заводях тихих кувшинок цветы, И капли-росинки с утра на траве...Нигде под Луной нет такой красоты!

Ах, если б вернуться обратно, домой, Туда, где неспешно течёт Ночь-река! Но прочны решётки за замка стеной, И крепки запоры, и цепь коротка.

И всё же во сне я увижу опять, Как воды реки отражают Луну. Покуда я жив, я умею летать, И душу мою не удержишь в плену.

Когда нельзя, но очень хочется

В свой терем Услава воротилась в полном смятении чувств. Давно ли всё в нём казалось ей таким милым и родным? Теперь же, разглядывая богато украшенную светёлку, она удивлялась тому, что ни одна из вещей не радовала глаз. Подумать только, здесь она проводила целые дни за чтением, вышивкой, пряжей и унылым гляденьем в окно... Что ей можно будет отсюда забрать в монастырь? Пару чистых рубах? Душегрею? Незаконченное рукоделье? Всё казалось каким-то ненужным и пустым. Вдруг, подойдя к окну, она увидела надпись. На белой стене кто-то вывел угольком слова: «Во сне моя душа расправляет крылья, и решёткам не удержать её взаперти».

— Нянюшка, что это? — спросила она удивлённо. — Откуда?

— Где, моя яхонтовая? — тут же откликнулась Стина, деловито копавшаяся в сундуке. — Ах, это? Видать Краса тут без тебя навозюкала, а девки, бездельницы, не

прибрали. Ты, ясочка, ручки-то не пачкай. Иди лучше сюда: рубашечку сменим, да и косу бы в порядок привести...

— Оставь, Стина, — грустно вздохнула Услава, — ничего мне не надобно. Ступай к себе.

— А косу-то?

— Я сама.

— Ишь ты... Что ещё за капризы? — спросила Стина строго. — Или вздумала в монастырь заявиться чумазым поросём? В обители тоже следует себя блюсти, ведь и там люди.

Услава поникла головой и прошептала едва слышно:

— Не хочу. Почему я должна сделаться Маэлевой невестой по приказу?

— Ну вот, здрасьте — пожалуста, — нахмурилась Стина, отводя княжну от окошка. — Давно ли слёзы лила, что замуж сговорили? Теперь за чужанина идти не надобно, можно жить себе в обители чистой голубицей — так вместо радости опять слёзы.

— Ах, нянюшка, нельзя мне в храм. В обитель хорошо идти, коль душа чиста и к Небесным Помощникам тянется. А я грешница, всё о земном думаю.

Брови Стины сошлись к переносице, глазки цепко уставились княжне в лицо.

— Это о чём же таком? Неужто Венсель... Охти! И чем только привабил тебя этот тощий стервец? Ведь ни стати, ни масти, одна корысть, что кудри, как у девки... Не иначе, мажьей силой приворожил.

— Что ты, Стина, какая ворожба! Я сама, своей волей к нему привабила. Просто он добрый, понимаешь? И не такой, как все. Перед прочими вместо меня свинью в охабень* заверни — никто подмены не заметит, лишь бы похрюкивала в лад. А Венсель — тот меня, не одёжку разглядел. В волшебный лес с собой брал. Слушал, что говорю, хоть порой и смеялся над моей простотой. И тогда, в Торме... Я ведь не сразу поняла, что Венсель всю силу растратил, чтобы меня домой отправить, а себе на излечение не оставил ничего. Он умереть из-за меня мог... Ах, Стина, да кого я пытаюсь обмануть? Мы когда ехали из Рискайской в Ольховец, спали вместе, в одном возке, и мне привиделось, будто у нас у обоих одёжа в беспорядке. Да не хмурься же ты, помолчи! Дай сказать, ради Маэля! У Венселя платье было порвано как раз в тех местах, где наяву его ранило кольями из ловчей ямы. А я сама оказалась простоволоса: вихрь налетел, сорвал с головы плат и всю косу растрепал. Волосы у меня во сне были не такие, как наяву: золотые, точно очий свет, и густые-прегустые. А от ветра они вдруг начали облетать, как листва в сушь, и гаснуть, делаться из золотых серыми, словно пепел. Венсель тогда мне заплёл волосы в две косы и дал, чем покрыться: волосник и намитку**. Вынул из-за пазухи — и мне надел. И от того мои волосы сразу сторгать перестали. А я выдернула из кос несколько волосков и ими, точно нитками, зашила на Венселе одёжу. Вот теперь и думаю: вдруг тот сон был не спроста? Мне бы хоть на миг Венселя увидеть, да спросить...

Стина недовольно покачала головой.

— Да, голубушка, натворила ты дел. А в яви-то, поди, тоже с ним постель делила?

Услава покраснела и отвела глаза. Стина спросила сурово:

— Иль не ведаешь, что благонравной девице не пристало о чужих мужей глаза греть?

Уж молчу за то, чтоб с ними в обнимку валяться.

— Так я ж не нарочно...

— Как же, не нарочно кошка сметану слизала! Верно люди говорят, что девку в поре не

удержишь на дворе. Только вот как я тебе скажу: нам с тобой теперь не до разгадывания снов. Янка уже, поди, воду в купальне нагрела. Вымоешься, нарядишься, как пристало, и станешь делать, что князь батюшка велел. Сказал: в обитель, значит, и ехать тебе в обитель. А уж там — что Небесные Помощники пошлют. Я же, как свечереет, пойду в храм и стану молиться о доброй доле для тебя, неразумной.

Господин дэль Ари возвратился в храм на исходе дня. Там было пустынно и тихо, поблёскивали огоньки свечей да чуть слышно журчала вода. Перед тем, как зайти в водяной придел, старый маг задержался на пороге и еле слышно кашлянул. Венсель встрепенулся, выглянул из-под покрывала.

— Мастер Мерридин! — воскликнул он, собрался было встать, но тут же, сообразив, что почти раздет, в смущении снова натянул покров до самых глаз. — Прошу прощения... Почему-то при каждой нашей встрече моя одежда оказывается во всё большем беспорядке.

— Друг мой, да будет это самой значительной из твоих забот, — хитро улыбнулся дэль Ари. — Я принёс одну любопытную вещицу. Не желаешь ли взглянуть?

Тут же позабыв о несовершенстве своего костюма, Венсель уселся на лавке. Мерридин подал ему Адалетову брошь.

— Что думаешь о сием артефакте?

Лицо Венселя осветилось нетерпеливой радостью, словно у ребёнка, получившего леденец. Отбросив с лица непослушные локоны, он поднёс брошь к глазам, принялся вертеть её в руках, осторожно поглаживая со всех сторон.

— Это семейный амулет на поиск золота и самоцветов в земле. Работа этлов, выполненная ещё до постройки Ограды, — заявил он уверенно.

— Есть мнение, что владеть им должен только прямой потомок амира Ахлиддина, непременно мужского пола. Это так?

— Глупости. Привязка к крови имеется, но не более того. Правда, амулет испорчен: кто-то сделал посторонние отводки от основной силовой сети, к тому же одна из них теперь оборвана.

— Можно ли это исправить?

Венсель сделал над камнем осторожное движение, словно пряха, собирающаяся потянуть из кудели нить, тут же ойкнул, отдёргнул руку, поплевал на кончики пальцев и вздохнул:

— Эх, инструмент бы...

Мерридин услужливо протянул ему свои деревянные щипчики в замшевом чехле и узкий кинжал. Венсель схватил их и, забыв поблагодарить, с азартом взялся за дело. Щипцами он принялся старательно скручивать что-то невидимое обычным глазом, в нескольких местах поковырял остриём кинжала серебряную оправу, нагрел камень в пламени свечи, протёр его краем храмового полотна... Наконец, вполне довольный результатом своих усилий, он осторожно подул на брошь. Чёрная шпинель на миг озарилась изнутри дивным пламенем, обретая прозрачность и алый цвет, а потом снова угасла.

— Красота, — прошептал Венсель и закрыл глаза.

Мерридин помог Венселю снова лечь на лавку, незаметно забрав при этом брошь из его руки.

— Расточительность — большой грех, молодой человек, — сказал он, укрывая Венселя храмовым пологом. — За подобную работу следует требовать платы чистой силой, причём вперёд. Я не желаю прослыть обирателем наивных юношей, и потому расплачусь с тобой

пусть небольшим, но важным советом: помни, магия — это только лишь сила, но сила — это не только магия. Отгораживаясь от простых человеческих радостей, ты выбрасываешь на ветер силу жизни, заключённую в них.

— Ваш совет, мастер, несколько запоздал. Я уже пробовал жить вместе с людьми, ничего доброго из этого никогда не выходило. С некоторых пор я остерегаюсь испытывать тёплые чувства к кому-либо.

— А как же Услава? — с хитрой улыбкой тихо спросил Мерридин.

— Привязаться к ней было большой ошибкой. Напрасно я пустил эту девушку в свои сны. Сперва меня забавляла её наивность и милая простота, но потом... Понимаете, мастер Мерридин, я почти поверил в то, что мы сможем быть вместе.

— Разве же это плохо?

— Плохо, и весьма. Потому что невозможно. Так далеко милость князя по отношению ко мне никогда не зайдёт.

— Подумать только, — проворчал Мерридин себе под нос, — до чего ленива нынешняя молодёжь! Ты полагаешь, если встать под деревом, персики сами начнут падать к тебе в рот? Нет, любезный, их надо сперва сорвать, и не каждый окажется сладким. Но тот, кто не пробует, вообще ничего не получит. Подумай об этом на досуге, и — да поможет тебе Маэль.

Настала ночь, Ольховецкая крепость погрузилась в сонную тишину. Один только Венсель маялся в храме, ковыляя из придела в придел и раздумывая над тем, что сказал ему старый маг. Вдруг входная дверь тихонько скрипнула. «Кого ещё раکش принёс?» — подумал Венсель, спешно заворачиваясь в своё полотно и отступая в земной придел. Мощная фигура ночного богомольца прошмыгнула мимо него в придел воды. Некоторое время было слышно, как неизвестный сопит там и возится в темноте, потом заискрило огниво, вспыхнула одинокая свеча.

— Эй, болезный, — раздался неласковый голос няньки Стины, — ты где есть? Вылезай, поговорить надобно.

Венсель затаился, стараясь почти не дышать. Не дождавшись от него ни звука, Стина заявила:

— Молчишь, значит. Ну-ну, молчи. Чтоб ты знал, завтра с самого ранку княжну нашу повезут Перелесским трактом в монастырь. И имей себе виду, что места там пустынные, дикие, а охраны-то с собой дадут всего ничего. Вот и думай. Понял ли?

— Вы о чём, тётушка Стина? — спросил Венсель из темноты.

Нянька фыркнула.

— От ведь, угораздило мою ясочку с эдаким бестолковым связаться! Да о том, что в дороге-то иной раз всяко бывает. Поедет какая девица в святую обитель, а её по пути возьмут да и умыкнут... Ну, теперь понял?

— Кажется...

— Тогда бывай, — прилепив свечу к краю одной из чаш, Стина осенила себя охранным знаком и двинулась на выход. На пороге она обернулась и добавила тихо:

— Слышишь ли, маг? Ты не мысли себе, что задурил девке голову — и можно теперь сдристнуть в кусты. Только попробуй мою ясочку обидеть, я тя из-под земли выну.

— Да понял я, тётка Стина, всё понял. Мне бы только раздобыть портки и обувь, а то неловко как-то в одном исподнем разбойничать...

Отъезд княжны в монастырь был событием скорее торжественным, чем грустным, но всё же среди провожающих многие лица затуманило печалью и тревогой. Выдвигаться в

путь приготовились ещё до рассвета. Князь глядел на отъезжающих с красного крыльца непроницаемо и строго, а кастелян Вельм из-за его спины — с жалостью и чуть виновато. Княжич Милослав недовольно хмурился, отдавая последние распоряжения десятнику, которому было поручено проводить княжну в монастырь. Он вообще находил решение отца неправильным, но на людях спорить и возражать не считал возможным, тем более что всё уже было много раз говорено во время прощальной трапезы, накануне вечером. Нянька Стина, руководившая сборами, была сосредоточена и необычайно мрачна. Старый Ельмень много раз тщательно осмотрел упряжь на лошадях и проверил, хорошо ли закреплен сундук с поклажей. Янина с Малей украдкой вздыхали, помогая княжне облачаться в строгий молельный наряд.

Наконец, княжна в тёмном глухом покрывале последний раз спустилась с девичьего крыльца в свой сад. Пройдя в сопровождении девушек через двор, она остановилась перед красным крыльцом, поклонилась князю. Тот осенил её охранным знаком и сказал: «Да пребудет с тобой Маэль». После к крыльцу подъехал закрытый возок, княжну усадили в него, Стина устроилась на облучке рядом с возницей, и поезд под унылое молчание провожающих выехал из ворот крепости в посад. Несмотря на раннюю пору, многие жители вышли проводить будущую Маэлеву невесту: молча кланялись и делали вслед охранные знаки.

За посадскими воротами стало повеселее: рассвело, ласково пригрело Око. Перелесский тракт считался дорогой тихой и безопасной. Вёл он в горы сквозь старый лес, и вдоль него мало было человеческого жилья. Заканчивалась же проезжая тропа там, где деревья на горных склонах уступали место травам, а за землю начинали цепляться холодные белые облака. В этом месте, на склоне Туровой горы, стоял уединённо храм Небесных вод, маленькая обитель, уже много стокружий служившая пристанищем, часто последним, для овдовевших, провинившихся, навлекших на себя позор или просто ставших неугодными женщин из семьи пригородских князей, потомков Сарга из рода Горного Тура. Но пока до тех унылых мест было ещё далеко: вокруг зеленела листва, пели птички, пробегали по веткам чёрные белки, а раз тропу даже быстрыми скачками пересёк лесной олень.

Незадолго перед полуднем, наскучив сидеть в возке, Услава попросила своего провожатого сделать привал. Выбрав ровное место чуть в стороне от тропы, рядом с ручьём и с небольшим старым кострищем, десятник распорядился стать лагерем. Пока возница хлопотал, устраивая на отдых лошадей, а стражи рубили валежник для костра, княжна под приглядом няньки собирала у опушки леса землянику. Вдруг на ветке одного из кустов Стина увидела тонкую красную ленту: та висела, словно подношение хранителям леса на добрый путь. Улыбнувшись едва заметно, Стина сказала шёпотом:

— Ну-ка, ясочка, пойдём-ка со мной. Нас ждут.

— Кто? Зачем? — удивилась Услава.

— Идём, идём. Там узнаешь. Только тихенько иди, не спеши, будто бы за ягодой, или ещё что...

— Эй! Куда? — тут же окликнул их издалека десятник.

— До ветру, — рывкнула на него Стина и уверенно потащила Усладу за кусты.

Продвигаясь через лес с завидным проворством, которое прежде трудно было в ней предположить, Стина на ходу одну за другой снимала с ветвей вешки из лент. Последняя указала ей на трещину в горе. Заходить внутрь нянька не стала, да и едва ли она смогла бы протиснуться в столь узкую щель. Недовольно поджав губы, она заглянула внутрь, потом позвала:

— Есть кто?

Ответа не последовало, зато сзади вдруг раздалась звонкая, переливистая трель зяблика. Услава обернулась — и увидела Венсея. Он стоял возле молодой сосны с манком в руках и улыбался. Ахнув, Услава бегом бросилась к нему. Тёмный покров слетел с её головы. Не добежав лишь пары шагов, она вдруг сообразила, что творит, залилась румянцем и в нерешительности замерла на месте. Венсель подошёл сам, обнял её и тоже сразу вспыхнул, как маков цвет.

Сколько-то мгновений Стина с усмешкой наблюдала, как эти двое стоят, зажмурившись и прижавшись друг к другу так тесно, словно вознамерились слиться в одно тело, а потом громко прищёлкнула языком. Венсель вздрогнул и открыл глаза. Услава, покраснев ещё гуще, соскользнула руками с его шеи.

— Венсель! Ты что здесь делаешь? — спросила Услава, вновь обретая дар речи.

— Похищаю тебя самым злодейским образом. Пойдёшь со мной?

— Так меня же хватятся...

— Непременно. А мы с тобой запрёмся на Задворках и сделаем вид, что ни о чём не слыхали.

— А князьки люди придут, искать станут?

— Скажем, что нас нет дома. Или наколдую такую личину, что никто в ней тебя не узнает ни за какие пряники. Ну как, согласна?

Услава кивнула и снова с наивной улыбкой прижалась к нему всем телом. Однако на сей раз Стина не позволила молодым людям прилипнуть друг к другу и забыть обо всём на свете.

— Эх, молодо-зелено, — буркнула она недовольно. — Бегите отседова, потом станете обжиматься.

Сразу до смешного посерьёзнев, Венсель сделал рукой движение, словно набросил на себя и девушку покрывало, и оба исчезли, сделались невидимы.

— Ну ты подумай, — возмутилась Стина. — А стражам я что скажу? Хоть бы крикнула разок для порядку!

— А что надо кричать? — робко спросил идущий из ниоткуда голосок Услады.

— Что обычно кричат, когда на помощь зовут.

— Помогите, люди добрые... — пискнула Услава так вяло и неубедительно, что сама тут же рассмеялась. А Стина заметила:

— Не умеешь. Надо вот как, — и она сперва испустила громкий, пронзительный визг, а потом завопила на всю округу: — Украли! Ах, украли! Сюда, кто-нибудь! На помощь! Сюда-а-а!

Примечания:

* Охабень — верхняя распашная одежда, широкая и длинная, с прорезами под рукавами и четырёхугольным откидным или стоячим воротником. Рукава были длинные и узкие, их часто завязывали сзади, при этом они не имели никакого практического значения, так как руки продевали в разрезы под ними («прорези»). Охабень шили из дорогой ткани с драгоценными пуговицами ювелирной работы и подбивали мехом, он являлся одеждой знатного сословия.

** Намитка — убрус, верхний головной убор замужней женщины, представлял собой платок или прямоугольное полотнище длиной 2 м и шириной 40–50 см и носился поверх повойника или волосника.

Сила услышит

В утро отъезда Услады в монастырь не все жители Ольховецкой крепости вышли её провожать. В казармах продолжалась обыденная жизнь: сотник Брезень, сменив ночную стражу, развёл по постам дневную, а потом отправился на казарменное крыльцо, ждать, когда кравотынцы поприветствуют Око Маэля и освободят учебное поле.

Как обычно, на крыльце ошивался Благослав. Нельзя сказать, чтобы Брезень был ему рад, но за дни пребывания в крепости кравотынцев успел смириться с тем, что княжич неизменно приходит поглазеть, как иноземцы упражняются с оружием. Если б он при этом ещё и молчал... Однако подобное чудо было невозможно даже в самых смелых мечтах.

Вот и теперь вместо приветствия княжич, сверкнув белозубой улыбкой, заявил:

— А, Брезень! Опаздываешь, поле уже занято. Чем ждать, построил бы своих орлов задним рядом, и пускай тоже Око славят. Или они у тебя до сих пор путают сено с соломой*?

— Беспокоить людей амира и мешать их учениям не велено. Приказ князя, — терпеливо объяснил сотник.

— Ну и зря. Их, вон, вчера вообще только половина с утра на поле выползла. Не такие уж и строгие окопклонники, как оказалось. Никто не погоняет — сразу пошло разгильдяйство.

— Нынче все на местах.

— Ещё бы. За девчонкой формы повторять всяко интереснее, чем одним или глазами на тощую задницу амира. Кстати, где он сам?

— В своих покоях. Гардемир говорит, здоровье господина Адалета сильно пошатнулось: от недавних потрясений его хватил удар.

— Ну так, — кивнул Благослав, — оно и не удивительно. В его возрасте уже о вечном думать надо, а не мечом на припёке размахивать...

Брезень сам был не намного моложе Адалета, и потому ему стоило некоторых усилий удержать при себе колкий ответ. А Благослав, как обычно, не заметив неприязни во взгляде собеседника, продолжил:

— Зря амир дёргается по пустякам. Подумаешь, был парень, стала девка. На мой вкус, так неплохо. Парнем Идрис был какой-то толстый и нескладный, а девка из него получилась даже ничего, осанистая, и есть за что подержаться...

Брезень снова многозначительно промолчал. Благослав намёка не понял.

— Я бы с такой замутил, задница у неё, что надо. Да, знаешь, я ведь с самого начала догадывался, что где-то нас с этим Идрисом дурят. В чём именно загвоздка, конечно, не знал, но... э... как бы сказать... Меня обычно парни не интересуют. А этот вот прямо все дни из головы не шёл. Вроде, зануда хмурый, и внешне ничего особенного, но как возьмёт меч, сразу появляется что-то такое-эдакое в движениях... Ну ты понимаешь, о чём я.

— Вполне. О зависти, — не удержался Брезень.

— Да ну тебя! Посмотри сам: вот она сей миг что вытворяет... Эти парни там, на поле, верно, все железные. Или напрочь слепые. Как думаешь, Брезень, мог у неё и характер поменяться на девичью сторону, не только тело? Так, чтоб хоть немного поубавилось упёртости?

Брезень вздохнул и сказал как можно спокойнее:

— Советую вам говорить тише и не разглядывать госпожу амирани столь откровенно. В Кравотынском амирате за такое принято отрубать уши. Иногда вместе с головой.

— Хотел бы я знать, кто рискнёт, — задиристо воскликнул Благослав.

— Прежде всего — сама госпожа амирани.

Закончив последнюю фигуру, «Умиротворение», Идрис убрала меч в ножны, произнесла: «Око взошло», затем опустилась на колени и низко поклонилась восходящему светилу. Её движение слаженно повторили все, пришедшие славить Око. Настало время приветственной молитвы. Идрис уверенно и громко проговаривала с детства знакомые слова, воины в пол голоса вторили ей. Благослав высокогорного наречия не понимал, но слушал с удовольствием и невольно улыбался: голос у девушки был низкий и вместе с тем мелодичный, завораживающе красивый. Завершив молитву, Идрис снова поклонилась Оку, поднялась с колен, обернулась и коротким поклоном поблагодарила всех собравшихся.

Лицо её скрывал платок, повязанный так, что видны были лишь глаза, но уже по их выражению Благослав догадался: что-то пошло не по правилам. Не все ответили на поклон амирани, и уходить с поля, против обыкновения, никто не спешил. Молодой воин бросил несколько слов, ему ответил кто-то из старших, завязался общий оживлённый, но вовсе не мирный разговор... Только Идрис стояла неподвижно, одна против всех, и молчала, опустив руку на рукоять меча.

— Что у них там? — резко спросил Благослав у сотника. — Ты понимаешь, о чём речь?

Брезень отрицательно покачал головой: он тоже не знал языка Высоких Грид.

— Некоторые из собравшихся здесь верных полагают, будто женщина не вправе вести служения и первой произносить слова молитв, — пояснил господин дэль Ари, как-то незаметно возникший рядом. — Они опасаются, что тем самым амирани Идрис оскорбила Небесного Воина, и полагают, что за это её следует казнить. Большинство, однако, разумно возражает им, говоря, что последние пять кругов Идрис постоянно находилась среди воинов, и Небесный Воин никак её за это не покарал. Но так как женщине не пристало носить боевое оружие, госпоже амирани следует, не медля, выбрать себе мужа из числа верных и передать меч амиру ему. Только очень похоже, что госпожу амирани не устраивает ни один из предложенных путей.

— Какого Ящера они делят амиров меч и амирову дочку без самого амира?

— Увы, мой господин, амир Адалет нынче лишился своего почётного звания: он уже три дня не созывал верных на служение Небесному Воину.

Недобро усмехнувшись, Благослав сказал:

— Ракш возьми, похоже, назревает драчка... Пойду к амирани: пусть эти дикари видят, что у нас не принято бросать женщину в беде.

Княжич соскочил с крыльца и решительно зашагал в поле.

— Ай-вэй, какой нетерпеливый молодой человек, — вздохнул господин дэль Ари. Мягко кивнув сотнику, он поправил на себе кафтан и торжественно, неторопливо двинулся вслед за Благославом.

В поле было жарко. Взошедшее Око зло пекло с небес, но ещё яростнее полыхали взгляды и недобрые чувства.

— Пусть амирани отправляется домой, к песту и прялке! Выберем достойного из своих рядов — и он...

— Нечего делать в доме верных той, что забыла девичью скромность! Казнить нечестивицу — и дело с концом!

— В уме ли ты, Рамиль? Стыдись! Разве не твоего сына Идрис отбил у полян и три дня вёз на своём коне, догоняя войско?

— Женщина посмела стоять впереди воинов! Причём тут старые заслуги?

— Уймитесь, слепые! Амирани никого не созывала на служение, она служила Небесному Воину одна, по своей воле и с собственным клинком! Вы сами пришли и встали за её спиной — так в чём вина девушки?

— Уже в том, что она посмела притворяться мужчиной! И она, и кхалимн-алсаут** Адалет должны быть казнены!

— Зачем чернить руки кровью потомков амира Ахлиддина? Пусть один из верных возьмёт амирани в жёны, и прошлое будет забыто.

— Как бы не так! Кто из верных согласится взять за себя осквернённую тёмным колдовством? Род амира Ахлиддина опозорен! Войску нужен новый амир!

— А кто из вас каан, чтобы его назначать?

Наконец, все слова были сказаны, и повисла звенящая тишина. Именно в этот миг Благослав подошёл, встал за плечом амирани и шепнул:

— Я с тобой, своячок.

Идрис ничем не дала понять, что услышала его. Печальным взглядом она обвела притихших верных, убедилась, что все глаза устремлены на неё, и только тогда начала свою речь.

— Я долго слушала вас. Теперь, когда вы закончили галдеть, точно стадо неверных на торгу, молчите и слушайте меня.

Захид назвал меня осквернённой тёмным колдовством. Да, он прав. Но я не просила себе подобной доли, лишь поступила так, как предписано Небесным Воином: подчинилась решению амира и своего отца. И я благодарна ему за это проявление отеческой воли, потому что оно позволило мне научиться видеть и выбирать.

Я читала Книгу наставлений, настоящую, а не ту, что принято держать в наших домах для женщин. Те, кто пытался упростить слова Небесного Воина, сделав их яснее для слабого разума дочерей и жён, исказили их смысл, а потом сами поверили в свои толкования. Нигде, ни в одном наставлении, записанном первым амиром земли Восходящего Ока (поправьте меня, если сможете, о верные!), нет ни слова о том, что женщинам надлежит всегда молчать, сидеть дома и прятать лица. Есть предписание всем верным без исключения, и мужчинам, и женщинам — хранить достойную скромность, быть сдержанными в одеждах и речах!

Исходя из обычных жалоб людей, Небесный Воин призывал женщин хранить верность мужьям и избегать пустого прекословия, мужчинам же он неоднократно напоминал о необходимости быть справедливыми и удерживаться от гнева, особенно в отношении слабых, лишённых голоса и неверных. Тем же, кто не уверен в своей способности сохранять справедливость и ясный от гнева ум, Небесный Воин предписывал полагаться на решения старших и более мудрых.

Вот то, что увидели мои собственные глаза. Прочее — ложь. Есть ли среди вас кто-либо, способный с Книгой в руках доказать мне мою неправоту? Или может, кто-то желает возражать мне перед лицом Неба***?

— О Идри, для того ли я учил тебя держать меч? — укоризненно промолвил Якун, однако Идрис даже не обернулась в его сторону. Спокойно и прямо, без тени страха смотрела она в лица своих воинов, и те невольно опускали головы, отводили глаза. Но тишина вокруг по-прежнему звенела от недобрых предчувствий. И тут между Идрис с Благославом и воинами возник господин дэль Ари.

— Да простит меня многоуважаемая амирани, — сказал он, кланяясь почтительно, но с

достоинством, — и вы, верные Высокогорья, не сочтите моё вторжение за дерзость. Являясь слугой Хранителя земли Восходящего Ока, могу ли я надеяться быть выслушанным на вашем собрании?

Сперва он посмотрел на Идрис, и только после, получив от неё безмолвное позволение, обратился к её воинам.

— Все вы знаете, что ваши предки хоть и покинули родную землю против воли, всё же не были лишены благословения. Хранитель Тивер позаботился о том, чтобы даже в изгнании рождённые в его уделе не терпели жестокой нужды: покидающим Тивердынь был вручён Глаз Нахи, амулет, позволяющий видеть драгоценные жилы, скрытые под землёй. Но чтобы избежать меж людьми раздоров и споров о старшинстве, стражем амулета был назначен амир Ахлиддин. Его потомкам предписано беречь Глаз Нахи и использовать его силу на благо верных до тех пор, пока род Ахлиддина не прервётся или не покроет себя несмываемым бесчестьем.

Чтобы люди видели, что их амир не утратил милости небес, амулет в руках законного хранителя светится живым пламенем. Прежде, когда огонь жизненной силы амира начинал угасать, Глаз Нахи тускнел, и тогда амир передавал амулет сыну вместе с правом руководства людьми, наставления их на путь истины, разрешения их нужд, установления законов Небесного Воина на земле и наказания преступников. Так было всегда. Почему же ныне смущены ваши умы и сердца? Амирани Идрис принадлежит к роду Ахлиддина и утверждает, что не совершила непростительных дел. Если это так, пусть она возьмёт в руки амулет и покажет своим верным огонь благословения. Увидев его, все уверятся в её правде, и сомнения разрешатся.

В полной тишине Мерридин извлёк из поясной сумки свёрнутый хитрым узлом платок с бережными письменами, развернул его и показал всем присутствующим маленькую шкатулку, покрытую сложной резьбой. В ней лежал чёрный камень, оправленный в серебро.

— Возьми амулет, о амирани, и пусть все имеющие глаза увидят, — торжественно произнёс маг.

Идрис, сосредоточенно хмурясь, протянула руку, взяла из шкатулочки брошь и подняла её на раскрытой ладони перед собой. Довольно долго ничего не происходило, и по рядам воинов уже прошёл недовольный вздох, но потом камень вдруг начал меняться, словно в тёмную комнату кто-то внёс свечу. Простая, чёрная шпинеель обрела прозрачность и алый цвет, осветившись изнутри ярким, ровным пламенем силы.

Примечания:

* Путают сено с соломой — в смысле, путают право и лево при отработке приёмов в строю.

** Кхалимн-алсаут — лишённый голоса, раб. В Кравотынском амirate рабами считались все мужчины, не способные к воинской службе. Исключение составляли состарившиеся воины, в течение жизни ничем не запятнавшие своей чести. Их называли "саут-кхма", голосом мудрости, и весьма почитали, но при этом последнее слово в любом деле всегда оставалось за действующими воинами.

*** Возражать перед лицом Неба — требовать судебного поединка.

Тайное становится явным

Весть об исчезновении княжны Услады всколыхнула Ольховец. Пока Брезень с дружиной и отрядом амирани Идрис прочёсывал окрестности Перелесского тракта, по посаду бродили рассказы одна жутче другой. В храме непрестанно шло моление поиска. В

крепости Гардемир по приказу князя начал собственное расследование. Из дымохода в занимаемой им части княжских хором с самого утра поднимался чёрный дым, порождавший страшные слухи среди посадских простецов.

К вечеру того же дня Гардемир явился к князю с докладом. Где-то на четверть склянки они заперлись вдвоём в читальне. О чём говорили — не удалось подслушать даже самым ушлым из челяди, зато после все любопытные могли наблюдать весьма занятное явление: как обычно, Гардемир вышел от князя с непроницаемым видом, удалился от дверей, но за первым же поворотом галереи вдруг злорадно улыбнулся (улыбка эта вовсе не украсила его лица), щёлкнул пальцами и сказал постовому стражу: «Бабы... Все они одинаковы, что княжна, что последняя репоедка. Сколь ни воспитуй, как ни сторожи — у них одно на уме». И, сплюнув на пол, маг бодрым шагом, едва не вприпрыжку, двинулся прочь.

Тем временем князь приказал, не медля ни мига, привести к нему весьма пёструю компанию: кастеляна Вельма, княжича Милослава, няньку Стину, десятника Торока, командовавшего в злополучный день охраной княжны, и смотрителя Ельмена, исполнявшего при ограбленном поезде обязанности возницы. Когда все перечисленные были доставлены в читальню и построены в ряд вдоль стены, Радогост выгнал из помещения охрану, закрыл на задвижку дверь и принялся молча, с суровым видом расхаживать по комнате взад и вперёд, скрестив руки на груди.

Приглашённые стояли тихо, опустив глаза в пол. Впрочем, если приглядеться повнимательнее, можно было понять, что из всей компании один только Вельм чувствует себя действительно виноватым. На физиономии Стины были написаны мрачноватое спокойствие и уверенность в своей правоте. Красивое лицо Милослава туманила тень затаённого упрямства. Торок с Ельменем откровенно трусили, ожидая решения своей участи. Вот на них-то и обрушился первым делом княжий гнев.

Завершив очередной круг, князь, наконец, остановился, окинул всех стоящих перед ним, тяжёлым взглядом и неласково произнёс:

— Ну? И как я должен это понимать?

Ответом ему была звенящая, почти ощутимая кожей тишина.

— Молчите, значит... Тогда я сам скажу, как это называется: заговор. Да-да, уважаемые, иначе произошедшее обозначить трудно. Подумать только, заговор — в моём собственном доме!

Пройдя ещё один круг от двери до окна, князь резко остановился против десятника с Ельменем и рявкнул:

— Вон! Прочь с глаз моих! С завтрашнего дня оба служите у княжича Милослава конюхами, мне здесь ящеровы заговорщики без надобности! А пока — марш на конюшню, лопаты в руки, и чтоб к утру всё блестело! Приступать!

Радуюсь, что дёшево отделались, оба разжалованных мышками вышмыгнули из читальни и плотно прикрыли за собой дверь. Князь же, отмахав по помещению ещё с десятков кругов, остановился и обратился к оставшимся:

— Так. А с вами что прикажете делать? Ладно эти: им велели — они и исполнили. Но вы? Самые близкие люди! Друг детства! Мой наследник! Моя... хм... ладно, не суть. Как вам подобное в головы пришло? Хотя, о чём я? Зубатке понятно, чья тут работа. Стина! Не отпирайся, я всё знаю. Это безобразие придумала и организовала ты! Но ради Маэля: зачем?

— Дочь твою пожалела. Ей бы замуж за хорошего парня, а ты... Держал жито в ларе, а от мышей-то и не сберёг. Что ж теперь, за твои огрехи сгноить девку в обители?

— Так, ясно, — оборвал её князь сердито. — У баб на всё один ответ. Но ты-то чем думал?

Эти слова уже были обращены к княжичу. Милослав ответил прямым и твёрдым взглядом.

— Отец, я по-прежнему считаю, что отправлять Усладу в обитель несправедливо. Ей было бы куда полезнее пожить пару лун у меня, в Городце. Возможно, удалось бы даже найти ей подходящего жениха в одном из рыцарских домов Элории или Загриды...

— Молчи, сын, — оборвал его Радогост. — Ты знаешь, как я отношусь к ветропрахам, вьющимся вокруг твоей жены.

— Спору нет, — спокойно сказал Милослав, — кравотынцы выглядят глаже: на дуэлях не дерутся, не пьют, не курят, не волочатся за девками... Только всё это не помешало Адалету тебя обмануть.

Радогост, потемнев лицом, собрался было рассказать непочтительному малолетку, куда ему пойти со своими скороспелыми рассуждениями, но на плечо его вдруг легла рука кастеляна.

— Рад, послушай, — мягко сказал Вельм, — не стоит сгоряча кидать друг другу обидных слов. Да, мы поступили не так, как следовало бы добрым подданным. Но подумай сам: ведь мальчик во многом прав. Отсылая княжну в обитель, ты не спрятал её от злых языков, а только дал ход нехорошим слухам. Расстроившаяся свадьба — не Усладина вина.

— Однако косо глядеть станут именно в её и мою сторону, — горько вздохнул Радогост. — Особенно после того, как ваша выходка выплывет на Маэлев свет.

— Этого не случится. Все мы любим княжну, и потому сохраним её тайну.

Радогост ещё раз обвёл хмурым взглядом всех присутствующих, задержался глазами на Вельме.

— Я подумаю об этом. Ступайте.

Оставшись в одиночестве, князь устало опустился в кресло.

— Что ты на это скажешь, Мерридин? — спросил он в пустоту. — Как думаешь, много ли выйдет вреда, если я пошлю Брезня с отрядом на Задворки? Или стоит простить этих доморощенных интриганов и оставить всё так, как есть?

Пустота между книжными поставцами сгустилась, выпуская из тени стройную фигуру пожилого мага. Оправив на себе бархатный щегольской кафтан, он ответил с почтительным поклоном:

— Прошу прощения, светлейший, но на сей раз княжич и кастелян правы, а вы — нет. Потоки силы уже изменили своё течение, вероятное сделалось неотвратимым. Стоит ли с этим спорить, навлекая на себя гнев богов? Или может, вас гнетёт мысль о том, что история эта, став достоянием досужих ушей, покроет род Сарга недоброй славой? Смею утверждать, вероятность подобная крайне мала. Всем известно, что госпожа Нортвуд — оборотница, притом весьма вздорного нрава. Если она, вернувшись к мужу, изменит личину, кого это удивит? В то же время благодарность столь щедро одарённого силой мага, как мастер Венсель, будет ценна для вас, когда начнётся строительство крепостицы в Задворках и новой части Ограды. Что же касается бедной госпожи княжны... Поехала на богомолье — да и сгинула в пути. Бывает, увы. Дороги судьбы неведомы смертным.

— И ты туда же, старый лис, — укоризненно заметил Радогост. — А я становлюсь слишком ленив для того, чтобы спорить и настаивать на своём. Верно, жизнь моя уже клонится к закату...

— О, напрасно вы, господин, позволяете себе предаваться столь грустным мыслям, они съедают силу и омрачают ум. Вероятности вашей судьбы благоприятны, а состояние телесного здоровья позволяет надеяться, что вы ещё много раз увидите травостав.

— Однако я чувствую себя запутавшимся и уставшим.

— Так женитесь. Прекрасная юная дева украсит дом и отгонит прочь мрачные мысли.

— Вот уж нет. Подобные советы, Мерридин, оставь при себе. Не все же хотят коптить небо по три сотни кругов, как ты. Лучше ответь на вопрос. Мне не даёт покоя вот какая мысль: с чего Адалет взял, будто моя дочь обладает даром силы?

— Он просто ошибся, хоть я вынужден признать, что в ошибке этой есть доля и моей вины. Не так уж часто мага без причины приглашают на должность домашнего наставника, даже к детям правителей.

— Хм... Прежде я об этом не задумывался. Я точно знаю, что ни один из моих детей не имеет необычных задатков. Сын Вельма тоже самый обычный парень. А дар Красы не таков, чтобы заинтересовать тебя. Я ведь прав? Но тогда... Идрис?

Мерридин улыбнулся одними уголками губ.

— Вы весьма проницательны, светлейший. Однако есть вопросы, которые не следует задавать.

А что же на самом деле случилось с пропавшей княжной?

Расставшись со Стиной, Венсель и Услава протиснулись в трещину на склоне и оказались в извилистом и тёмном коридоре, уводящем куда-то вглубь горы. Венселя темнота не смущала: для него стены пещеры светились мягким золотом от пронизывающих их потоков силы. Услава не видела этого света, но, вцепившись в руку своего спутника, ощущала себя спокойно и надёжно просто потому, что вполне ему доверяла.

Всё шло хорошо до тех пор, пока за очередным поворотом Услава не услышала впереди тихий плеск воды. Коридор заканчивался выходом в большую пещеру, на дне которой лежало подземное озеро. Его противоположный берег и потолок пещеры терялись в непроглядной тьме. Только ближайшие стены можно было рассмотреть. На них тут и там виднелись колонии огромных улиток: каждая была размером с добрый кулак и испускала тусклый зеленоватый свет. Когда люди проходили мимо, пещерные жительницы начинали светиться намного ярче, глаза на стебельках поднимались над витыми раковинами и задумчиво смотрели путникам вслед. Под их взглядами Услава слегка встревожилась.

— Ты точно знаешь, куда мы идём? — осторожно спросила она у Венселя.

— В общих чертах.

— То есть всё-таки не знаешь... Ах, Венсель! А что если в озере живут какие-нибудь опасные твари?

— Нет тут никого, опаснее улиток, а они — миленькие.

— Почему ты в этом так уверен?

— Потому, что я маг.

— В лесу тебе это не слишком помогло. Давай остановимся? Зачем они так глазят на нас? Мне страшно!

Но Венсель продолжал упорно идти вперёд вдоль кромки воды. Услава свободной рукой схватила его за пояс и изо всех сил упёрлась ногами в чёрный песок. Протащив её за собой ещё несколько шагов, Венсель всё же остановился и сказал:

— Перестань, птаха, никакой опасности здесь нет. Мы почти дошли до места, где я оставил лодку. Дальше поедем с удобствами.

— Но куда?

— Нам с тобой нужно посетить одно важное место и провести там... м... небольшой обряд. После него нас уже никто не посмеет, да и не сможет разлучить.

— Мы поедem в храм, чтобы обручиться?

— Извини, но — нет. Я уже проходил через обряд обручения, так что участвовать в нём во второй раз не могу. К тому же без родительского благословения нас с тобой не обручат ни в одном из храмов Приоградья.

— Верно, — огорчилась Услава. — Как же тогда быть?

Венсель улыбнулся ей. Он осторожно подвёл девушку к лодке, стоявшей на тёмной отмели среди камней, помог перебраться через борт и сесть на скамью.

— Знаешь, как поступают лесные тормады, когда приводят в дом вторую жену?

— Да, — буркнула Услава себе под нос. — У нас про такое говорят: обручались вокруг ели, а ракшасы пели*.

— Почти в точку, — весело заметил Венсель, отталкивая лодку от берега. — Но не вполне. Супружество, которое нельзя заверить в храме, будет всё равно считаться настоящим, если дать клятвы верности на пороге у этла, призвав его в свидетели. И поверь мне, это куда серьёзнее храмового обряда, на котором певчие горланят гимны, не понимая и половины собственных слов, свидетели озабочены лишь предстоящим пиром, а у жреца трещит с похмелья голова. Нашим же с тобой свидетелем будет сам Хранитель Грид. Клятвы, заверенные детьми силы, нельзя нарушить или растрогнуть, словно неудачную сделку на торгу.

— Но как о них узнают люди?

— Почувствуют. Ты увидишь сама, никто больше даже не подумает разлучить нас. Я действительно хочу быть с тобой, с этого мига и до самой смерти. Делить с тобой кров, хлеб и постель. Возвращаться домой, и знать, что ты меня ждёшь. Беречь тебя ото всех бед. Согласна ты стать моей? Если не уверена или боишься...

— Да, я согласна. Но...

— Ура, — воскликнул Венсель, не позволив Усладе договорить.

С этим возгласом он навалился на борт лодки, резко наклонив её на себя. Услава вывалилась в воду, смела Венселя с ног, и они вместе окунулись с головой.

Первый миг, вынырнув на поверхность, Услава отчаянно завизжала и забила руками. И только потом сообразила, что во-первых, Венсель крепко держит её за талию, а во-вторых, глубина в этом месте от силы по пояс, так что утонуть ей в любом случае не грозило. Зато её визг привёл в смятение всё сообщество подземных улиток: вытянув в её сторону бесчисленные щупальца с глазами на концах, население пещеры дружно вспыхнуло серебристым лунным сиянием. Колонии улиток, словно живые созвездия, украшали свод пещеры и частой мозаикой окаймляли берега озера! Их были тысячи, десятки тысяч!

Первым делом Услава попыталась залепить Венселю пощёчину. Тот, смеясь, увернулся и принялся засыпать её со всех сторон потоками брызг.

— Ах ты!.. Да ты!.. — кричала Услава, в ответ щедро окатывая водой его. — Вот я тебе!..

Спасаясь, Венсель нырнул. Воцарилась тишина.

— Венсель? — позвала Услава. — Ты где?

Ответа не последовало. Мгновения шли, поверхность озера осталась пуста и спокойна. Свет улиток начал понемногу тускнеть. Услава испугалась не на шутку.

— Венсель! — закричала она отчаянно. Почти сразу сзади раздался тихий всплеск, и тёплые руки ласково легли ей на талию.

— Да что же у тебя шутки такие дурацкие, — прошептала Услава обиженно, не зная, смеяться или плакать.

Конечно, она его простила. Вместе они выбрались на берег. Одежда промокла насквозь. В подземелье не было никакой возможности её просушить, но Венсель сказал, что найдёт способ исправить дело, надо только снять всё и разложить по камням. На робкие возражения Услады о том, что ходить раздетыми друг перед другом им неуместно, он возразил: «Был бы толк стесняться? Всё равно тут темно и ничего не видно». И принялся помогать Усладе развязывать гашик на понёве. А потом были и поцелуи, и ласковые слова, и ночёвка вдвоём в уютной хижинке, устеленной мягким сеном... Правда, спать в ней почти не пришлось.

Утром Венсель на руках принёс Усладу к озеру, мыл её в тёмной воде, осторожно гладил ладонями ей спину, шептал ей на ухо странные заклинания вперемешку с глупыми нежностями и забавлял её, тревожа улиток на стенах и составляя из их светящихся раковин вензеля и картинки. Стоило Усладе захотеть есть — Венсель выкопал на мелководье какие-то странные корни, оказавшиеся не только съедобными, но и на диво вкусными. Она пожаловалась, что замёрзла — он тут же унёс её назад в хижину, и на сей раз Усладе гораздо больше понравилось не спать там вместе с ним, хотя спать, обнявшись, тоже было прекрасно.

В следующий раз Услава проснулась от холода, и с удивлением обнаружила, что Венселя рядом нет. Впрочем, выглянув из хижины, она сразу увидела свою пропажу. Почему-то улитки у берега в этот миг сияли особенно ярко, и фигура Венселя, неподвижно сидящего на перевернутой лодке, чётко вырисовывалась на фоне их тел. Услава подошла, заглянула ему в лицо — и наткнулась на тот самый пустой, ничего не выражающий взгляд, который так неприятно поразил её при первой встрече на Задворках. Она принялась звать Венселя, целовать, гладить по волосам, ласково тормошить... Откликнулся он не сразу. Поморгав, словно спросонья, с трудом удержал взгляд на её лице и грустно сказал:

— Пора. Я услышал зов Речной Хозяйки.

— А как же то место, куда мы должны были поехать? И обряд?

— Ладушка... Неужели ты не поняла? Ведь всё уже произошло: обещания даны, услышаны, и скреплены печатью тела. Будь мы с тобой просто людьми, нам осталось бы лишь вернуться домой и жить вместе долго и счастливо. Но я, к сожалению, не совсем человек, и потому не всегда могу делать то, что мне хочется. Услышав зов силы, я обязан следовать за ним. В такие моменты я порой выгляжу и веду себя очень странно: со стороны может казаться, что не вижу и не слышу ничего вокруг, что сошёл с ума... Пусть тебя это не пугает. Просто верь: я сделаю всё, как надо, и непременно вернусь, потому что поклялся на пороге Грида всегда возвращаться к тебе. Значит, так оно и будет, до тех пор, пока я жив, а ты меня ждёшь.

Примечания:

*У лесных тормалов многожёнство — обычное дело, да и в храм обручаться никто не ходит. И разводов у них не бывает, ибо нечего. Недовольные сразу же идут в лес с концами. У загридинцев и приоградских тормалов брачные обычаи строже: жена может быть только одна, браки фиксируются в храмовых книгах. Второй раз не обручаются даже после смерти мужа или жены. Вторые-третьи браки считаются данью человеческой слабости, в народе такие сожителства осуждают и называют самоволкой, а то и ракшасьей свадьбой. Зато по

загридинским законам в некоторых случаях возможен развод. Впрочем, он считается большим несчастьем, по статусу разведённые приравниваются к вдовцам и не могут получить храмового обручения с другим партнёром.

Говорят...

Говорят, девица Отава из рода Дроздов очень скоро и счастливо вышла замуж. Многие уверены, что столь добрую долю ей приманила близость с одним из лесных этлов. Кое-кто, однако, добавляет, что немалую роль в Отавкином замужестве сыграли пять золотых монет, которыми щедрый этл наградил её вдобавок к своим ласкам.

Говорят, девица Краса из рода Чёрных Воронов недолго прожила в уюкрыльем клане. Некоторые утверждают, что, разругавшись вскоре со своим крылатым мужем, она снова вернулась к людям и с тех пор бродит среди них, меняя обличья и похищая мужские сердца. Другие считают, что отец в конце концов убедил её возвратиться домой. Но узнать это наверняка невозможно: оставив службу, Гардемир Чёрный Ворон, лесной оборотень и маг, вернулся в Торм, а лесные оборотни, как известно, не слишком любят, когда обычные люди посещают их земли и суют носы в их дела. Есть и те, кто уверен, что встречал Красу в доме знаменитого тивердинского мага Мерридина дэль Ари: говорят, будто одна из его младших жён и любимейших учениц родилась в далёком Приоградье, и притом дивно хороша собой. Только стоит ли верить этим словам? Никто не видел лица младшей жены господина дэль Ари и не слышал её голоса, ведь она, как послушная жена верного, носит чадру и всегда молчит при гостях.

А украденная разбойниками девица Услава, княжна Ольховецкая и всего Приоградьа, пропала бесследно, словно канула в воду. Говорят, опечаленный этим прискорбным происшествием, князь Радогост едва не велел казнить няньку, проворонившую княжну. Однако после, смягчившись, он отменил наказание и даже оставил провинившуюся челядинку при себе. В тот же круг князь заявил, что желает удалиться от дел, и передал управление своими землями младшему сыну.

Говорят, молодой князь Милослав тоже весьма горевал о любимой сестре и в память о ней очистил предгорья Грид от разбойных ватаг. Впрочем, его войска так же изрядно прошлись и по верхнему Изендолъну, разоряя гнёзда пиратов и назначая поселениям мирных поморийцев посильную дань. А уж как они отличали одних от других — о том ведаёт лишь Пресветлый Маэль.

Рассказывают ещё, будто в то же самое время впервые за всю историю Кравотынского амирата его правительницей сделалась женщина — Идрис Адалетани. Говорят, амирани искусна в сражениях, но не любит войн. Под её рукой в высокогорье Закатных Грид оскудели шахты*, зато во множестве расцвели сады. Амирани приказала числить свободными всех, кто возделывает землю и трудится в мастерских, даже если они не могут нести воинской службы.** Также ей удалось впервые с древних времён замирить Дикое поле. Выбрав среди множества племён, кочующих по нему, одно, богатое, многолюдное, управляемое молодым и честолюбивым вождём, амирани помогла ему золотом и военной силой привести к покорности прочие племена. В благодарность она потребовала лишь безопасный проход для своих караванов через земли полян. С прочих торговцев люди властителя Дикого поля стали брать дань, взамен пресекая вольные грабежи на тропе. Так в Акхаладской долине надолго устроился мир, и торговые караваны вновь потянулись с берегов Изени в далёкую Тивердынь и назад.

Говорят, старший сын князя Радогоста посылал к амирани сватов. Посольство из

Приоградья было встречено тепло и любезно, домой вернулось с подарками, но на сватовство Благослава Идрис ответила вежливым однозначным отказом. Тогда княжич сам отправился в Кравотынь. Он был также встречен, как добрый друг, но когда предложил амирани свою руку, вновь получил отказ. Много дней и ночей отвергнутый смиренно стоял под окнами замка Идрис на ветру и дожде, ожидая, что сердце её смягчится. Она же не изменила решения, лишь сказала, что её мужем может стать только воин её собственной земли. После тех слов несчастный ушёл и больше никогда не появлялся ни в Приоградье, ни в сопредельных землях. Злые языки болтают, будто вспылчивый и своевольный княжич Благослав в отчаянии бросился со скалы, но ходит также слухок, что на самом деле он вступил войско амирани и верно ей служит. Так это или нет — кто знает... В личном отряде амирани, и впрямь, есть один воин — левша, говорят даже, будто он родом из чужих земель. Вот только зовут его не Благослав, а Алшахраджид**.

А целитель Венсель после отпуска вновь возвратился на работу в Приоградный гарнизон. Правда, покидать из-за этого Задворки ему не пришлось: рядом с его подворьем по князьему приказу выстроили крепостицу, протянув между ней и Рискайской новый участок Ограды. А для Венселя при Задворной крепостице устроили малый лазарет. Там он несёт службу, исцеляя не только стражей гарнизона с их лошадьми, но и мирных жителей с их скотиной, и никому не отказывает в помощи, а утрами выходит к водопойному колодцу, чтобы заговорить его от скверны и порчи воды. Говорят, Венсель странный, не от мира сего: не берёт за лечение платы, никогда ни с кем не скажет и пары слов, и глядит, словно сквозь людей, не встречаясь с ними глазами... И всё же народ его любит. Меж посадскими ходит байка, что того, кто с утра первым встретит у колодца Венселя, ждёт удачный день, гарнизонные же уверяют, будто лошадь, которую Венсель погладил перед патрулём, неизменно становится послушнее и сильнее. Но раз в круг Венселю приходится на целую луну отправляться в большой лазарет: в эту пору уходит в отпуск целитель Пригляд. Жители Хребтецкого посада тому весьма рады, но когда дежурство Венселя подходит к концу, Пригляду достаются неприбранная зельеварня, беспорядок в бумагах и опустошение в хранилище лекарств. Тот плюётся, приводя своё хозяйство в должный вид, и ворчит: «Вот ведь Маэлево наказание! Как-то этого нечипуру*** терпит его жена...»

Гарнизонный народ, слыша Приглядовы причитания, лишь посмеивается: что с тормала взять, по его мысли, любой нормальный человек должен быть непременно женат, а на деле-то бывает по-разному. Только верно судит о людях именно целитель Пригляд, а не гарнизонные молодцы. За Оградой кого ни спроси, каждый знает тётку Горностаиху с Венселева подворья, что в Задках. Женщина она тихая, скромная и неяркая собой, но лишь её голосу отзывается странный маг Горностаи и лишь ей глядит он в глаза, и живут в их доме лад да радость.

Ну, а правда всё это или так, досужие байки — о том кто болтает, тот сам не знает, а кто знает, тот зря не болтает.

Примечания:

* В кравотыньских шахтах работали рабы, захваченные в военных походах, и преступники.** До приказа Идрис мужчины, не способные к воинской службе, в Кравотыни в правах приравнивались к рабам: они считались живым имуществом воина-хозяина дома.*** Алшахраджид — "добрая слава".**** Нечипура — неряха, разгильдяй.

Больше книг на сайте - Knigoed.net